

Давыдова Инесса

**Роман из серии:
«Его звали Патрик»**

Часть первая

И расставил Паук свои сети

Пролог

Через приоткрытое окно с улицы доносился металлический скрежет мусороуборочной машины, который отвлекал и мешал сосредоточиться на цифрах. Полковник закрыл окно, выключил мобильный телефон и выдернул из розетки вилку внутренней линии связи. Время, словно высокоскоростной поезд, неумолимо приближало его к совещанию, а ему никак не удавалось свести показатели по области за квартал. Алексей Сергеевич вытер носовым платком со лба пот и тяжело вздохнул. Мысли как бродячие псы, слонялись где угодно только не в сводной таблице по раскрываемости. С самого утра, словно предчувствуя беду, сердце разрывалось от тоски. Вспоминалось детство, особенно та часть, в которой еще присутствовал отец.

«Сейчас бы накатить стопочку коньяку с Валеркой, да поговорить за жизнь», – подумал полковник и тоскливо посмотрел на фотографию старшего брата.

Генерал-полковник Валерий Сергеевич Архангельский, будучи директором федеральной службы исполнения наказания, в кабинете брата был не частым гостем. Его рабочий день был расписан по минутам. А после того как мать поселилась у брата в загородном доме, полковник и вовсе перестал с ним видеться. Сейчас он даже затруднялся вспомнить, когда же они встречались в последний раз?

«На крестинах внука! Точно... Как же давно это было...».

Настойчивый стук в дверь заставил полковника отвести затуманенный взгляд от разложенных на столе бумаг.

– Войдите!

В кабинет заглянул рыжеволосый дежурный по канцелярии лейтенант Долгин и скороговоркой произнес:

– Алексей Сергеевич, еще раз здрасти, что у вас с телефоном? Не могу дозвониться.

Долгин, хоть и часто стригся, но своей шевелюрой напоминал Антошку из мультфильма «Рыжий, рыжий, конопатый». Тот же фонтан торчащих волос, веснушки и задиристый нрав.

Архангельский поднял трубку, чтобы проверить есть ли гудок и тут же вспомнил:

– Я его отключил.

– Ой... да... забыл... вы же готовитесь к совещанию. Я чего хотел... вас просят пройти в комнату для допроса.

– Кто? – недовольно буркнул полковник.

Архангельский не любил, когда его отвлекали во время подготовки отчета, написание которого ему и без того давалось словно спорное завещание на смертном одре.

– Терентьев, – уточнил Долгин.

– Рогова допросили? – Алексей Сергеевич закрыл папку и, посмотрел на застывшего в дверях дежурного.

– Допрос еще не закончен, товарищ полковник. Сейчас задержанный беседует со своим адвокатом, – протараторил Долгин уже более официальным тоном и потер переносицу усеянную веснушками.

Архангельский чуть нахмурился, припоминая детали громкого дела, которое вел майор Терентьев. Серийный насильник и убийца, которого в правоохранительных органах прозвали Пауком, почти три года благополучно уходил от рук полиции, пока, наконец, не был пойман с поличным. Взглянув на часы, полковник подметил, что повторный допрос Паука длился почти два часа, и если Терентьев просит присоединиться, значит, в деле появились новые детали.

– Скажи, сейчас буду, – отозвался полковник и загрубелыми пальцами зачесал назад волнистые волосы с проседью.

Рыжая голова тут же исчезла, дверь кабинета плавно закрылась, приглушая торопливые шаги. Полковник убрал бумаги в выдвижной ящик стола, застегнул пуговицы на кителе и вышел в коридор. Увалистой походкой он пересек узкий побеленный коридор и стал спускаться по лестнице. Коллеги здоровались с ним за руку и приветственно улыбались. В следственном управлении полковника называли Архангелом, частично из-за фамилии, частично за отзывчивость и готовность всегда прийти на помощь. Сам он это прозвище не любил и каждый раз хмурился, когда его слышал.

На ходу полковник вспоминал, как три дня назад, во время задержания, опергруппе удалось спасти последнюю жертву Паука. Сейчас женщина была в безопасности и под присмотром врачей, но из-за перенесенных издевательств она ни с кем не говорила. Кардинально ее показания ничего бы не изменили – доказательного материала на маньяка было собрано достаточно, чтобы предъявить обвинение, но она могла рассказать детали преступления, которые убийца от следствия предпочел скрыть.

Спустившись по лестнице на первый этаж, полковник дошел до конца коридора и увидел борцовскую фигуру Михаила Терентьева. Майор курил, прислонившись к стене, и внешне казался совершенно спокойным, но наметанный глаз полковника сразу подметил ослабленный галстук и растертые до красна еще в юности поломанные уши.

– Ну? – Архангельский остановился в шаге от друга, демонстративно отгоняя рукой сигаретный дым. – Зачем позвал?

Терентьев пальцами затушил сигарету и качнул головой в сторону ближайшего кабинета. Архангельский с удивлением посмотрел на молчаливого майора, и вошел за ним в кабинет. Майор прикрыл дверь и быстро заговорил. Глаза его горели, как два тлеющих уголька, а голос от волнения периодически срывался и переходил на несвойственные ему высокие ноты.

– Он сам заговорил! Я начать не успел, а он все, как на духу!

– Он подписал показания? – Архангельский вопросительно посмотрел на Терентьева и, дождавшись от коллеги нервного кивка, добавил: – А теперь в двух словах.

– Его интересовал определенный типаж жертвы: красивая, молодая и, главное – она должна была быть женой или близкой родственницей высокопоставленного чиновника!

– Ну, положим, мы это и без него знали, – сказал полковник, тяжело опускаясь на скрипучий стул.

Он еще помнил, как на стоянке управления то и дело появлялись машины представительского класса с сопровождением, а на некоторых из них даже красовались правительственные номера. Чиновники требовали бросить все

ресурсы на поиск пропавших родственниц и поимку маньяка, который как фокусник из раза в раз исчезал из расставленной ловушки.

– Где он их держал?

– Он назвал несколько адресов – судя по всему, частные дома в дачных поселках, где зимой почти никто не живет. Нужно будет проверить...

– Дальше...

– А дальше..., насильничал, пока не забеременеет. Потом запугивал обещанием найти, если вздумает кому-то рассказать и отпускал с одним условием – сохранить ребенка, – Терентьев сделал короткую паузу, набираясь решимости произнести самое ужасающее в деле Паука. – Если жертва не беременела, то он с ней жестоко расправлялся. Этот сукин сын настоящий большой урод! Дифференцированно подходил к этому делу, понимаешь? Убивал в зависимости от причиненных ему огорчений! Кого-то сразу, а кого-то неделями истязал!

– Поэтому убийства были такими разными, и поэтому мы не сразу поняли, что это один человек, – напомнил вывод следственной группы Архангельский.

– Да. Сказал, что одни женщины вызывали у него сочувствие, но были и те, кто открыто бросали ему вызов. Один раз, как он выразился, он даже испытал к жертве глубокие симпатии – но правила есть правила – она не забеременела и через три месяца цитирую: «Я любя задушил ее подушкой».

– Понятно, – оценивающе произнес полковник, – а где остальные тела? Ведь мы нашли не всех.

Майор вынул из кармана пиджака листок бумаги, протянул полковнику и на автомате потянулся за сигаретой. Заметив его жест, полковник бросил на него упреждающий взгляд. Прорывав, словно лев, которому после изнурительной охоты не дают насладиться собственной добычей, Терентьев закатил глаза к потолку, но все же убрал пачку сигарет в пиджак.

– Сколько ты уже не куришь?

– Месяц держусь, – ответил Архангельский и развернул листок. – Что это?

– Это список всех убитых им женщин.

– Что?! – полковник удивленно уставился на длинный перечень имен и фамилий. – Сколько их?

– Двадцать две, – весома произнес майор и тут же добавил: – И это только список *убитых*.

Архангельский быстро пробежался по списку жертв и многозначительно взглянул на Терентьева.

– Представляю, каким будет список беременных...

– И как ты понимаешь, даже если он их назовет, они, вряд ли пойдут на сотрудничество. Никто не захочет выносить такое наружу... а их высокопоставленная родня..., – недоговорив, Терентьев красноречиво махнул рукой, предоставив полковнику самостоятельно додумывать дальнейший ход событий.

– Подумать только, сколько детей от этого маньяка живут сейчас внутри семей, как птенцы кукушки и отцы, ни сном, ни духом. Так... с этим все ясно. Он рассказал, где спрятал тела?

– Вот тут на сцену и выходит Архангел, – усмехнулся Терентьев и поднял руку, предвидя негативную реакцию полковника. – Прежде чем он назовет места захоронения, у него есть два условия...

– Какие еще условия?! – вскипел Архангельский. – Ты много таких списков видел?! Вот такой вот длины?!

Выдержав натиск полковника, Терентьев негромко проговорил:

– Он просит, чтобы раз в неделю его осматривал личный врач, говорит, болеет чем-то хроническим, и хочет, мол, до суда дожить. Это первое.

Архангельский кивнул, жестом руки поторавливая майора.

– И второе – он хочет поговорить с тобой лично. Без свидетелей.

– Со мной? О чем? – удивился полковник, его кустистые брови взлетели вверх, от чего лоб стал похож на гармонь.

– Я не знаю, – развел руками Терентьев, – дело ты не вел, в детали не посвящен. Сам не понимаю.

– Странно, – Архангельский обернулся на шум голосов в коридоре, – дело курирует Логинов, я ничего не решаю.

– Может, он знает про высокий пост твоего брата?

– Может, – допустил полковник и после паузы спросил: – А защита не против. Напомни-ка, кто у него адвокат?

– Наталья Демидова.

– Не слышал о такой.

– Молодая девчонка, – Терентьев пожал плечами, показывая тем самым свое удивление, – и как только не побоялась взять такого клиента. Ведь она с ним наедине не один час оставалась.

Почесав гладко выбритый подбородок, полковник поразмыслил, затем поднялся со скрипучего стула и решительно произнес:

– Я поговорю с ним. Послушаю, что он там надумал для себя выторговать.

Они вышли в коридор. Терентьев и тут же с нетерпением закурил, всем своим видом давая понять, что воздерживаться от дурной привычки больше не намерен. Архангельский скрылся за дверью комнаты, которую часто использовали для допросов. Через полминуты в коридор вышла высокая девушка с длинными волнистыми волосами цвета ржавчины. На ней был брючный костюм в мелкую серую полоску и белая блузка с плиссированным воротом. Это была Демидова, адвокат Паука. Улыбнувшись Терентьеву, она подошла к нему, уверенно покачивая бедрами и, вытащив из сумочки тонкую длинную сигарету, томно спросила:

– Не дадите девушке прикурить?

Майор расплылся в дерзкой улыбочке и потянулся за зажигалкой. Демидова ему понравилась еще в день ареста Рогова. Бойкая, самоуверенная, спортивная фигура, за словом в карман не полезет. Стоило ей поднять глаза на своего клиента, как тот мгновенно из удава превращался в кролика.

Адвокат прикурила, хитро прищурилась и ехидным тоном осведомилась:

– Боюсь показаться навязчивой, но где я могу выпить воды? В горле пересохло после вашего допроса с пристрастием.

– Хм... так уж и с пристрастием... – скопировал ее манеру разговора Терентьев и качнул головой в сторону лестницы.

Через полчаса в накуренном кабинете Терентьева адвокат притушила третью сигарету в пепельнице и посмотрела на наручные золотые часы усыпанные бриллиантами.

– Продолжим допрос? Хоть у меня это и первый клиент, дел от этого не меньше.

Терентьев тоже посмотрел на висящие над дверью офисные часы, вскочил как ужаленный и воскликнул:

– Забыл про Архангела!

– Кого?

Он галантно вывел Демидову из кабинета и побежал вниз по лестнице, предвкушая, что полковник сейчас изложит суть просьбы задержанного. Терентьев заглянул в комнату для допроса, но кроме Рогова и охраняющего его лейтенанта Софиева, в комнате никого не было. Увидев майора, Паук злобно осклабился, его лицо похожее на восковую маску перекопилось, словно от инсульта. Крепкое жилистое тело никак не вязалось с его возрастом – по паспорту Пауку было за шестьдесят. Он выделялся своей могучестью даже на фоне богатырской фигуры Софиева. Слегка сощуренные карие глаза смотрели на майора пронизывающе-колючим взглядом, от которого хотелось врезать извергу промеж глаз. Майор живо представил, как в считанные секунды расправляется с противником на татами и от этой фантазии ему немного полегчало.

– Где полковник? – быстро спросил Терентьев у вскочившего при его появлении лейтенанта.

– Ушел, – Софиев покосился на Рогова, и добавил: – Минут десять назад.

Губы задержанного дрогнули, расплываясь в мерзкой широкой улыбке и оголяя пожелтевшие от курения крупные зубы.

Терентьев выскочил в коридор и двинулся в сторону кабинета полковника. Самодовольная ухмылка Паука навязчиво вертелась перед глазами, распаяя любопытство майора. Что же он сказал полковнику? Зачем понадобился именно Архангел?

Когда он проходил мимо выходящего на служебную стоянку окна, на улице прогремел выстрел. От неожиданности Терентьев вздрогнул и быстро огляделся по сторонам.

– Кто стрелял?! – крикнул он в пустоту коридора, в надежде на то, что его кто-нибудь услышит, но кругом стояла звенящая тишина.

Терентьев рванул на стоянку и едва не столкнулся с вбегающим в здание Долгиным. Его и без того непослушные кудрявые волосы стояли торчком, как

после удара током. В глазах читался ужас. Еле переводя дух от быстрого бега, он с отчаянием выпалил:

– В машине!

– Кто стрелял?!

– Кто стрелял? – растеряно повторил лейтенант и тут же ответил: – Архангельский!

– В кого?!

– В кого? Он... там... он... застрелился! В машине!

Оттолкнув растерянного сотрудника, Терентьев выбежал из здания. Мертвенно бледный лейтенант медленно сполз по стене, рукавом вытирая влажные от слез щеки.

– Архангел застрелился... Почему? – растеряно бормотал он.

Рядом с машиной Архангельского, нервно заламывая руки, стояла бледная как полотно сотрудница бухгалтерии. Ее остекленевший взгляд был прикован к безжизненному телу полковника. Первым, что увидел Терентьев, была кровь вперемешку с частицами мозгового вещества. От выстрела окровавленная щека полковника впечаталась в боковое стекло, демонстрируя выходное отверстие от пули, которая пробила стекло и застыла под ногами оцепеневшей женщины. Тонкие струйки крови капали на мобильный телефон, который полковник в предсмертной судороге крепко сжал в ладони.

Не в силах пошевелиться Терентьев встал как вкопанный. Дыхание сдавило, к горлу подкатил ком и перекрыл голосовые связки. Звуки перешли на низкую частоту, от чего он не узнавал голоса своих коллег, быстро прибывавших на служебную стоянку. Чья-то рука тяжело опустилась на плечо, майор как в замедленной съемке повернул голову. Рядом стоял его начальник, полковник Логинов и командным голосом отдавал приказы.

– Очистить стоянку от посторонних! Вызвать экспертов и медиков! Никто не покинет управление до моего особого распоряжения! Задержите всех свидетелей и препроводите в мою приемную, – затем повернувшись к Терентьеву, он понизил голос и добавил извинительным тоном: – Миша, тебя, как понимаешь, я на это дело назначить не могу – вы были друзьями, поэтому расследование возглавлю я сам.

Майор хотел возразить, разомкнул слипшиеся губы, но так и не смог ничего произнести. По позвоночнику пробежала ледяная волна, которая сковала не только тело, но и разум. Разум отказывался верить в то, что видели его глаза.

Нет! Этого не может быть! Только не Архангел! Зачем? Немыслимо, нереально, неправильно!

Глава первая

Необычное поручение

Самолет летел где-то над Атлантикой, когда Герман открыл глаза и, отметив по привычке время, потянулся, прогоняя остатки сна. Опять кошмар. Все тот же... снова и снова. Память, как зудящий нарыв, настойчиво напоминала ему то, что он так тщательно старался забыть. И даже проснувшись, ему все еще были слышны крики товарищей, непрекращающаяся автоматная очередь и этот раздирающий сознание посвист над головой.

Примечательным было то, что ему не снились сны о настоящем, будто его и вовсе не было. Всем, кто его окружал в повседневной жизни, не находилось места в его сновидениях. Видимо потому, что ночью его подсознание одерживало победу над созданной легендой, и наружу вырывалась его настоящая личность, а у нее были свои переживания и герои.

Нашупав в кармане платок, Герман вытер со лба пот и огляделся по сторонам. Почти все пассажиры спали, только редкие рассеянные пучки направленного с потолка света подсказывали ему, что кто-то, как и он страдает бессонницей. Бессонница стала его постоянной подружкой. Навязчивая, бросающая в холодный пот и доводящая его сознание до расщепления на множество личностей, которыми ему когда-то приходилось быть. С ней он вынуждено познал состояние забвения, в котором не понимал, где находится и кто он. Приступы длились часами, а в последнее время участились, и он сильно рисковал, не обращаясь за помощью.

Он встал и, держась за спинки кресел, пошел по проходу. Открыл дверь туалета, втиснулся в узкий застенок между унитазом и маленькой раковиной с висящим над нею зеркалом. Яркие, но холодные лампы осветили худощавое лицо.

Покрасневшие от постоянного недосыпа глаза устало смотрели на него из-под тяжелых припухших век, напоминая о «легенде», человеке по имени Александр Высоцкий, в шкуру которого ему пришлось влезть на долгих три года. Он надеялся его оставить в глухой венесуэльской деревушке, но видимо не смог. Прикипел. Он здесь, совсем рядом, смотрит на него из глубин сознания и ухмыляется. Так кто же он в данную минуту? Брутальный и безбашенный байкер, не имеющий даже школьного аттестата, у которого нет никого на белом свете или интеллектуальный, образованный, замкнутый разведчик, имеющий дочь и жену, правда, теперь уже бывшую.

«Алессандро», – прозвучал над ухом до боли знакомый женский страстный шепот.

Его даже передернуло. Быстрыми движениями проворных пальцев он поправил черные как смоль волосы, несколько раз сполоснул холодной водой лицо, и тут же почувствовал прилив энергии – в этом самолете даже вода пахла по-другому.

«Нужно выспаться, постричься и это недоразумение..., – подумал Герман и сильно дернул за правый бакенбард, – ... сбрить к чертовой матери!».

Отсутствие туалетной бумаги окончательно восстановило порядок в голове – Родина! Уже улыбаясь, Герман с облегчением выбрался из мечты клаустрофоба, и вернулся к своему месту. Его сосед тоже проснулся и читал журнал на русском языке. Герман взглянул мельком на обложку, в душе тонкими струйками разлился бальзам. «Охота и рыбалка» – любимый журнал Батяни, его преданного друга и самого старшего из его прежней разведывательной группы.

Сосед обдал Германа оценивающим взглядом и задал избитую до оскомины фразу:

– Сколько нам еще лететь?

– Больше четырех часов, – Герман отвернулся к иллюминатору, и сделал вид, что спит.

После трех лет разлуки, его волновала предстоящая встреча с семьей. Он безумно соскучился по дочке и, конечно, по Лере, с которой он хоть и был официально в разводе, но чувства к ней от этого гражданского акта не угасли. Наоборот, познав жизнь с другой женщиной, пусть даже ради задания, он понял,

каким был глупцом, что не удержал жену. Согласие на развод он дал сгоряча, что было совсем на него непохоже, перед самым отъездом на последнее задание группы, когда Лера окончательно поставила его перед выбором – либо работа, либо семья...

Его сосед снял очки, аккуратно сложил их в футляр, откинулся в кресле и закрыл глаза. Герман же в этот момент размышлял, что его ждет в управлении. Он не понимал, почему его отозвали в самый разгар операции, которую он готовил несколько месяцев, но повод должен был быть очень серьезным, раз шеф, а возможно руководство повыше, рискуя его прикрытием, отозвало агента прямо перед захватом цели. Германа это не просто насторожило, а до жути разозлило. С дикими воплями он кромсал все подряд в деревенской лачуге, пока не выпустил пар. Три года напряженной и выматывающей работы, наконец-то он у цели и какая-то конторская крыса решает его отозвать.

Зажглось табло с надписью «Пристегните ремни», самолет несколько раз тряхнуло. Спокойный и мелодичный голос стюардессы на английском, испанском и русском языках сообщил, что самолет вошел в зону турбулентности и пассажирам необходимо пристегнуть ремни.

Сосед снова открыл глаза и усмехнулся.

– Похоже, уснуть нам сегодня так и не удастся.

Вместо ответа, Герман сдержано улыбнулся и потянулся к ремню безопасности...

&&&

После прохождения таможенного контроля в Шереметьево, Герман один из последних пассажиров рейса Мехико-Москва подошел к ленточному транспортеру, на котором одиноко катались две его сумки и чемодан. Ловким движением он срезал багажные бирки, положил их в карман куртки и направился с потоком пассажиров к выходу из аэропорта.

Не обращая внимания на призывные скороговорки наседавших на него таксистов, он вышел из здания и уверенно направился в сторону автобусной остановки. Весеннее солнце застенчиво скрывалось за серыми дождевыми тучами, даже отдаленно не напоминая тот обжигающий желтый круг, к которому

Герман уже успел привыкнуть. Но что-то было в этих лужах под ногами, в этой, словно повисшей в воздухе холодной мороси, в родных буквах на вывесках, старательно информирующих что, кому, куда. Что-то такое, отчего на душе теперь во всю ширь разливалось родившееся еще в самолете осознание – я дома!

Дождь медленно набирал силу. На остановке, в ожидании рейсового автобуса несколько человек сбились в кучу над полупрозрачным козырьком из пластика. Вид у них был изнуренный, как после тяжелой рабочей недели в шахтерском забое, и Герман вдруг поймал себя на мысли, что успел отвыкнуть от вечно недовольной серой московской массы без намека на улыбку. Он уложил сумки на чемодан и закурил сигарету, незаметно оглядывая рядом стоящих людей и от безделья строя догадки на тему, кто есть кто. Его цепкий взгляд выхватывал красноречивые детали, которые логической цепочкой складывались в общую картину.

Внимание Германа привлек подъехавший к остановке «Бентли Арнаж», черного цвета с тонированными стеклами. Герман еле заметно улыбнулся, затылком чувствуя направленные ему в спину молчаливые взгляды, и показал на свой багаж. Коренастый водитель «Бентли» в строгом черном костюме без вопросов погрузил сумки и чемодан в багажник, засек время на наручных часах и отошел в сторону.

Герман понял, что шеф хочет начать разговор наедине и от этой мысли ему стало не по себе. За три года он не забыл крутой нрав генерала и как рентген пронизательный взгляд. Он открыл пассажирскую дверь и заглянул в салон. Шеф как обычно сидел на заднем сиденье, с интересом водя пальцем по экрану смартфона. Увидев Германа, он нахмурился и, недовольно проговорил:

– Ну, чего встал?! Залезай, а то всю обивку намочишь!

У Германа на душе сразу отлегло – ворчание шефа должно было означать, что он рад видеть Германа живым и невредимым, а значит, отзыв с финальной стадии операции не наказание.

– И я рад вас видеть, – усмехнулся Герман, мягко захлопнул спружинившую дверь и протянул шефу руку.

– Патрик собственной персоной! – ехидно произнес шеф и пожал руку.

– Давно меня так никто не называл, – с улыбкой заметил Герман, – не ожидал сегодня вас увидеть. Думал, встретимся завтра в управлении.

– Хотел лично убедиться, что ты в порядке и готов к дальнейшей службе, – шеф поджал губы и одарил подопечного своим коронным пристальным взглядом.

– Убедились? – с ехидцей спросил Герман.

Николай Иванович парировал сухим вопросом, в котором насмешки было не меньше.

– Бакенбарды? Ты приехал из семидесятых?

– Местная традиция, – отшутился Герман.

– Ой, что-то я сомневаюсь, скорее это пристрастие Марии.

От упоминания имени «подружки» Герман с силой сомкнул челюсть, от чего его губы сложились тонкой нитью. Николай Иванович продолжал буравить разведчика пронизательным взглядом, его глаза на секунду вспыхнули, и Герман понял, что от шефа по-прежнему ничего не скрыть.

Шеф взял паузу, во время которой отправил сообщение, затем повернулся и едко подметил:

– Плохо выглядишь.

– Ерунда, отосплюсь и приду в норму.

Во время разговора Герман тоже внимательно изучал лицо шефа и понял, что только что получил одобрение на следующее задание и перешел к главному:

– Николай Иванович, почему меня отозвали?

– Потом, – шеф многозначительно посмотрел на только что вернувшегося в машину водителя и протянул Герману пакет. – Произведем обмен?

Герман вскрыл пакет и обнаружил новенький российский паспорт на свое настоящее имя, водительское удостоверение и кредитную карту московского банка.

– Так, видимо я сюда надолго, – с облегчением сделал вывод Герман и достал из другого кармана только что проштампованный на таможенном контроле заграничный паспорт и положил в пакет. Туда же отправилось все, что могло хоть отдаленно напоминать о его пребывании в Венесуэле – чеки из аэропорта, бирки от багажа и даже венесуэльские сигареты, к которым он за последние три года успел сильно привыкнуть.

Шеф взял пакет и спрятал его в потайном отсеке подлокотника. Водитель посмотрел в зеркало заднего вида и учтиво спросил:

– Николай Иванович... куда?

– На Тверскую, – ответил генерал и, переведя хмурый взгляд на Германа, добавил: – Поживешь несколько дней в отеле.

И все же было что-то не так! Обычно после задания его держали несколько дней в «шлюзе» – месте, где агент проходит адаптацию и скидывает с себя «легенду». Герман нервно сглотнул и сжал челюсть. Неужели он прокололся? А может кто-то из связных засек его ночные глюки? Ведь за ним наверняка приглядывали?

По дороге в гостиницу, Герман продолжал с любопытством поглядывать на шефа. Видимо за время его отсутствия он не изменил своим привычкам: черный приталенный двубортный костюм, традиционный шелковый серый галстук и белоснежная рубашка. На левом мизинце поблескивало кольцо с рубином, а в правой ладони он сжимал любимую трость с серебряным наконечником в виде львиной головы, которая большую часть времени просто висела на руке шефа как антикварный аксессуар. По словам генерала, эта трость досталась ему от отца, а тому от деда и была настоящим раритетом.

– Верны привычкам? Все тот же конь, – Герман взглядом обвел салон «Бентли».

– Я не изменяю марке, эта совершенно новая, сделанная на заказ. Еще не выветрился заводской запах, – с какой-то потаенной гордостью произнес шеф, шумно втянул носом и повел бровями.

– А куда прежние деваются? – спросил Герман и тут же иронично добавил: – Ах да! Чуть не забыл, какой-нибудь доброй самаритянке с разбитым сердцем, но светлыми надеждами на будущее.

– Я скучал по твоему сарказму, – сдержано произнес шеф.

– Могу еще, – не удержался Герман, сознавая, что ходит по острию ножа.

– Спасибо, обойдемся, – генерал вновь достал смартфон и, ловко тыкая пальцем в экран, добавил: – Ты пока видами любуйся. Изменилась Москва, не узнать...

Остаток пути они проехали молча. Герман с любопытством разглядывал новые столичные постройки и подметил, что за три года Москва разрослась, а пробок стало еще больше. Несмотря на весну в самом ее разгаре, небо окончательно заволокло серыми тучами, и город показался по-зимнему мрачным и унылым. Подъехав к отелю, машина остановилась перед парадным подъездом, и швейцар услужливо открыл перед шефом дверь.

– Я буду в ресторане. Приведи себя в порядок и спускайся. У нас здесь встреча, – сказал шеф и, выйдя из машины, направился в отель.

– У нас? – переспросил Герман.

Ответом был протянутый водителем сложенный в прозрачный чехол костюм-тройка.

&&&

Герман подошел к рецепции гостиницы и протянул приветливо улыбающейся девушке администратору новенький паспорт.

– На мое имя забронирован номер.

Улыбка стала еще шире, администратор вывела список забронированных номеров.

– Бронь на господина Патрикеева, номер триста сорок три, добро пожаловать Герман Всеволодович, – сказала девушка и, сняв ксерокопию с паспорта, тут же вернула ему документ.

– Спасибо.

– Ваш электронный ключ от номера и купоны на бесплатные услуги отеля, – она протянула ему конверт.

– Благодарю, – Герман проигнорировал конверт, взял ключ и направился к лифту.

Ждать пришлось недолго, и уже через две минуты он входил в дверь полулюкса. Осмотрев номер, Герман остался доволен. По-армейски быстро принял душ, побрился, с наслаждением стерев с лица порядком надоевшие бакенбарды. Переоделся в деловой костюм, стоимость которого даже на глазок заметно превышала его трехмесячный оклад. Без командировочных, конечно.

Застегнув ремень на брюках, он посмотрел на свое отражение в зеркале, поправил невидимые складки и улыбнулся. Подарок генерала был, что надо.

Николай Иванович не любил ждать. Его рабочий график был расписан до минуты, и он старался не допускать его корректировки. Зная почти болезненную щепетильность шефа в рабочих вопросах, Герман торопливо спустился на первый этаж. Но перед дверью в ресторан отдышался и внутрь уже вошел спокойным, размеренным шагом.

Просторный зал ресторана был почти пуст. Молодая женщина в длинном концертном платье играла на фортепьяно. Блестки на ее платье переливались в такт музыки, приковывая взгляды немногочисленных посетителей. Герману присутствие пианистки в такой ранний час показалось неуместным, да и классический репертуар был здесь совершенно некстати. В ресторанах приятнее слышать легкую оркестровую музыку или попури на признанные хиты последних лет.

«Маркетинг по-русски», – с раздражением подумал он.

Шеф сидел за барной стойкой и пил минеральную воду с дольками лайма. Он махнул Герману рукой и показал на рядом стоящий стул.

– Ну, теперь можно и поговорить. Как долетел?

– Нормально.

– Правильно сделал, что вернулся через Мексику.

– Угу. Так кого мы ждем? – спросил Герман, садясь рядом с шефом.

– Этому человеку нужна помощь. Я его должник и надеюсь, ты поможешь мне расплатиться. Ты ведь знаешь, как я не люблю быть должником, – со вздохом поведал шеф.

– Не вопрос, – Герман сделал знак бармену, чтобы тот налил ему пива.

«Не из-за этой ли встречи я в Москве?».

Генерал хмуро посмотрел на бармена, потом на своего подопечного.

– Рановато для пива. Мне сейчас твои мозги нужны, а не сопли.

– Все нормально, – отмахнулся Герман. – Мозги заработают еще быстрее.

А пока мы одни, может, расскажете, почему меня вытащили в разгар операции, которую я как слониха вынашивал несколько лет? И хочу напомнить, что мы на такой срок не договаривались. Речь шла о пяти месяцах, но видимо у кого-то в

управлении с математикой туго. С чего это вы обычное похищение довели до полномасштабной операции?

– С математикой в управлении все в порядке, – немного обиженным тоном заверил шеф. – Твою командировку постоянно пролонгировали из-за прослушки, что мы установили с твоей помощью. Кто же знал, что мы наткнемся на такую жилу? Так что не надо строить из себя обиженного мальчика, которому мама отказала во внимании. А вытащил, потому что ты там больше не нужен. В дело вступила другая группа. Управление хочет и в будущем использовать твои тесные связи с семьей Санчес, поэтому твое присутствие во время задержания братьев Родригесов было совершенно неуместно. Что ты сказал Марии перед отъездом?

– Что друг попал в беду, – сухо ответил Герман, улыбка медленно сползла с лица.

Три года назад Управление поставило перед Германом задачу выяснить, кто и с какой целью похитил дочь российского чиновника. Денежный след привел Германа в Венесуэлу, а позже и к Марии Санчес, которая обналачивала выкуп за дочь «клиента». К пылкой, но осторожной девушке Герман подбирался целый год, параллельно расследуя ее масштабную деятельность. Мария была для него проходным билетом в закулисы закрытого семейного клана, который управлял самым крупным наркокартелем в Латинской Америке. Закончила в Москве институт дружбы народов, неплохо говорила по-русски и питала нездоровую страсть к крутым парням с дурной репутацией. Под ее вкусы и писалась легенда для опытного агента, работающего под псевдонимом Патрик.

– Кто зачищал виллу? Случайно не мои архаровцы? – Герман сделал глоток пива.

– Операция уже завершена, – ушел от прямого ответа Николай Иванович.

– А чтобы узнать, чем все закончилось мне нужно карты раскинуть? – раздраженно процедил Герман.

– Накрыли картель со всей их финансовой схемой и отлаженной логистикой, – с неохотой ответил шеф. – Беглянка уже в Москве у отца.

– А что с братьями Родригес?

– Старший погиб при захвате. Младший – у нас.

– В каком состоянии дочь «клиента»?

– Как ты и утверждал, она была с младшим Родригесом. На первом же допросе вывернулась наизнанку, пытаюсь доказать, что сама предложила студенту-любовнику взять ее в Венесуэлу.

– Но вы ей не верите?

– Почему? – пожал плечами генерал. – Верю. Я не удивлюсь, если выяснится, что она сама продумала весь план своего «похищения» – та еще мадмуазелька. Скользкая и ушлая как папаша. Если бы тот не вертелся как угорь на сковородке, а сразу сказал, куда и когда перевел выкуп, то ты бы уже год назад был дома. Родригес был для нее хорошим прикрытием, а настоящих ее намерений сам сатана не знает.

– Деньги за выкуп нашли?

– Третью часть. Остальное предприимчивая девушка успела вложить в бизнес, – шеф кинул на своего протеже красноречивый взгляд.

– Дайте-ка угадаю, – глаза Германа заискрились, – она вложила их в семейное дело Родригесов? – генерал кивнул. – Наркота – один из самых прибыльных бизнесов, – усмехнулся Герман.

Минуту оба молчали, переваривая итоги операции.

– Поговорим о предстоящем деле. У моего товарища кое-что произошло и это спутало все мои планы, а ты же знаешь, как я не люблю пересматривать свои планы.

– А как же! И это я тоже хорошо знаю, – шутливо произнес Герман и сделал два больших глотка холодного пива, – ну так что за дело?

– Дело очень сложное, необычное и конфиденциальное.

– Надеюсь, это не чистка Авгиевых конюшен, – Герман с наигранной надеждой посмотрел на шефа, но тот был серьезен, как никогда, и шутка не прошла.

– Неволить не стану, но знай, если возьмешься за это дело, то будешь строго следовать легенде. Для всех ты был в госпитале. Я проследил за бумажным следом твоего пребывания в том заведении – не подкопаться, – повернувшись в сторону холла, который хорошо просматривался из бара, генерал сказал: – А вот и он. Минута в минуту. Ценю пунктуальность.

В ресторан зашел высокий подтянутый мужчина лет шестидесяти в темно-сером костюме и прошел к дальнему столику. Через минуту двое официантов прикрыли его от остальной публики ширмой, а на соседних столиках разложили таблички «Столик зарезервирован», из чего Герман понял, что встреча спланирована заранее и носила конфиденциальный характер.

Когда он с шефом приблизился к столику, незнакомец привстал и улыбнулся.

– Без права на славу, во славу державы¹. Так, кажется? – сначала он протянул руку шефу, затем повернулся к Герману и добавил: – Не знал, что когда-нибудь удостоюсь чести пожать руку легендарному Патрику.

– Герман, знакомься, это Валерий Сергеевич Архангельский. Он возглавляет федеральную службу исполнения наказания.

– Здравствуйте, – учтиво произнес Герман и пожал твердую руку чиновника.

– Дальше ты сам, – сказал шеф, глядя на друга.

– Дело вот в чем, – без предисловий начал излагать Валерий Сергеевич, – мой младший брат – начальник СК главного следственного управления по московской области, неделю назад застрелился в своей машине на служебной стоянке управления. Все выглядело как самоубийство и мы уже смирились с этой мыслью. А после похорон его друг, майор Терентьев позвонил мне и рассказал о том, что перед самой смертью он полчаса беседовал с задержанным маньяком, которого они ловили несколько лет и что сам маньяк добивался встречи с братом.

– Вы хотите, чтобы я расследовал его смерть? – уточнил Герман.

– Да. Я хочу, чтобы вы, во-первых, установили факт самоубийства и, во-вторых, узнали, о чем преступник говорил с моим братом. Знаю, брата не вернешь, но я хочу восстановить его доброе имя. Фамилия Архангельских не должна быть запятнана, – последние слова мужчина произнес негромко, но твердо, выдавая привычку отдавать приказы.

– Сочувствую вам, – сказал Герман, приложив руку к груди, – но мой профиль разведка и контрразведка, я никогда не расследовал убийств и не имел дело с маньяками. В их поимке нужны специальные навыки и знания.

¹ Без права на славу, во славу державы – Девиз нелегальной разведки.

– Согласен. Но в данном случае маньяка ловить не надо. Он в СИЗО, – тон чиновника смягчился. – Мне нужен человек со стороны с *вашими* навыками. Когда Николай Иванович предложил вашу кандидатуру, я внимательно изучил ваш послужной список. Вы умеете быть в тени и одновременно решать самые сложные задачи. Хорошо работаете в команде и не тянете на себя одеяло.

– Валерий Сергеевич, а как вы видите сам процесс? Я что приду в прокуратуру и буду самостоятельно вести расследование? Кто меня допустит к делу?

– Все уже улажено. Формально вы придете как помощник следователя в подчинение к полковнику Логинову и будете работать в паре с майором Терентьевым. Он даст вам полный допуск к информации. Я надеюсь, что свежий взгляд такого спеца, как вы, даст толчок в расследовании.

– А если ваш брат все-таки застрелился?

– Хочу убедиться в этом, поэтому и обратился за помощью, – сказал Валерий Сергеевич и многозначительно посмотрел на друга.

– А если он все-таки застрелился? – настойчиво повторил Герман.

– Тогда я должен знать почему.

– Герман, ответ нужно дать сейчас, – весомо произнес шеф.

Состроив недовольную гримасу, Герман на минуту задумался. Ему сейчас совсем не хотелось ввязываться в подобное дело; состояние психики было нестабильным, он в любой момент мог сорваться. Если признаться шефу, он настоит на лечении и тогда Герману придется уже реально лечь в госпиталь, а после такого вернуться к полевой работе будет очень трудно. Его закинут в тьму тараканью перебирать бумажки и поставят на карьере жирную точку. Он уже потерял семью, а теперь может потерять и работу. Герман представил себя на койке в больничной пижаме с горстью таблеток в руке и нервно сглотнул. Отказывать шефу ему тоже не хотелось, особенно учитывая все, что он для него сделал.

– Хорошо, я возьмусь за дело, – произнес Герман после паузы, – но у меня есть одно условие – мне нужна моя команда.

Валерий Сергеевич удивленно воззрился на Германа, потом перевел взгляд на его шефа.

– Этот вопрос вам лучше обсудить наедине. Жду от вас новостей. Вот моя визитка. Докладывайте по мере поступления любой информации и в любое время.

Когда чиновник вышел из ресторана, Николай Иванович посмотрел на Германа и с горечью произнес:

– Гера, я хотел сказать раньше, просто..., – генерал замолк на мгновение, подбирая слова, – нет больше твоей группы.

– Как это? – отпрянул Герман. – Вы распустили группу?!

– Распустил, – генерал тяжело вздохнул.

– Почему? Из-за меня? Черт, шеф, могли бы назначить Батяню старшим на мое отсутствие, он ведь уже не раз меня подменял. И где они сейчас?

Между бровями залегла двойная складка, генерал отвел взгляд и Герман понял, что сейчас услышит неутешительные новости.

– Алексей и Геннадий погибли...

От шока у Германа перехватило дыхание, лицо побледнело, руки непроизвольно сжались в кулаки.

– Как? Где?

– В Урузгане, сразу после того как тебя эвакуировали с заложником. Их нашли на окраине аула у стены саманного дома, сидели в рядок словно спали. Пулевые ранения в голову. Стреляли в упор. Управление проводило расследование, но виновных так и не нашли.

– Виновных? – с горечью переспросил Герман. – Каких виновных? Всем известно, что мы столкнулись с боевиками Омара. По ходу задания мы попали в самый разгар разборок между хазарейцами и суннитами. Там был ад. Леха с Генкой удерживали южную сторону аула, я видел их перед самой эвакуацией. Это они сдерживали боевиков, когда я с «клиентом» в вертушку грузился.

– Знаю, – сухо вставил генерал. – Все кто выжил дали показания.

– А что с остальными? – с тревогой в голосе спросил Герман.

– Павел в тюрьме. После Узургана его понесло по ухабам. Я пытался с ним поговорить несколько раз, но он будто воска в уши залил.

– За что сидит? – хриплым сдавленным голосом спросил Герман.

– Убийство. Связался с замужней. Муж не из робкого десятка оказался, полез в драку. Павел был пьян, – шеф намекал на «особое» состояние друга.

Стоило Павлу выпить, как он становился агрессивным и сам искал приключения. Шеф вздохнул и покрутил в руке телефон. – Батяня ушел в отставку. Теперь ему, наверное, уже под шестьдесят. Отвоевался.

– Почему в госпитале мне ничего не сказали? – с укором спросил Герман.

– А какой из тебя был бы тогда толк?

Такого Герман от генерала не ожидал. Он знал, что для Николая Ивановича всегда превыше всего была работа, никаких сантиментов, но, по мнению Германа, ему при любом раскладе должны были сказать о гибели товарищей. Госка сжала сердце стальными тисками, он прикрыл глаза, чтобы сконцентрироваться и не потерять над собой контроль. Наружу рвался монстр, который жаждал крушить все вокруг.

– Я в номер, – поспешно пробубнил он и, не дожидаясь ответа, рванул к выходу, сдирая на ходу с шеи галстук, душивший его словно удавка.

– Терентьев приедет за тобой завтра в девять утра. Чтоб трезвым был, как стеклышко! – успел крикнуть ему вдогонку шеф.

Но Герман его уже не слышал. Стиснув зубы, он схватился за лестничный поручень, как утопающий за буюк. Вспотевшие руки то и дело соскальзывали с покрытого лаком дерева. Он оступался, спотыкался, но упрямо держался на ногах. Внутри все горело, как от химического ожога. Перед глазами мелькали лица боевых товарищей, которые долгие годы были для него настоящей семьей.

Батяня. Он был им всем как отец, в трудную минуту всегда готов поддержать или дать дельный совет. Взгляд как рентген. С ходу давал оценку людям и никогда не ошибался. Вечно хмурый, он даже шутил не улыбаясь...

Пашка, позывной ППМ, самый близкий друг Германа. Они были вместе еще с армейской учебки. Паша был свидетелем на его свадьбе и крестным его дочери. Он был полной противоположностью Германа. Бесшабашный, опрометчивый, любитель шуток и розыгрышей, за что часто влипал во всевозможные передраги, из которых костеря на чем свет, его вытаскивал генерал. Был неразборчив в женщинах, что сказалось на количестве браков. А еще он отлично играл на гитаре и обладал бархатистым баритоном, знал наизусть почти всего Высоцкого...

Леха и Генка были двоюродными братьями. Всегда держались вместе, за это их шутливо прозвали «подружками». Молчаливые, добродушные, не чурались любой, самой опасной работы. Бывало, молча, выслушают задание и ответят: «Ну, надо, значит сделаем». Братья бредили мотоциклами, и при первой же возможности гоняли на своих прокаченных Кавасаки, ставя на уши инспекторов ГИБДД и устанавливая один рекорд скорости за другим.

Герман добрался до номера, открыл холодильник и увидел бутылку любимого шотландского скотча. Покрутив бутылку в руках, он подумал, что вряд ли такой скотч входит в комплекс гостиничных услуг и, что это наверняка «генеральский подгон». Плеснув виски в стакан, Герман подошел к окну и, глядя на вечернюю Москву, сделал первый глоток. Скотч действительно был хорош, а ночь (как и бутылка) только начиналась.

&&&

Рано утром тишину нарушил настойчивый телефонный звонок. Нащупав рукой трубку, Герман разлепил пересохшие губы и хрипло из себя выдавил:

– Слушаю...

– Герман Всеволодович? – услышал он высколенный женский голос.

– Да.

– Извините за беспокойство, это дежурный администратор. К вам поднимается следователь Терентьев. Говорит, по срочному делу.

– Угу...

– И еще... – тише добавила девушка.

– Да?

– Вы вчера вечером подписали чек в баре как Александр Высоцкий, а номер зарегистрирован на Германа Патрикеева...

Услышав имя, Герман мысленно застонал. Он не помнил, как спускался в бар. Видимо подарочной бутылки скотча ему показалось мало, тогда он продолжил рандеву в баре, где ему и подсунули на подпись чек. Он судорожно пытался вспомнить, с кем общался и что говорил. Мелькал образ черноокой брюнетки с красной помадой на губах, но в номер он точно вернулся один.

– Выпишите новый. Буду уходить, подпишу.

Положив трубку, Герман посидел на кровати еще с минуту, уговаривая непослушное после свидания с алкоголем тело. Когда в коридоре послышались шаги, он поднялся и подошел к двери, открыл ее настежь и ни слова не говоря, поплелся в ванную комнату.

Терентьев удивленно посмотрел на нового коллегу, огляделся по сторонам, вошел в номер и закрыл за собой дверь.

– И тебе привет, – в недоумении произнес следователь.

Запашок в хижине этого Хомо сапиенса напомнил майору сортировщик мусоросжигательного завода. Он быстро открыл окно и впустил в мир загуставшего перегара свежесть весеннего утра. Его цепкий взгляд окинул комнату и остановился на двух пустых бутылках виски, лежавших на полу у кровати, рядом с которыми соседствовал стакан и полная окурков пепельница. Майор расположился в кресле, и по телефону заказал в номер два крепких кофе, сэндвичи с сыром и ветчиной.

Из ванной комнаты доносились приглушенные вскрики, чуткий слух Терентьева уловил ругательства, и по лицу расплзлась язвительная ухмылка. Перед тем как ехать в отель, майор просмотрел дело Патрикеева, из которого он узнал, что полковник получил тяжелые ранения и последние три года проходил длительный курс реабилитации. Пустые бутылки красноречиво говорили ему о том, каким в реальности лекарством лечился бывший командир разведывательной группы.

«Зачем мне дали эту обузу?», – с горечью подумал Терентьев.

Через несколько минут Герман вышел из ванны и Терентьев поразился случившейся переменой – чисто выбрит, в белой рубашке и новеньких джинсах, он ничем не напоминал того похмельного дядьку, что только что открыл ему дверь. Кофе и горячие сэндвичи уже стояли на журнальном столике, наполняя комнату притягательными ароматами.

– Я заказал завтрак. Черт его знает, когда еще удастся сегодня поесть, – попытался завязать разговор майор.

– Угу, – буркнул Герман и залпом выпил обжигающий кофе, после чего впервые посмотрел на следователя.

– Терентьев, – представился майор и, протягивая руку, добавил: – Можно просто Михаил.

– Герман, – сухо произнес хозяин номера и сжал руку майора.

Поедая сэндвичи, Герман перехватил осуждающий взгляд Михаила в сторону пустых бутылок, из чего сделал вывод, что майор пьет в меру, но наблюдаются все признаки никотиновой зависимости. Костюм носит из-за рабочего дресс-кода, но чувствует себя в нем неуютно и за все годы работы следователем так к нему и не привык. Плохо выглаженная одежда и незагорелая бороздка, оставшаяся на правом безымянном пальце, намекнули Герману, что майор разведен. Красные глаза красноречиво говорили о бессоннице, а значит, у них есть что-то общее.

– Ну, с сэндвичами покончили, – Герман с легким сожалением посмотрел на опустевшую тарелку, – давай, к делу. Ты на колесах?

– Да. На стоянке.

Негромко переговариваясь, они направились к стоянке отеля, где майор подошел к старенькому «Опелю Астра» серебристого цвета, открыл дверь и спросил:

– Каков план на сегодня?

– Начнем с места происшествия. Изучим протокол вскрытия. Потом поговорим с теми людьми, кто видел полковника за последние сутки до убийства; встретимся с адвокатом, который защищает маньяка и хотелось бы переговорить с вдовой полковника. Как думаешь, за сегодня успеем?

Майор кивнул и вдруг неожиданно улыбнулся.

– Что? – спросил Герман.

– Да так... адвокатшу вспомнил, – ухмыляясь, ответил Терентьев и, пристегнув ремень безопасности, нажал на газ, – значит, едем на Малый Кисельный.

– Ушлая что ли?

– Нет, молодая и юморная.

– Как же она справляется с таким сложным делом? – удивился Герман, закуривая сигарету.

– Да вроде, нормально справляется.

Герман задумчиво поскреб подбородок и повернулся к напарнику:

– Расскажи про полковника. Сколько лет вы вместе работали?

– Лет десять, не меньше.

– Он был способен на... спонтанные поступки?

– Если ты имеешь в виду, способен ли он был покончить с собой, то от факта никуда не деться – он застрелился.

– Но ты в этом сомневаешься, так?

– Если честно, – Терентьев повернулся к Герману и взглянул прямо в глаза, – да. До сих пор не могу в это поверить. Он был профессионалом в своем деле. В управлении его уважали, мог подсказать, помочь и не только по работе. Преданный муж, отличный семьянин. Жена привела его недавно в церковь, познакомила с батюшкой, примерно месяц назад он впервые исповедался и сразу бросил курить. После этого стал много читать религиозной литературы. Даже меня пытался заинтересовать.

– То есть он стал меняться?

– В лучшую сторону, – уточнил майор.

– Ясно. Факт самоубийства неоспорим?

Терентьев тяжело вздохнул и нехотя ответил:

– Эксперты подтвердили...

– И ничего необычного?

– Выстрел произведен с близкого расстояния, на руке следы от пороха, на пистолете только его отпечатки.

– Что говорят свидетели? Никого не видели рядом с машиной?

Майор покачал головой и нервно забарабанил пальцами по рулю. Как же ему хотелось зацепиться хоть за самую малость, но... увы...

– На стоянке было два человека, сотрудник управления Долгин и новенькая из бухгалтерии. Она шла от своей машины в сторону здания. Когда Долгин вышел покурить, полковник уже сидел в машине.

– То есть, никто не видел, как он садился в машину?

– Нет.

– А этот Долгин не обратил внимания на то, что полковник делал до выстрела?

– Он нет, но бухгалтерша шла мимо и сказала, что полковник говорил по телефону.

– Установили, с кем он говорил?

– Да... с матерью...

– О чем они говорили? Выяснили?

– Нет. У нее случился инсульт, и сейчас она... в коме.

Герман присвистнул.

«Опель» заехал на служебную стоянку следственного управления, майор заглушил мотор.

– Где это произошло? – спросил Герман, выходя из машины.

– Второй ряд справа, – ответил Терентьев, закрывая дверь автомобиля и включая сигнализацию. – Черт! До сих пор его лицо перед глазами! Как вчера...!

Оба подошли к указанному месту. Герман огляделся вокруг, показал на окна первого этажа и подметил:

– Хороший обзор.

– Я опросил всех сотрудников – на момент совершения выстрела к окнам никто не подходил, – майор жестом пригласил Германа войти в здание.

– Ну, это как всегда, – понимающе кивнул новоиспеченный напарник, входя в управление. – Когда надо никто ничего не видит и не слышит.

Они поднялись на второй этаж, майор провел его в свой кабинет, где еле умещались два рабочих стола. Герману сразу бросилась в глаза большая доска на стене, на которой висели фотографии трупа полковника с разных ракурсов. Затем он перевел взгляд на схему передвижений Архангельского и его коллег в день происшествия и распечатку телефонных звонков с мобильного телефона. Последний звонок был обведен красным маркером.

– Подумал, если все вывешу на доску, будет легче, – майор ткнул на схему передвижений. – Но вот смотрю на нее, и не могу отделаться от мысли, будто упускаю что-то, а что..., хоть ты тресни, не пойму!

Герман подошел к доске и стал изучать собранный материал. Маршрут передвижения полковника был проложен разноцветными линиями со стрелками, на каждой линии указано время. Крестиками были изображены конечные точки маршрута и фамилии сотрудников, с которыми он говорил в день происшествия.

– Много он контактировал в тот день с людьми, – глядя на схему, сделал вывод Герман, – а это что за черные линии, ведущие, насколько я понимаю, в его кабинет?

– Это сотрудники, которые заходили к нему по личным и служебным делам. Хочешь с ними переговорить?

– Не сейчас. Я хочу побеседовать с теми, кто видел его на стоянке в момент происшествия.

– Сейчас вызову, – сказал майор и снял трубку внутреннего телефона.

Терентьев набрал номер канцелярии и дал указание дежурному пригласить в его кабинет свидетелей по делу Архангельского.

– Может еще кофею?

– Да, пожалуй, без сахара и молока, – согласился Герман – Мне бы ознакомиться с показаниями всех свидетелей, чтобы не уточнять те факты, которые ты и так уже установил.

Через минуту на стол легла папка с протоколами допросов свидетелей. Майор подошел к сейфу, на котором располагалась импровизированная кухня. Поставил на стол две большие кружки, насыпал в каждую по три чайных ложки растворимого кофе и воткнул в розетку вилку старенького электрического чайника...

&&&

В кабинет Терентьева влетел разгоряченный рыжеволосый лейтенант лет двадцати пяти.

– Вызывали, Михаил Матвеевич?

– Проходи, Вовчик, присаживайся, – отозвался майор и жестом показал коллеге в сторону напарника. – Знакомься, это новый следователь в деле Архангельского, Герман Всеволодович.

– Просто Герман, – поправил его Патрикеев.

– Володя... Долгин, – скованно представился молодой человек.

Долгин был среднего роста и худощавого телосложения. Под глазами залегли черные круги. Вид у него был не выспавшийся и утомленный. Теперь он понял причину срочного вызова и заметно поостыл.

– Вовчик, Герман задаст тебе несколько вопросов, постарайся еще раз вспомнить все, что случилось в тот день.

Лейтенант тяжело вздохнул, ему сотню раз уже приходилось рассказывать об одном и том же, но снятие и проверка показаний была частью работы и он как будущий следователь это прекрасно понимал.

– Давайте с самого начала. Когда вы в первый раз увидели полковника в день происшествия? – спросил Герман, садясь напротив Долгина.

– Когда? Ну, Михаил Матвеевич... – Долгин бросил на Терентьева быстрый взгляд, – попросил позвать полковника в комнату для допросов. Телефон не отвечал и я поднялся к Архангелу в кабинет сказать, что его зовет Терентьев.

– А он?

– А что он? Сказал, что скоро будет, я ушел.

– Когда вы видели его в следующий раз?

– В следующий раз? – нервно переспросил Долгин. – Уже на стоянке. Я вышел покурить, а через минуту бах! – Долгин хлопнул в ладоши. – Выстрел.

– То есть до выстрела на стоянке вы его не видели? – уточнил Герман.

– До выстрела? Нет, – покачал головой Долгин, – я посмотрел в его сторону только после выстрела.

– Вот с этого момента поподробнее, пожалуйста.

– Поподробнее? Пожалуйста. Я побежал к машине, увидел полковника, а он был уже того..., – Долгин запнулся на мгновение, но быстро овладел собой, – мертвый. Пистолет валялся на коврике, всюду кровь. Бухгалтер Надя начала кричать! Я бегом в управление, а там товарищ майор, – Долгин снова посмотрел на Терентьева, тот молчаливым кивком подтвердил слова лейтенанта, – и мы уже вместе вернулись к машине.

– Хорошо, а бухгалтера вы видели до выстрела?

– Бухгалтера? Да. Она как раз шла с той стороны, где была машина полковника.

– Она припарковалась в соседнем от полковника ряду и возвращалась в Управление с обеда, – пояснил майор.

– Во сколько это было? – спросил Герман.

– За минуту до выстрела. В 12:45, – Терентьев перевел взгляд на доску, сверяясь с временной шкалой.

– Какой у нее режим работы? – Герман нахмурился. – Не рановато для возвращения с обеда?

– Она работает с девяти до шести, обед с часу до двух, но в этот день была ее очередь покупать обед для сотрудников бухгалтерии. У них в отделе так заведено, кто-то один идет за обедом и покупает на всю их братию, – пояснил майор и махнул рукой в сторону коридора.

– Понятно, – Герман перевел взгляд на Долгина и спросил: – В тот день в управлении много было посторонних?

– Посторонних? Да нет, вроде, – Долгин задумался, – адвокатша была, ну, и этот, маньяк который. А так все наши. С утра все сидели в кабинетах и готовили отчеты, полковник требовал цифры по раскрываемости.

– Хорошо, спасибо за помощь! – Герман протянул руку Долгину.

– Да не за что, – ответил Долгин, поочередно пожимая руки Герману и майору.

Когда дверь за ним закрылась, Терентьев спросил:

– Ты заметил? Он всегда в начале ответа повторяет вопрос.

– А я уж подумал, что у вас тут эхо, – усмехнулся Герман.

– Говорил ему и не раз – бесполезно. Достает, правда?

Герман не ответил, задумчиво чиркая карандашом в лежащем перед ним листе бумаги. Майор набрал номер внутреннего телефона бухгалтерии и спросил:

– А новенькая бухгалтер Надежда на месте? Что? Когда? Та-ак, ясно.

– Что? – спросил Герман, глядя на удивленное лицо майора.

– Она сегодня утром уволилась.

– Причина? – насторожился Герман.

Терентьев пожал плечами и тут же предложил:

– Пойдем в кадры.

Они вышли в коридор и спустились по лестнице на первый этаж, где им навстречу попался мужчина лет пятидесяти в звании полковника. Заметив майора, он громко спросил:

– Миша, привет! А это и есть тот специалист, про которого Валерий Сергеевич говорил?

– Да, знакомьтесь, Герман Всеволодович Патрикеев, а это мой шеф – полковник Логинов Александр Васильевич.

Герман пожал руку полковнику.

– Я освобожусь после пяти часов, так что зайдите ко мне. Потолкуем, – сказал Логинов и быстрыми шагами двинулся в сторону лестницы.

Майор постучал и тут же открыл дверь отдела кадров.

– Здравствуйте Елена Михайловна, мы к вам, – майор сдержанно улыбнулся начальнице отдела кадров и представил Германа.

– Здравствуйте, чем обязана? – дружелюбно ответила уже немолодая брюнетка.

– Да вот, хотел повторно допросить свидетельницу по делу полковника Архангельского, а мне в бухгалтерии сказали, что Надежда Сорокина сегодня утром уволилась.

Глаза женщины погрузнели, и она трепетно произнесла:

– Горе-то, какое. Бедняжка одна из первых увидела Алексея Сергеевича. Настрадалась, все говорила, что уснуть после того случая не может, – чуть понизив тон, Елена Михайловна доверительно посмотрела на Германа. – Она все это время на таблетках, но они не помогают. Муж решил ее в частную клинику устроить. Вот и уволилась...

– Адресочек ее не подкинете? – спросил майор.

– Да, конечно, вот как раз ее бумаги сейчас оформляла. Жалко, что уволилась, таких специалистов днем с огнем не сыщешь. Два высших образования, три иностранных языка...

Слова кадровика заинтересовали Германа и он спросил:

– А как она получила эту должность?

– Да как-как... сама пришла, сказала, слышала от знакомых, что нам требуется главный бухгалтер, только на тот момент мы уже взяли человека. Я без особой надежды предложила ей место рядового бухгалтера по начислению зарплаты и пособий. Это место как проклятое. Работы много, платят мало. Но она согласилась.

– А в окладе она сильно потеряла? – спросил Герман.

Майор удивленно вскинул брови, но прерывать расспрос не стал.

– Да почти в два раза.

– А когда она устроилась? – продолжал наседавать Герман.

Зашуршали бумажки, Елена Михайловна уткнулась в личное дело бывшей сотрудницы.

– Восемнадцатого апреля этого года.

– Спасибо за помощь, Елена Михайловна, – майор взял протянутый ему листок бумаги с адресом.

Выйдя в коридор, майор пропустил вперед Германа и спросил:

– К чему такой интерес к Сорокиной? Я ее сам допрашивал, она вне подозрений.

– Да странно как-то, – задумчиво ответил Герман и замедлил шаг, – приходит сама, без рекомендации, говорит, что от кого-то узнала про вакансию, потом когда ей отказывают, устраивается на не престижную должность с маленькой зарплатой... с ее-то резюме. Увольняется через неделю после происшествия, причиной называет болезненное состояние, но кто увольняется, чтобы лечиться? Скорее оформляют больничный. Тем более что психологическая травма была нанесена в рабочее время на служебной стоянке. Ну, и по времени, как-то все скоростижно – устроилась восемнадцатого апреля, двадцать второго ЧП, а двадцать девятого увольняется.

– Ну, не знаю... По мне, так все очень легко объясняется: женщина искала работу, но опоздала с вакансией, и решила устроиться хотя бы на должность рядового бухгалтера, пока подыскивает что-то более подходящее. А далее, практически у нее на глазах человек совершает самоубийство – тут кому угодно крышу сорвет. Она понимает, что эта работа не для нее и увольняется, – Терентьев с опаской посмотрел на Германа, – по-моему, все логично.

Они зашли в кабинет майора.

– Надо назначить ей встречу. Проведем повторный допрос, может, что вспомнит, а не вспомнит, дружно помашем ей пятерней и будем дальше копать.

Майор недовольно скривился, но спорить не стал, набрал номер мобильного телефона бывшего бухгалтера и с нетерпением стал вслушиваться в

длинные гудки. На звонок не ответили и майор набрал номер домашнего телефона. Услышав снова длинные гудки, он нахмурился.

– Не отвечают.

– Наберешь еще раз после шести, может, и правда, муж на работе, а она лежит в больнице...

В кабинет заглянул Софиев. Вопросительно посмотрел на Терентьева, затем перевел взгляд на Германа и молча сел на ближайший стул.

– Софиев Роман Петрович, – официально представил его Михаил. – В момент происшествия находился в комнате для допроса с задержанным Роговым.

Патрикеев пожал свидетелю руку и обдал богатырскую фигуру изучающим взглядом. В отличие от майора Софиев носил костюм, будто вторую кожу. От него исходил устойчивый аромат мужского парфюма с нотками морского бриза. Герман подметил фанатичную аккуратность парня и идеальную стрижку.

«Сколько же он тратит времени на утренние сборы?», – мысленно усмехнулся Герман.

– Выходит, вы последний кто видел полковника в живых?

– Звучит не хорошо, но выходит, что так, – Софиев нервно заерзал на стуле.

– Опишите встречу с полковником и все что ей предшествовало. Любая мелочь, деталь, все что вспомните, – попросил Герман.

– Я в тот день охранял Рогова. Он долго беседовал с адвокатом, рыженькая такая, кажется ее фамилия Демидова. Рогов попросил адвоката устроить встречу с полковником.

– Как это было? Можете поподробнее рассказать? – спросил Герман.

– Они сидели с адвокатшей и шептались.

– А почему они шептались? – удивился Герман. – Разве арестованный не имеет право на беседу с адвокатом наедине?

– Имеет, но они не просили меня уйти, а мне спокойней, когда он у меня на виду. Дело громкое, ему пожизненное светит. Меня Логинов предупредил, чтобы глаз с него не спускал.

– Продолжайте, – Герман подвинул к себе блокнот и стал делать заметки.

– Они пошептались, потом она протянула ему лист бумаги, он прочитал, кивнул и сказал: «Я хочу поговорить с полковником Архангельским».

– При этом он смотрел в листок, который она ему протянула? – спросил Герман прищурясь.

Задумавшись на секунду, лейтенант уверенно произнес:

– Да.

– Вспомните, это очень важно, как он его назвал? Просто полковник Архангельский или по имени и отчеству? – спросил Герман.

Роман снова напряг память.

– Кажется полностью, сначала должность, звание, потом фамилия, имя и отчество. Мне это еще тогда ухо резануло.

– Так, что было потом? – приободрил его Герман и записал в блокнот «На встрече настаивала адвокат. Зачем?».

– Демидова вышла в коридор, дверь осталась приоткрытой, я слышал, как она просила Михаила Матвеевича организовать встречу с Архангельским. Он долго упирался, но потом послал Рыжика с весточкой.

– Рыжика? – переспросил Герман.

– Так мы между собой кличем Долгина, – улыбаясь, пояснил Софиев.

– Как в это время вел себя задержанный?

– Когда адвокат вышла, он откинулся на стуле и несколько раз потер руки,

– Софиев изобразил руками жест Паука.

– Так... интересно, продолжайте, – подбодрил Герман свидетеля.

– Когда адвокат вернулась, они снова давай шептаться. Этот... маньяк вроде как, разнервничался, аж вспотел. А когда пришел Архангельский, сказал, что им лучше остаться наедине.

– Он как-то это объяснил? – Герман переглянулся с Терентьевым и вновь посмотрел на Софиева.

– Да что-то сказал, типа, тайна следствия, или вроде того. Я тогда не очень обратил на это внимания, а потом и вовсе стало не до него.

– Ясно. А что Архангельский?

– Архангел немного подумал и попросил меня выйти. Я вышел в коридор и стал ждать, следом за мной вышла адвокатша, я видел, как она сразу заговорила с

майором, – описывая передвижения рыжеволосой красавицы Софиев расплылся в похотливой улыбке. – Затем они вместе куда-то ушли. А еще минут через десять из допросной вышел Архангел и пошел в сторону своего кабинета.

– Когда полковник вышел, он что-нибудь сказал? – спросил Герман.

– Нет. Только чудно выглядел.

– Как это?

– Обычно он волосы аккуратно зачесывает назад, а тогда у него волосы взъерошенные были, будто он их теребил.

– Он нервничал?

– Да нет, не нервничал, скорее озадаченный был.

– И больше вы его не видели?

– Нет, – покачал головой Роман.

– Хорошо, спасибо за помощь, – Герман пожал ему руку.

Софиев как бы, между прочим, спросил майора:

– Вы будете сегодня игру смотреть?

Майор непонимающе уставился на лейтенанта.

– Сегодня же стартует Кубок России по футболу. Мы все идем в спорт-бар, – напомнил Софиев.

– Какой спорт-бар?! Какой футбол?! Человек застрелился! – раздраженно выпалил майор.

Софиев пожал плечами, мол, одно другому не мешает и быстро покинул кабинет.

– А кто сегодня играет? – спросил Герман.

Майор отмахнулся от вопроса как от надоедливой мухи и присев на край стола, снова стал набирать телефон Сорокиной. Герман решил ознакомиться с протоколами допросов сотрудников, что сталкивались с полковником в день происшествия и углубился в бумаги.

– Опять не отвечают, – с раздражением выпалил Михаил, и со злостью бросил трубку, – пойду в кадры, узнаю, с кем бухгалтер проживала по адресу, и есть ли контакты ближайших родственников.

&&&

Из всех протоколов допросов, приобщенных к делу, Германа заинтересовал лишь один – бухгалтера Сорокиной. Пока еще он не понимал, почему именно она привлекла его внимание, но чувствовал, что внезапное увольнение новенькой сотрудницы было не по той причине, которую она озвучила коллегам. После внимательного изучения протокола, он неспешно закурил и откинулся на спинку кресла. Серовато-белая струйка вырвалась из легких и проложила дорожку до двери тесного кабинета.

Герман закрыл глаза и мысленно прокрутил еще раз сбивчивые показания бухгалтера. Наверняка майор не обратил внимания на некоторые нестыковки. Кто будет подозревать сотрудницу управления в причастности, когда на руках такой список доказательств самоубийства? В протоколе было указано, что по утверждению Сорокиной она как раз проходила мимо машины полковника, когда раздался выстрел. Герман задумался, именно ее присутствие на стоянке не вязалось с самоубийством полковника. Если Архангельский, в самом деле, спонтанно решил свести с жизнью счеты, разве делал бы он это в присутствии посторонних, тем более женщины? Он взглянул на схему места происшествия и в задумчивости поскреб подбородок. Сорокина была хорошо видна из машины полковника.

Михаил вернулся в кабинет в приподнятом настроении.

– Мне дали телефон и адрес работы мужа бухгалтерши.

Снова присев на край стола и, поглядывая на стикер, Терентьев набрал номер и замер. Трубку никто не брал.

– Тьфу ты и здесь пусто! – майор выглядел встревоженным.

– Не кипятись, дай кому-нибудь поручение найти эту Сорокину. И без суеты. А когда найдут, пусть скажут, что она забыла подписать один экземпляр протокола. Не нужно чтобы она нервничала.

– Черт! Так и сделаю, – согласился Михаил и торопливо вышел из кабинета.

Герман отложил в сторону протоколы и подошел к доске. Его взгляд привлекла распечатка телефонных звонков, их было два – входящие и исходящие звонки. Он стал изучать пометки майора в графе «Примечания». Чаще всего полковник звонил жене, дочери и сыну. Видимо рабочие звонки, он предпочитал

делать с рабочего телефона. А входящих служебных звонков было много, рядом с каждым номером майор написал должность и фамилию звонившего. Последним исходящим звонком был звонок матери. По распечатке за последний месяц, было видно, что он ей ни разу не звонил. Германа это насторожило, он вспомнил, что пока были живы родители, даже при его занятости они общались как минимум раз в неделю.

Когда майор снова вернулся в кабинет, Герман показал на предпоследний звонок без пометок на полях и спросил:

– Что за номер выяснили?

Майор подошел к доске и взглянул на распечатку.

– Это телефон нашей канцелярии.

– Судя по временной отметке, он звонил в канцелярию с мобильного телефона, когда находился в машине.

– Выходит что так, а что тут необычного?

– Я просмотрел распечатку, полковник очень мало делал служебных звонков с мобильного телефона.

– Вообще-то у него было два телефона. Один служебный, другой личный.

– Это распечатки с личного телефона? – спросил Герман, показывая на список.

– Да. Служебный мы отмели сразу, потому что на него не было в тот день звонков. Полковник был в кабинете с самого утра и звонил по городскому.

– Я хочу понять, с кем говорил Архангельский, когда Сорокина проходила мимо его машины. Ты сопоставил время самоубийства со списком телефонных разговоров?

– Нет, – покачал головой Терентьев, – зачем?

– Время не сходится, – вкрадчиво произнес Герман, и вопросительно посмотрел на майора, – выстрел был в 12:46, так?

Майор нехотя кивнул головой и недовольно буркнул:

– Ну.

– Согласно распечатке разговоров, полковник в это время ни с кем не говорил. Видишь? – Герман указал на последний звонок. – Матери он позвонил в 12:15. Разговор длился семь минут. Далее разговор с канцелярией в 12:31 длился

одну минуту. Отсюда напрашивается вопрос: с кем и по какому телефону говорил Архангельский, когда мимо него проходила Сорокина?

Герентьев тяжело вздохнул и плюхнулся в потертое кожаное кресло.

– Ты думаешь, что она соврала?

– Я сопоставляю. А факты говорят нам, что Сорокина соврала и если она соврала в одном... короче ее показания нужно тщательно проверить. Есть мысли, почему за пять минут до предполагаемого самоубийства, он позвонил в канцелярию?

– Нет, – ответил майор.

Герман удивленно посмотрел на напарника и тот, не говоря ни слова, снова выскочил из кабинета. Проводив его взглядом, Герман подумал: «И охота ему бегать туда-сюда, почему не позвонить из кабинета?».

Через пять минут майор приоткрыл дверь и с озадаченным видом произнес:

– Пошли, кое-что нужно проверить.

Выйдя из кабинета, они повернули налево и двинулись по длинному коридору. Когда майор резко остановился, Герман увидел дверь с табличкой «Начальник следственного отдела по особо важным делам Архангельский А.С.». Майор распечатал пломбу и открыл дверь.

– Заходи, – сказал он Герману и впустил его в кабинет. – В канцелярии сказали, что он спрашивал, кто положил ему на стол в кабинете почтовый конверт. У нас заведено подписываться за почту, но в канцелярии сказали, что ничего ему не доставляли, в этот день почты у него не было.

– Как выглядел конверт? – спросил Герман.

– Он описал его как большой желтый.

Майор начал тщательно обыскивать кабинет.

– Все вещи, которые были при нем опечатаны как улики. Никакого конверта я там не видел. Кабинет я бегло осмотрел и опломбировал. Так что если он оставил его здесь, мы его найдем.

Майор тщательно просмотрел бумаги на столе и в ящиках.

– Есть! – воскликнул Герентьев и потряс конвертом, затем заглянул внутрь и разочаровано добавил: – Черт, пусто!

– Кто отправитель?

– Нет адресата! Вверху какие-то цифры и все, – майор еще раз потряс конвертом, словно не веря в неудачу, и швырнул его на стол.

Герман подошел к столу и покрутил конверт в руках, затем аккуратно разрезал ножом для бумаг и расправил. На внутренней стороне конверта по диагонали мелкими синими буквами было написано «Центр молекулярной генетики».

– Чтоб тебя...! – майор рубанул рукой по столу. – Чуть зацепку не пропустил!

– Нужно найти адрес этого центра, – быстро произнес Герман и, к немалому удивлению Терентьева, выбежал из кабинета полковника.

Пробежав коридор, Герман заскочил в кабинет майора, сел за компьютер и забил название центра в поиск браузера. Зашел на страничку центра, кликнул мышкой по разделу контакты, на экране появился адрес. Он быстро записал его на листок бумаги и протянул вошедшему следом майору.

– По коням!

&&&

Полупрозрачная стеклянная дверь приемной открылась, и секретарь директора Центра молекулярной генетики хорошо поставленным голосом пригласила следователей войти. Терентьев и Патрикеев друг за другом переступили порог кабинета, им навстречу вышел тщедушный седовласый мужчина небольшого роста лет шестидесяти. После приветствия директор насторожено поинтересовался:

– Чем обязан?

Терентьев протянул ему разрезанный конверт.

– Мы хотели бы знать, для каких целей в вашем центре используются такие конверты?

Директор взял конверт в руки, повертел и пожал плечами.

– Это стандартный конверт, который мы используем для служебной переписки, отправляем официальные письма, результаты анализов. В принципе этими конвертами пользуются все отделы центра. А что случилось?

– Скажите, а какое самое популярное использование этого конверта? – спросил Герман, делая вид, что не расслышал последний вопрос директора.

– Конечно же, результаты анализа ДНК! – улыбаясь, воскликнул директор.

– Вы имеете в виду анализ на отцовство? – уточнил Герман.

Директор кивнул и показал в сторону каких-то графиков и диаграмм, висевших на стене.

– Восемьдесят пять процентов наших пациентов хотят установить отцовство, а другие пятнадцать материнство или просто родство. Этим мы не только зарабатываем на жизнь, но и можем позволить себе финансирование научных проектов, каждый из которых способен сделать гигантский прорыв в науке!

Михаил и Герман многозначительно переглянулись.

– А как обычно получают результаты анализов? – поинтересовался майор.

– Когда результат готов, отдел регистрации отправляет его по указанному адресу на бланке заказа. Иногда анализ делается анонимно, в таком случае адрес не указывается. За таким конвертом приходят лично, и он хранится в регистратуре под кодовым номером. Видите, на вашем конверте карандашом указан номер? – и директор показал на маленькие цифры «8/30.03.11.» в правом верхнем углу конверта. – Это значит, что тридцатого марта этого года, пациент под номером восемь сдал анализ.

– А можно подробнее узнать об этом анализе? – спросил Герман.

– Да, конечно, – директор развернулся к компьютеру и вошел в базу данных пациентов, – заказ номер восемь, анонимный. Здесь указано, что пациент сам пришел за заключением.

Майор сдвинул брови. Опять тупик!

– Но я могу позвать сюда регистратора, которая оформляла заказ. Может она что-нибудь вспомнит, – предложил директор.

– Было бы замечательно, – тут же отозвался Герман и как можно дружелюбнее улыбнулся.

Директор нажал на кнопку селектора.

– Зоенька пригласи Алену Курчатову из регистратуры.

– Что нужно, чтобы провести анализ ДНК? – спросил Герман, когда директор снова повернулся к следователям.

– Нужен образец двух лиц, устанавливающих между собой родство. Это может быть кровь или соскоб с внутренней стороны щеки. Иногда присылают прядь волос, но если нет луковицы, содержащей ДНК, мы бессильны.

– Ну, это понятно, – отмахнулся Терентьев, – лучше скажите, а эти образцы необходимо сдать здесь или можно прислать по почте?

– Чаще присылают из других медицинских учреждений и лабораторий, но анализ можно сдать и у нас, – ответил директор.

Стеклянная дверь открылась и в кабинет вошла худощавая девушка с бледным лицом.

– А вот и Алена, – с радостью произнес директор, жестом приглашая девушку присесть, – господа следователи интересуются заказом 8/30.03.11. В базе ты записана, как регистратор. Можешь сообщить подробности по этому заказу? – директор развернул монитор в ее сторону.

– Мне нужно войти в базу под своим логином, – Алена надела очки в круглой черной оправе.

– Прошу, – сказал директор и уступил свое место сотруднице.

Алена пересела в директорское кресло, вошла в систему регистрации заказов под своим логином и паролем.

– Что конкретно вас интересует? – спросила она, глядя на следователей.

– Все! – непроизвольный хор голосов Патрикеева и Терентьева вызвал улыбку на лице девушки.

Нажав мышкой на раздел личные пометки, Алена продолжила читать с монитора:

– Заказ был очень необычный. Образцов не два, а двадцать восемь!

– Что?! – к мужскому хору присоединился и третий – директорский.

– Так это тот самый странный заказ на двадцать восемь детей?! – заинтриговано воскликнул директор и подскочил к монитору.

Девушка закивала головой.

– Образец отца был один, а сопоставляемых образцов было двадцать восемь.

– Кто сдавал образцы? – Терентьев старался сохранять внешнее спокойствие, но от мысли, что они наконец-то напали на след в забуксовавшем деле, его раздирало на части.

– Образцы принесла симпатичная блондинка лет тридцати пяти. Вежливая. Улыбчивая. Сказала, что работает на социальную службу. Я предложила ей специальную цену, если она принесет письмо от организации, но она отказалась и заплатила по коммерческой цене, – Алена пожала плечами. – Мне показалось это странным. Обычно представители организаций стремятся заключить договор и получить максимальную скидку на наши услуги, а тут...

– Опишите ее внешность подробнее, – попросил майор, догадка уже прожгла его мозг и разъедала как кислота.

«Вежливая», – проносилось навязчиво в его голове.

– Высокая, стройная, длинные волнистые волосы. Модно одета. Я бы описала ее как шикарная.

– Надежда Сорокина, – вполголоса произнес Терентьев.

Герман кивнул головой и, повернувшись к директору, спросил:

– У вас есть факс?

Терентьев понял намек Германа и, набрав номер начальницы отдела кадров, что-то быстро и негромко проговорил в трубку. Через пять минут из факса медленно вышла фотография Натальи Сорокиной из ее личного дела. Майор взял фото и протянул его Алене.

– Это она?

Девушка взглянула на фото, ее лицо моментально преобразилось.

– Да! Она! Точно, она!

– Возьмите мою визитку, завтра в девять утра вам нужно будет прийти по указанному адресу, чтобы мы могли запротоколировать ваши показания.

– Но у меня дежурство! – Алена с надеждой посмотрела на директора, который именно в этот самый момент что-то внимательно изучал в повисших за окном серых тучах.

– Ваше начальство уже поставлено в известность, – Терентьев кивком опрощался с директором и первым вышел из кабинета.

Герман взял копию фото бухгалтера и поспешил за майором. Уже открывая стеклянную дверь, он обернулся и спросил:

– А какими были результаты этих анализов? Сопоставляемые образцы оказались родственниками?

Девушка хотела что-то ответить, но директор жестом руки дал ей знак замолчать и повернулся к Герману.

– Чтобы узнать ответ на этот вопрос, вам потребуется решение суда. И, насколько мне известно, никто вам его не даст.

Герман ухмыльнулся и аккуратно, словно дверное полотно было хрупким как фарфор, прикрыл за собой дверь.

&&&

Приехав в управление, Терентьев первым делом потянулся к внутреннему телефону.

– Это я. Есть информация по Сорокиной? Понятно. А до мужа дозвонились?

Положив трубку, он задумчиво посмотрел на Германа.

– Ни мужа, ни ее. Информация о его месте работы – фальшачок. Ребята ездили по адресу ее регистрации, соседи сказали, что она давно уже там не живет. Черт знает, где теперь ее искать!

– Когда человек устраивается работать в органы, разве он не проходит проверку?

– Проходит. Судимости у нее не было, а для более детальной проверки ее документы даже не успели послать, – ответил майор и встал около доски, – я все искал нестыковки здесь, а оказывается, дело в ненадежном свидетеле.

– Ты сказал, что в день происшествия покупать еду для всего отдела, была очередь Сорокиной. Так?

Майор кивнул.

– Она несла коробки или пакеты с едой?

Майор задумался на несколько секунд.

– Нет, ни пакетов, ни коробок у нее в руках не было. Она вбежала в здание только с женской сумочкой в руках.

– Может она их уронила на стоянке, когда увидела Архангельского в машине?

– Нет, – Терентьев решительно мотнул головой.

Герман уже не сомневался в том, что Сорокина была причастна к якобы самоубийству полковника. И сама идея самоубийства теперь ставилась им под сомнение.

– Так куда она ездила, если не за едой?

– Хороший вопрос, – майор схватился за голову. – Черт! Она была у меня под самым носом! Я же мог закрыть дело по горячему, если бы учуял ее фальшь!

Терентьев закурил, встал у окна, в задумчивости посмотрел на стоянку для служебных автомобилей. Затем зажал сигарету между зубов, швырнул зажигалку на стол и засунул руки в карманы брюк. Настроение майора ухудшалось на глазах, но Герман все же решился озвучить свою очередную идею.

– Неплохо было бы поставить следственный эксперимент.

– Ты о чем? – майор прищурился, сигаретный дым застилал ему глаза.

– Ты в коридоре, как в тот день, Долгин на стоянке. Нужно выстрелить из пистолета полковника внутри аналогичной машины. А ты, лейтенант и все находящиеся в здании попробуете опознать звук выстрела.

Идея с экспериментом майору сразу не понравилась. Он со злостью затушил сигарету в пепельнице, словно расправляется с назойливым насекомым и недовольным тоном пробурчал:

– Следственный эксперимент уже был.

– С выстрелом? – уточнил Герман.

– Нет, просто каждый занял свое место как в день происшествия, следователи проходили по этажам, устанавливали маршруты передвижений каждого сотрудника и вели опрос о взаимодействии с полковником. Никто не сомневался, что полковник сам застрелился. Мы пытались выяснить, в каком он пребывал настроении и что говорил сотрудникам, чтобы понять причину самоубийства.

– Так ты сможешь с экспериментом? – Герман выжидательно посмотрел на Терентьева. – Ведь ты посеял сомнения в том, что это самоубийство. Так что, сказал «А», говори уже «Б».

Терентьев резкими движениями растер уши и ослабил галстук.

– Хорошо, я запрошу у начальства разрешение на следственный эксперимент... но прошла неделя.

– Попробовать стоит, – Герман взглянул на часы. – Так... на повестке дня у нас еще адвокат, мать полковника и вдова.

– Адвокат сегодня с нами встретиться не сможет, я ей звонил из канцелярии. Мать еще не пришла в сознание. А вдова-то тебе зачем?

– Жены знают все, – многозначительно выдал Герман.

– Ну, тогда нам надо поторопиться, она завтра уезжает к сестре в Екатеринбург. Подождешь в машине? – Терентьев протянул Герману ключи от своего автомобиля. – Я к начальству.

– Он же сказал нам обоим зайти...

– Сказал, но если мы пойдем вдвоем, разговор затянется, а нам сейчас каждая минута дорога. Я доложу о зацепках и быстро спущусь на стоянку.

Без лишних вопросов Герман взял ключи и первым вышел из кабинета.

&&&

Следователи ждали встречи с Елизаветой Архангельской в просторной гостиной особняка. Как только Терентьев сообщил ей по телефону, что хочет нанести визит, вдова тут же позвонила деверю, а Валерий Сергеевич в свою очередь потребовал разговор без него не начинать. Герман такую реакцию предвидел, а вот майор разозлился не на шутку. Он ходил по гостиной взад-вперед и периодически бросал гневные реплики:

– Я знаком с этой семьей больше десяти лет и пришел поговорить с женой друга, а она заперлась наверху и не выходит, будто я ее в чем-то хочу обвинить!

Герман сидел на диване и просматривал телевизионные каналы.

– Почему мы обязаны здесь сидеть? – не унимался майор. – Хоть бы чаю предложили!

Через несколько минут входная металлическая дверь открылась, на пороге появился Валерий Сергеевич в сопровождении своего водителя, руки которого были увешаны пакетами и сумками с продуктами. Водитель с шумом поставил все пакеты на мраморный пол.

– Не сюда! – грозно скомандовал Валерий Сергеевич, по его тону всем стало понятно, что он приехал без настроения. – На кухню неси!

Архангельский прошел в гостиную и налил себе коньяка из бара.

– Вам не предлагаю, вы при исполнении, – сухо сказал он и пытливо уставился на Германа.

Выдержав взгляд, Герман выключил телевизор и положил пульт на журнальный столик. Все еще возмущенный холодным приемом, Терентьев нервно растирал уши.

– Я так понимаю, вместо того чтобы расследовать дело брата, вы приехали допросить его больную жену? – холодно спросил Валерий Сергеевич.

– Мы хотели выразить соболезнование и расспросить о последнем дне полковника! – вскипел майор. – Почему сразу допросить?!

Еле сдерживаясь, Валерий Сергеевич громко откашлялся, затем перевел взгляд на Германа.

– О чем вы хотите с ней поговорить?

– Выяснилось, что последним исходящим звонком с его личного телефона, был звонок матери. Они проговорили семь минут. Возможно, жена вашего брата знает, о чем был разговор. Ведь после этого звонка ваша мать попала в больницу с инсультом. Позвольте мне поговорить с вдовой, – Герман посмотрел на раздраженного Терентьева, и со значением добавил: – Наедине. Вы же понимаете, сейчас важна любая информация.

Валерий Сергеевич на минуту задумался, потом поднял голову и, глядя на Германа, кивнул.

– Хорошо. Пойдемте, но только вы один.

Терентьеву эта идея не понравилась, он вскочил и хотел что-то сказать, но Валерий Сергеевич одарил его таким взглядом, что тот мгновенно ретировался.

Лестничные ступени были облицованы мрамором. Поднимаясь на второй этаж, Герман прикинул примерную стоимость коттеджа с ремонтом и материалами, в голове мелькнул навязчивый вопрос: откуда у полковника такие деньги?

Чиновник подвел Германа ко второй двери.

– Будьте с ней помягче. Она еще не оправилась после похорон.

Герман кивнул головой. Валерий Сергеевич тихо постучал в дверь и осторожно ее приоткрыл.

– Елизавета, можно к тебе?

Из глубины комнаты послышался слабый женский голос.

– Проходи Валера.

– Со мной тот человек, которого я дал в помощь следствию, хочет поговорить с тобой.

В комнате был полумрак, шторы задернуты, верхний свет отключен, комнату освещал лишь свет от ламп на прикроватных столиках. Вдова полковника лежала на кровати, укутанная в тонкое байковое одеяло, которое резко очерчивало ее фигуру. Это была блондинка лет сорока пяти пышных форм. Рядом с ней сидела молодая женщина и мерила вдове давление. Судя по схожести во внешности, Герман предположил, что это ее родственница.

– Ну как? – спросил Валерий Сергеевич у молодой женщины и взглядом показал на тонометр.

– Давление высокое. Второй день не можем сбить. Делаем укол, давление снижается, а через час-полтора опять ползет вверх, – родственница убрала тонометр в прикроватную тумбочку и зашуршала пакетом, в котором виднелись лекарственные упаковки.

Валерий Сергеевич сел в кресло рядом с кроватью.

– Где дети?

– Павел ушел с невестой в кафе. Оля повезла сына в больницу, – слабым голосом ответила вдова.

– Что случилось? – насторожился Валерий Сергеевич.

– Ты же знаешь, как внук помешан на своем зоопарке.

Валерий Сергеевич непонимающе уставился на Елизавету.

– Он притащил в дом какого-то жука и тот укусил его. Оля стала звонить специалистам, но они успокоили ее, сказали, чтобы она дала ему антигистаминный препарат и наблюдала в течение суток, но ты же знаешь ее, сложа руки она сидеть не будет. Повезла его в больницу на полное обследование.

– Сколько раз я говорил ему, чтобы он не приносил домой ядовитых животных, – проворчал Валерий Сергеевич, – совсем, как его дед. Тот тоже любил

в детстве..., – начал было Валерий Сергеевич, но взглянув на терпеливо ожидающего Германа, осекся.

– Он никак не может смириться со смертью деда. Пусть делает что хочет...

Валерий Сергеевич тяжело вздохнул и сочувственно сжал ее руку. Затем встал и кивком показал родственнице на дверь. Когда Герман с вдовой полковника остались наедине, он сел в кресло у кровати.

– Сочувствую вашей утрате. По себе знаю, как тяжело терять близких.

– Вы тоже кого-то потеряли? – тихо спросила Архангельская.

– Родителей, три года назад, – признался Герман.

– А сейчас вам легче?

– Нет. Не легче. И не верьте, когда говорят что будет легче, боль немного притупится, но легче не станет. И все же жизнь продолжается, у вас есть дети и внук, им нужна ваша любовь и забота. Теперь у них остались только вы.

– Вы правы, – сказала женщина, – это меня и сдерживает, а то давно бы отправилась вслед за мужем. Никогда не думала, что Леша уйдет так рано..., – она старалась сдержать подступившие слезы, – мечтала, что состаримся вместе, вместе и..., – не удержавшись, женщина всхлипнула, прижав к глазам смятый платок. – Простите. У вас были вопросы.... Я слушаю.

Герман сделал глубокий вдох и на выдохе выпалил:

– Елизавета Петровна, мы не уверены, что ваш муж покончил с собой.

– Что?! – встrepенулась вдова. – Я знала это, я говорила Валере, он не мог!

– Успокойтесь, пожалуйста, и постарайтесь ответить подробнее на мои вопросы, какими бы странными они вам не показались.

Женщина кивнула головой и посмотрела Герману прямо в глаза.

– Елизавета Петровна расскажите мне про мать вашего мужа. Какие у них были отношения с Алексеем Сергеевичем?

– А при чем тут его мать? – голос ее с тихого и проникновенно болезненного стал уверенным и требовательным.

Она привстала на кровати и, подложив подушку под спину, облокотилась на деревянное изголовье. В ее изменившемся облике Герман сразу увидел властную, привыкшую повелевать домочадцами женщину. Он почувствовал, что

весь этот дом и вся семья держится только на ней. И все что происходит в этом доме, происходит только с ее одобрения.

– Не ладили они, – начала Елизавета Петровна резким тоном, – если им нужно было что-то обсудить, посредниками выступали мы с Валерой, но чаще я, конечно. Муж рассказывал, что это у них с самого детства. Его в основном воспитывала бабушка. Отец умер рано от рака желудка, поэтому я так тщательно следила за его здоровьем. Серафима Павловна, так зовут мою свекровь, – пояснила Елизавета, – очень замкнутая женщина. Говорят, она не всегда была такой. Ее сестра, ныне покойная, рассказывала, что именно после рождения Алексея она сильно изменилась, перестала общаться с родственниками, друзьями, соседями. Послеродовая депрессия. Сейчас это лечат, а тогда о таком никто и не знал.

– Ваш муж часто звонил ей?

Вдова замотала головой.

– Никогда. Я же говорю, в основном я была между ними посредником. Меня она могла выслушать, а когда начинала говорить с ним, то вела себя как ужаленная. Постоянно придиралась, – Архангельская помолчала, словно заново переживая те события. – Мне казалось, она все время искала причину для конфликта.

– А с Валерием Сергеевичем она так же себя вела?

– Нет, что вы! У них прекрасное взаимопонимание.

– Почему же такое разное отношение к детям?

– Не знаю. Это загадка. Леша говорил, что сошел бы с ума, если бы не его бабушка. Она его забрала, когда ему исполнилось восемь лет. Он всю жизнь пытался матери что-то доказать, учился хорошо, закончил институт, хотя учеба давалась ему очень тяжело, но ей, насколько я знаю, было все равно. Как не любила Лешу, так и..., – Елизавета Петровна снова недоговорила, но смысл был понятен.

– А когда умер его отец? – спросил Герман.

– Когда Алексею исполнилось семь лет. Их отношения с матерью после смерти отца совсем испортились, она стала часто его бить. Леша как-то рассказал

мне, что постоянно ходил с синяками, а чтобы пацаны в школе не дразнились, придумал, что занимается боксом.

– Где они жили?

– В Зеленограде, но два года назад мать переехала к Валере в Москву. Так что теперь он о ней заботится.

– Мы проверили звонки в день убийства вашего мужа и выяснили, что последний звонок он сделал матери. Они проговорили семь минут.

На лице женщины отразилось искреннее удивление.

– У вас есть предположения? О чем они могли разговаривать?

– Даже не представляю, – ответила вдова и отрицательно покачала головой, – не знаю, о чем он с ней мог говорить, но о чем бы они ни говорили, будьте уверены, разговор закончился скандалом.

Герман огляделся вокруг.

– Извините, но я должен спросить. Я знаю, что никакой зарплаты полковника не хватит на такой дом. Откуда у вас такие средства?

Женщина широко улыбнулась, и только сейчас Герман увидел у нее ямочки на щеках.

– Все в порядке, не извиняйтесь. Мы часто слышим этот вопрос. Я получила наследство от дальней родственницы. Пока не пришло письмо от нотариуса, в котором было сказано, что я ее единственная наследница, я даже не знала о ее существовании.

– Сколько же она вам оставила? – не удержался от вопроса Герман и тут же упрекнул себя за бестактность.

– Много, – уклончиво ответила вдова, – мы купили землю – Леша всегда мечтал построить дом по собственному проекту. Купили две машины, квартиры детям.

– Ого! Действительно много. Откуда же у вашей родственницы такие деньги?

– Она владела антикварным салоном в Екатеринбурге, который перешел ей по наследству от деда. Мы наняли эксперта из Москвы, и он нашел покупателя, который выкупил магазин со всем имуществом. Уже потом мы узнали, что истинная стоимость коллекции была куда больше полученной нами суммы, но мы

рады были и тому, что получили, – сказав последнюю фразу, женщина опять нахмурила брови, спустилась по спинке кровати на матрас и поправила подушку.

– Как зовут вашу родственницу, которая оставила вам наследство?

Архангельская нахмурилась еще сильнее и требовательным тоном произнесла:

– Я чувствую, что у меня снова повышается давление. Давайте на этом закончим разговор. Всю необходимую информацию о наследстве вы можете получить у Валерия Сергеевича.

– Спасибо Елизавета Петровна. Еще раз примите мои соболезнования, – вставая, произнес Герман и покинул спальню.

&&&

Терентьев и водитель Архангельского смотрели на кухне чемпионат по футболу и уминали чипсы с огромной тарелки. Самого Валерия Сергеевича поблизости не было.

– Да куда тебя несет-то! А?! – вскочил Михаил, глядя на экран телевизора.
– Бежит как ослица на сносях! – увидев спускающегося по лестнице Германа, майор спросил: – Ну что, поговорил?

– Да, только перекинусь парой слов с Валерием Сергеевичем и поедем.

– Он в беседке, – подсказал водитель.

Герман вышел из парадной двери, обогнул дом и оказался у небольшого пруда. Рядом с мостиком располагалась деревянная восьмиугольная беседка.

– Куда вас понесло? – выпалил со злостью Валерий Сергеевич, когда Герман зашел в беседку. – Неужели так необходимо копаться в ее наследстве?

Из вопроса стало понятно, что вдова уже успела позвонить и наябедничать. Герман выпустил тонкую струю дыма и бросил на чиновника укоризненный взгляд. Тот отмахнулся и буркнул:

– Докладывайте.

Патрикеев решил оставить тему наследства, а доложить об итогах первого дня расследования.

– Я расскажу факты, которые показались мне подозрительными, а уж с выводами..., – Валерий Сергеевич торопливо кивнул в знак согласия, и Герман

продолжил: – Тридцатого марта некая Надежда Сорокина, принесла в центр молекулярной генетики двадцать восемь образцов ДНК для проведения анализа на отцовство. Уточняю – один отец, двадцать восемь детей.

Глаза Валерия Сергеевича от удивления расширились, а брови поползли вверх.

– Через несколько дней она устраивается в следственное управление на не престижную для нее должность рядового бухгалтера, – продолжил Герман, – а через четыре дня полковника просят пройти в комнату для допроса. Пока он беседует наедине с задержанным Роговым, по делу которого проходят два десятка убитых и предположительно двадцать восемь отпущенных им женщин, в кабинете полковника кто-то, вероятно, та же Сорокина, оставляет конверт. Мы выяснили, что в таких конвертах выдают результаты анализов на отцовство.

– Не понял..., – прервал Валерий Сергеевич Германа, – зачем моему брату нужны были эти анализы?

Герман покачал головой, выражая сомнение по этому поводу.

– После беседы с Роговым, ваш брат находит конверт у себя на столе, после чего идет на стоянку служебного автотранспорта, садится в свой автомобиль и звонит матери. Со слов его вдовы, да, вы, наверное, и сами знаете, он с ней практически никогда не общался, все вопросы между ними улаживали, в основном, жена и вы. Но в тот день полковник сам позвонил ей, и их разговор длился семь минут. После разговора Серафима Павловна попадает в больницу. Но самое интересное, что «Скорую» ей вызвали еще до того, как она узнала о смерти сына.

– Вы уверены? – Валерий Сергеевич даже побледнел от нервного напряжения.

– Абсолютно, – Герман твердо смотрел ему в глаза. – Терентьев проверил.

Валерий Сергеевич отвел взгляд и, задержав его на своих нервно подрагивающих руках, тихо проговорил:

– Продолжайте...

Герман кивнул.

– После чего полковник *якобы* стреляется, а Сорокина в этот момент находится где-то рядом с машиной. Она единственный свидетель, которая

утверждала, что видела, как он сидел в машине и говорил по телефону. Распечатка звонков ее показания не подтверждает. Через неделю после происшествия, Сорокина увольняется, мотивируя тем, что у нее подорвана психика после увиденного, и просто исчезает. Мобильник отключен, по указанному адресу в личном деле она не проживает. Данные о работе мужа оказываются липовыми.

– По вашим словам, выходит, что Сорокина причастна к убийству и маньяк биологический отец Алексея?! – воскликнул Валерий Сергеевич. – Но это же... простите... бред!

– Я еще не знакомился с делом Рогова, просто пробежался по протоколам допросов, но тут все проще простого. Он обвиняется в похищении и неоднократном изнасиловании нескольких десятков женщин. Он их удерживал по два-три месяца, пока они не беременели. Дальше действовал по принципу: есть беременность, ты свободна, нет беременности – смерть. Это дело не такое простое, как кажется на первый взгляд.

– Что вы имеете в виду?

– Зачем ему такое количество детей? Для него это не просто спортивный интерес. Он настаивал на сохранении ребенка, а как бы он узнал о дальнейшей его судьбе, если бы не следил за ним? Ни одна из женщин не подала заявление в милицию после того как он их отпустил. И он не оглашает список своих отпущенных жертв. Они ему дороги. Это его тайна. Поэтому я подумал, что у него есть миссия.

– Что еще за миссия?! – спросил Валерий Сергеевич, ругнулся и рванул сдавливающий шею воротник.

– Не знаю. Пока не выведем маньяка на чистую воду со всей его подоплекой и мотивацией, мы не раскроем дело вашего брата.

В беседе наступила тишина. Валерий Сергеевич закинул голову и уставился на звездное небо, пытаясь переварить новости. Теперь, когда он узнал об анализе ДНК, все встало на свои места. Если их мать стала жертвой насильника много лет назад, вследствие чего на свет появился его брат, то это объясняет поведение матери и ее отношение к Алексею. Она любила и ненавидела его одновременно, потому что сын, видимо, напоминал ей своего

биологического отца. Страшно подумать, что творилось у нее в голове, когда она смотрела на своего собственного ребенка. Он жалел свою мать, своего отца и ни в чем неповинного брата. Теперь ему стало понятно, почему мать так часто плакала по ночам в своей комнате и просила Бога избавить ее от душевных терзаний.

– Хорошо, – наконец подал голос Валерий Сергеевич, – я понимаю ход ваших мыслей, но причем тут Лиза и ее наследство?

Герман потушил сигарету и сказал:

– Это только лишь догадка, мое предположение.

– И все же! – настойчиво произнес Валерий Сергеевич, повышая тон.

– А что, если Елизавета Петровна не была на самом деле родственницей женщины, которая оставила ей наследство? Ведь по ее словам, она даже не знала о ее существовании, а что если наследство было липовым?

– Как это? Зачем кому-то по собственной воле расставаться с таким количеством денег? – удивился Валерий Сергеевич.

– Может быть, деяния Рогова пошли дальше оплодотворения и наблюдения за детьми со стороны? Возможно, он, таким образом, обеспечивал своих потомков. Нашел богатую и одинокую женщину в том же городе, где родилась и выросла Елизавета Петровна, и устроил так, что все наследство ушло к ней.

– Допустим, вы правы, тогда почему все так сложно? Почему не дать деньги самому Алексею? Ведь жена может развестись и деньги уплывут.

– Полагаю, на его решение могло повлиять то, что ваш брат был силовиком. Рогов понимал, что такое большое наследство привлечет нежелательное внимание со стороны его ведомства.

– Возможно, вы правы, – задумчиво произнес Валерий Сергеевич и, посмотрев в глаза Герману, добавил: – Если... я повторяю, если, предположить, что это правда. Вы думаете, мой брат, узнав правду, застрелился?

– Рано делать выводы, – быстро ответил Герман, – поговорив с матерью, он мог поддаться эмоциям. Могу представить, что он испытывал в тот момент. Начальник следственного управления – биологический сын маньяка! Наследство получено из рук маньяка! Это же, черт знает что! Что ему делать? Идти к начальству и рассказать обо всем, и тем самым лишить себя будущего? И как

после такого смотреть в глаза детям... жене? Ведь не зря он ей даже не позвонил. Возможно, ваш брат испытал сильнейший стресс, стыд, даже страх...

Валерий Сергеевич схватился за голову и Герман дал ему минуту, чтобы осознать услышанное.

– Но есть и другая версия, – продолжил Герман после паузы. – Возможно, маньяк раскрыл ему свои карты. Признался, что он его отец и сказал, что по возвращению в свой кабинет, он получит доказательство в виде анализа ДНК. А после этого, предположим, потребовал что-то, пригрозив раскрыть его происхождение. Ваш брат отказался, и тогда его убили, подстроив самоубийство.

На Валерия Сергеевича без содрогания нельзя было смотреть. Вся его начальственная осанка куда-то пропала, как скинутое одеяло, обнажая растерянного, придавленного несчастьями обычного человека. Герман замолчал, давая ему еще раз время для осмысления.

– Но как? – справившись с эмоциями, Валерий Сергеевич посмотрел на Германа покрасневшими глазами. – Окна в машине были закрыты..., стреляли внутри... на пистолете... его отпечатки. А кроме брата в машине никого не было.

– Все просто. Выстрел, который слышали все, мог быть произведен, когда ваш брат был уже мертв.

– Вы можете это доказать? – с еле уловимой надеждой в голосе спросил Валерий Сергеевич.

– Необходимо провести следственный эксперимент, создать схожие условия и выстрелить из пистолета полковника в машине, припаркованной на том же месте стоянки.

– Зачем?

– Из протокола баллистиков ясно, что выстрел был произведен в упор, и мы знаем, что стекла в машине вашего брата были подняты, что существенно должно было приглушить звук выстрела. Насколько я знаю, табельный «Макаров» не самое громкое оружие, и в здании выстрела не должны были слышать, даже если бы и услышали хлопок, то не опознали его как выстрел. А что мы имеем на деле? Выстрел слышали все в управлении. Только следственный эксперимент подтвердит или опровергнет мою догадку.

– Кто же тогда стрелял?

– Думаю, Сорокина, но у нее мог быть и сообщник. Они могли застрелить вашего брата, когда на стоянке никого не было, а потом, дождавшись первого свидетеля, сделать вид, что она только что вышла из своей машины и идет в управление.

– Ясно, – к Валерию Сергеевичу вернулось самообладание, – я могу чем-то помочь?

– Нужно объявить Сорокину в федеральный розыск. Просмотреть все записи с видеокамер в радиусе пятьсот метров от стоянки, а для этого необходимы ордера.

– Не проблема.

– Прошла всего неделя, еще есть надежда, что они сохранились. Само собой необходимо перетрясти все дело о маньяке. Не могу понять его мотивов, а значит, что-то упустили.

– Понимаю, – Валерий Сергеевич кивнул. – Попрошу вас держать пока в тайне информацию об анализе ДНК. Когда раскроете дело, я сам решу, что с этим делать.

– А как же Терентьев? И у него есть начальство, – напомнил Герман.

– Начальство я беру на себя. А вы все уладьте с Терентьевым. Он был другом Алексея, – Валерий Сергеевич многозначительно посмотрел на Германа и попросил: – А теперь, если позволите, я бы хотел остаться один.

&&&

В номере было не просто чисто – стерильно, и это раздражало. Сбросив на ходу куртку, Герман завалился на кровать, чувствуя приятную ломоту в напряженных ногах. Он закрыл глаза, прокрутил в голове все установленные факты по делу Архангельского и накидал дальнейший план действий. Потом вспомнил про шефа, и набрал его номер.

– Buenas noches, señor².

– Добрый, – снисходительно произнес охрипшим от сна голосом генерал, и тут же поинтересовался: – Ну, славно потрудились в первый день?

– Похвастать пока нечем.

² Buenas noches, señor (исп.) – Добрый вечер, сеньор.

– Скромняга. Мне уже доложили, что Валерий Сергеевич поднял в прокуратуре невообразимый шум по делу своего брата. СК гудит как улей.

– Быстро он, – заметил Герман.

– Ты мне вот что скажи, – генерал сделал короткую паузу, – думаешь, полковник не сам это сделал?

– Есть такое подозрение, – уклончиво ответил Герман.

– Ну, подозрение это уже что-то, – задумчиво произнес генерал, – вчера и этого не было.

– Шеф, мне нужна машина. Не хочу, чтобы за мной как за красной девицей приезжали в отель каждое утро. Да, еще нужно переехать в квартиру, – Герман осмотрел сердитым взглядом номер и добавил: – И как можно быстрее.

– Что, не по вкусу гостиничная чистота? Творческого беспорядка не хватает?

– Именно так.

– Подберу я тебе квартиру. Хотел как лучше, а ты как всегда. Здесь тебе принесут еду через полчаса после заказа, погладят и стирают, а в квартире придется все делать самому.

– Не могу работать в такой обстановке. Вы же меня знаете. Сейчас вечер, для меня самое время поработать мозгами. Представьте, что будет с горничной, если я развешу фотографии жертв маньяка по всему номеру?

– Согласен, – ответил генерал после короткой паузы, словно представляя себе эту картину, – а ты что, хочешь покопаться в деле маньяка?

– Есть прямая связь Рогова с Архангельским, так что..., – недоговорив, Герман резко сменил тему. – Шеф, у меня еще одна просьба.

– Говори.

– Я бы хотел узнать адресок моих девчонок. Звонил по старым телефонам, трубку никто не берет.

– Всю необходимую информацию я послал тебе в отель. Тебе должны были уже принести конверт.

– Пока не принесли. Не томите. Что там?

Не услышав ответа, Герман спросил:

– Шеф, вы еще тут?

– Да, – послышался тяжелый вздох генерала, после чего Герман напрягся и приготовился к очередной порции плохих новостей. – Не хотел тебя огорчать, но ты все равно это узнаешь...

– Не тяните резину, – почти угрожающе произнес Герман.

– Лера вышла замуж, – вымученным тоном произнес генерал и нервно откашлялся.

Герман не ответил, чувствуя, как защемило сердце, надавил на грудь и сощурился. Он предполагал, что подобное может произойти, но этот день почему-то виделся в далеком будущем. И с чего он взял, что получив развод, Лера будет его ждать?

– Ее муж директор завода, акционер двух банков. Несколько домов здесь и где-то на Сардинии. Если хочешь, я перешлю тебе о нем всю информацию.

– Не надо. Я просто хотел увидеться с Катей, – сухо ответил Герман.

– Она сейчас в детском санатории во Франции.

– Во Франции? Одна?

– Нет с гувернанткой.

– У моей дочери есть гувернантка? – невесело усмехнулся Герман. – Крутые перемены. Нда.

В комнату постучали, но Герман продолжал сидеть на кровати в застывшем состоянии, через секунду под дверь просунули конверт. Встав с кровати, он поднял конверт с пола и распечатал.

– Видимо доставили мое послание, – предположил генерал, – будут вопросы, звони.

– До связи, – буркнул Герман.

В конверте оказались фотографии его бывшей жены, дочери и мужчины лет сорока пяти. Снимки были сделаны в разное время года, это означало, что шеф периодически подключал специалистов для сбора информации. На всех фото Лера светилась от счастья. Видимо, решил Герман, жена действительно полюбила и была счастлива. Но дочь постоянно была хмурой, и у Германа сжалось сердце от тоски.

Глава вторая

Метка Паука

На следующий день ровно в девять утра, майор позвонил в номер Германа из гостиничного холла.

– Я внизу. Спускайся. У нас мало времени, нужно ехать на допрос Кристины Низовой – последней жертвы Паука.

– Ты же сказал, что она не в состоянии говорить, – напомнил ему Герман.

– Полчаса назад позвонил ее муж, сказал, что она готова дать показания.

Герман положил трубку и потянулся за кожаной курткой. На глаза попался конверт с фотографиями, и укол ревности снова пробил сердце. Полночи он пытливо разглядывал бывшую жену и перед глазами мелькали самые яркие моменты их совместной жизни.

Не выспавшийся и угрюмый он вышел из номера и спустился на лифте в холл. Увидев его, двое охранников напряглись, встали на вытяжку и по их реакции Герман понял, что за ним все же присматривают люди из управления. На ходу он фиксировал все действия персонала: один охранник бросает мимолетный взгляд на часы, его рука машинально потянулась к рации; как только Герман выйдет из здания отеля в управление отправят сообщение, что он уехал на серебристом «Опеле», указывая точное время и номер машины.

– Герман Всеволодович! – мужская рука дотронулась до его плеча, Герман резко обернулся и увидел парня в форме посыльного. – Вам посылка!

Поблагодарив, он взял небольшую коробку, распечатал и вынул мобильный телефон. В коробке была записка от шефа: «Он тебе понадобится. Я дал твой номер всем заинтересованным лицам».

«Кого он имел в виду?», – подумал Герман, вышел из отеля и направился к машине майора, фиксируя боковым зрением, как один из охранников провожает его пристальным взглядом.

Старенький «Опель» Терентьева стоял перед входом в отель, негромко урча работающим двигателем. Когда Герман сел в машину, майор резко нажал на газ и выехал на Тверскую улицу, бесцеремонно вклиниваясь в плотный поток машин.

– Мы опаздываем, ее должны увезти на процедуры, – прокомментировал он свои действия и спросил: – Завтракал?

– А ты что моя мать? – язвительно бросил ему Герман.

Разобиженный майор поджал губы и сильнее вцепился в руль.

– Что сказал муж потерпевшей? – хмуро спросил Герман.

Майор бросил на напарника пронзительный взгляд и спросил:

– Тебе что вчера выпивки не досталось?

– Да нет, полный бар, а что?

– Злой ты сегодня.

– Не злой, – Герман помолчал, глядя на суетящихся в заторе водителей, стремящихся заполнить каждый свободный сантиметр дороги так энергично, словно от этих сантиметров зависела их жизнь. – Просто не выспался.

Через полчаса они поднялись на второй этаж больницы и зашли в палату. Молодая красивая женщина полулежала в кровати, ее левая нога была в гипсе на вытяжке. Рядом с ней сидел мужчина лет пятидесяти и что-то вполголоса внушал. Увидев следователей, он резко вскочил, будто его застали за чем-то неприличным.

– Игорь Анатольевич, – Терентьев пожал протянутую мужчиной руку, – по телефону вы сказали, что ваша жена уже может дать показания.

– Да. Она готова ответить на ваши вопросы.

– Здравствуйте, Кристина, – майор приветственно кивнул.

– Доброе утро, – тихо ответила Низова, разглядывая следователей с заметным испугом. Она перевела взгляд на мужа и так же тихо попросила: – Дорогой, ты не оставишь нас на минутку?

Он ответил ей взглядом, наполненным пониманием и сочувствием. Затем вышел и плотно прикрыл за собой дверь.

– Задавайте свои вопросы, – Низова поправила распушившиеся волосы.

Терентьев включил диктофон, назвал дату, имя и фамилию потерпевшей.

– Расскажите все по порядку, Кристина. Как вас похитили? Что происходило до того момента, когда мы вас освободили?

– Это же были вы, – женщина пристально вгляделась в лицо Терентьева, – я помню вас. Вы держали мою руку, когда меня выносили на носилках из подвала.

Майор подтвердил и замер в ожидании. Она тяжело вздохнула и начала рассказывать, периодически покусывая пересохшие от волнения губы.

– Вы, наверное, уже знаете, что похитил он меня на стоянке у салона красоты. Я завела машину, не успела тронуться, как в салон садится..., – Кристина запнулась, выпила глоток воды из одноразового стаканчика, – ...ножом в бок и говорит, чтобы ехала прямо. Я стала умолять его отпустить меня, но он только распалился. Поэтому я делала все, что он говорил, и постепенно похититель успокоился. Мы выехали за МКАД и проехали около двадцати километров по Егорьевскому шоссе, после чего он приказал свернуть на проселочную дорогу и ехать еще два километра. Там стоял фургон зеленого цвета, номер не разглядела... – она замолчала, словно заново переживая тот ужас, – он связал мне руки, залепил пластырем рот, затем забрал сумочку и, проверив все карманы, запер меня в фургоне.

Дыхание женщины участилось, на лбу показались мелкие бисеринки пота. Терентьев указал ей на стакан с водой, женщина снова сделала глоток, успокоилась и продолжила:

– Потом мы ехали очень долго. Он нигде не останавливался. Привез меня уже глубокой ночью в тот кошмарный дом..., в тот подвал! А потом..., потом....

Женщина не могла говорить, ее душили слезы.

– Успокойтесь, все уже позади. Я знаю, через что вам пришлось пройти, – Терентьев пытался успокоить ее, но вышло все наоборот.

– Нет, не знаете! – вспыхнула Кристина. – Вы ничего не знаете! Я прошла через ад! Вы себе такого и в страшном сне представить не сможете! – она закрыла лицо ладонями, приглушая сдавленные рыдания.

Терентьев не знал, что ответить. Он растерянно посмотрел на молчаливого Германа, тот еле заметно покачал головой, что можно было расценить, как «не дави на нее».

– Когда он втащил меня в тот подвал, – продолжила Кристина после паузы, – я обомлела. Там все было в точности так, как я хотела сделать в нашей гостиной. Где-то за месяц, мы говорили с мужем на эту тему, я даже наняла дизайнера! Обои, шторы, мебель – он все знал обо мне! Вы понимаете?! Что я люблю из еды, какое вино предпочитаю, любимые духи, фильмы, книги. Он

даже..., – Кристина сжала кулачок, стараясь окончательно не расклеиться, – ...сказал, что подарит мне дочь, и я назову ее, как и хотела... Марией.

– У вас есть предположения, откуда он все это узнал?

– Я спросила его, – ответила Низова, – и получила первый урок. Он ударил меня, я упала на кровать, и тогда он сказал, чтобы я никогда не задавала ему глупых вопросов. В первую же ночь он меня изнасиловал, – она закрыла на мгновение глаза, губы нервно подрагивали, – но сначала был ужин при свечах, а на столе лежала такая же скатерть как у нас дома! После ужина он стал со мной говорить. Выглядел спокойным и уравновешенным, мне даже не верилось, что это он меня похитил. Он сказал, что не причинит мне никакого вреда, если я буду делать все, как он скажет. Затем он пошел наверх принимать душ, и когда спустился, от него пахло туалетной водой, которую я перед похищением подарила мужу. Теперь даже не представляю, что со мной будет, если я снова услышу этот запах, – она сделала глоток воды из стаканчика, который по-прежнему сжимала, и неожиданно спросила у Германа: – Вы же не отпустите его?!

– Нет, – коротко, но твердо ответил Герман.

– Он начал обнимать меня, нашептывать слова, которые мне часто говорил муж.... Он..., будто хотел подменить его, заставить меня поверить, что я дома, со своим мужем. Говорил, что я буду самой счастливой женщиной на свете. Что у нас будет ребенок.... Я... чуть не поверила! Но потом..., очнулась, – Кристина уже не могла сдерживать себя, и зарыдала навзрыд.

Следователи нервно переглянулись и с минуту наблюдали за последней жертвой Паука. Она все никак не успокаивалась и Терентьев мягко спросил:

– Что было дальше?

Кристине потребовалось время, чтобы придти в себя. Через несколько минут всхлипы стали редкими и она продолжила:

– Все смешалось..., я потеряла счет дням. Он куда-то часто уезжал, а меня приковывал к кровати, я не могла даже сходить в туалет. Какие-то вечера он проводил со мной, но когда уезжал, снова приковывал... Постепенно я поняла, что выхода у меня нет, и стала подыгрывать ему. Говорила то, что он хотел услышать, не задавала вопросов и секс... когда бы он ни захотел. За каждый день, проведенный без пререканий, я получала подарок. Это были мои вещи – пижама,

обручальное кольцо и даже детские фотографии. Я подумала, что он бывает в нашей квартире и надеялась, что его застанут муж или домохозяйка или, по крайней мере, заметят пропажу вещей. Но, оказалось, он собрал мой чемодан заранее и устроил все так, чтобы мой муж думал, будто я сбежала. Поэтому Игорь не сразу обратился в полицию.

– Да, мы знаем, – негромко подтвердил Герман, – пропавший чемодан указан в его заявлении.

– Как-то он сказал, что необходимо скрепить наши чувства, и нагрел зажигалкой печатку, которую носил на правой руке. Затем он этой печаткой прижег мне за ухом и сделал татуировку, – Кристина откинула волосы, обнажая шею и рельефную татуировку паука.

Майор и Герман многозначительно посмотрели друг на друга.

– Кольцо он всегда носил с собой? – спросил Герман.

– Кажется, да, – ответила женщина, – но точно не могу сказать. Когда он понял, что я не забеременела, принес календарь, и стал помечать дни моего цикла, и каждый день я с ужасом ждала дня расплаты. Когда прошло три месяца, он принес с собой большого мохнатого паука, сказал, что это самка и зовут ее Индра. Если она сядет ко мне на живот, то я обязательно забеременею. Я плакала, умоляла его этого не делать, я боюсь пауков с детства, но он только приходил от этого в бешенство. Наконец я согласилась, только бы поскорее все это закончилось, и он положил эту мерзость мне на живот. Она ползала по мне несколько минут..., потом остановилась на левой ноге. Он обрадовался, типа, Индра произнесла свое пророчество. Снял ее с меня и сказал, что сегодня наш последний день вместе. Говорил так патетично и свысока, что я сразу почувствовала, что он меня не отпустит. Напоследок он сказал, что у меня никогда не будет детей, а значит, я недостойна жизни. После секса он принес молоток и сильно ударил меня по ноге. Если бы не приехала полиция, он меня бы убил, – Кристина снова заплакала.

– Вы не знаете, что это была за разновидность паука? Может, он называл?
– спросил Герман.

Терентьев бросил на напарника укоризненный взгляд.

– Да, говорил, птицеед, – тихо ответила Кристина, сморкаясь в салфетку.

– Последний вопрос, – дождавшись ее кивка, Герман спросил: – Как вам удалось воспользоваться его мобильным телефоном?

Женщина нервно сглотнула, обвела следователей испуганным взглядом.

– Он никогда не приходил с телефоном, всегда оставлял наверху. Но однажды забыл его в куртке, и когда пошел в душ, я услышала виброзвонок, нашла телефон и послала мужу сообщение. Звонить побоялась, он мог услышать мой голос и тогда бы меня уже никто не спас.

– Спасибо, Кристина, но если вспомните еще что-нибудь, позвоните, – майор протянул ей свою визитку, – нам важна любая информация.

Терентьев улыбкой попрощался с Кристиной, и вышел из палаты. Муж стоял у самой двери и, судя по позе, подслушивал их разговор. Его лицо было таким растерянным и бледным, что Терентьев не удержался и сказал:

– Ну и зачем вам нужно было это слышать?

– Я должен знать, что с ней произошло, а иначе как я ей помогу?! – разгорячено выпалил муж.

– А вам кто поможет? – холодно спросил Герман.

&&&

По дороге в офис Герман подметил, что расследование так его увлекло, что Легенда отступила в темноту его сознания и уже вторые сутки не дает о себе знать. Это было хорошим знаком, значит, его мозг, выстраивая вереницу улик, анализирует, куда может вывести та или иная ниточка, помогая тем самым сконцентрироваться на настоящем. Но возникал вопрос, что будет после того, как закончиться расследование?

Вернувшись в управление, напарники решили обобщить полученную информацию и разложили на столе материалы дела. Терентьев убрал с доски маршруты передвижений полковника и распечатки звонков. Нашел в деле фото татуировки, которую сделали эксперты еще при первом осмотре Кристины Низовой, и повесил его на доску.

– Это первая подобная татуировка в деле? – спросил Герман.

– Нет, – ответил майор и снова зарылся в бумагах.

Через несколько минут на доске уже висели девять фотографий с идентичными татуировками.

– Как на лошадях тавро ставил, – с холодной злостью произнес Герман.

– Метка Паука, – отозвался Терентьев, – раньше такие тату мы находили только на трупах.

Изучая фотографии, Герман подумал, что перстень – это улика номер один. Именно он связывал убийцу с жертвами, а значит, его должны были непременно приобщить к делу и исследовать эксперты.

– Перстень, которым он прижигал в уликах?

– Нет. При задержании кольца на нем не было.

– Как это? По словам Кристины, он его никогда не снимал.

– В уликах его нет, – повторил Терентьев.

Герман нахмурился, между бровями пролегла глубокая складка.

– Может, спрятал в доме?

– Там все обыскали, перстня не было.

– Вряд ли кто-то целенаправленно искал перстень.

Такое предположение майору не понравилось. Герман заметил, как уголки его губ дрогнули, а на шее запульсировала вздувшаяся вена. Терентьев буркнул что-то неразборчивое и тут же отвернулся к доске с фотографиями.

– Повторяю, перстня там не было, но если ты сомневаешься, поезжай сам на место преступления, – майор сложил руки на груди, – могу Софиева в помощь выделить.

– А ты не поедешь?

На этот раз в Германа полетел разгневанный взгляд, лицо майора приняло пунцовый оттенок.

– Сегодня будут проводить следственный эксперимент. Напомни, чья это была идея? Но это еще не все. Собрали записи со всех камер в радиусе пятисот метров. Тоже твоя идея? Кому-то теперь придется все это просматривать!

– Так вот как ты думаешь?! – Герман усмехнулся. – Пришел какой-то умник, понимаешь ли, и давай тут всех учить, как нужно работать!

– Ты забыл добавить: «Пришел из санатория, из которого еще никто к работе не возвращался», – язвительно проворчал майор.

Терентьев был прав, из того заведения, которое было указано в его деле на прежние должности не восстанавливали и тем более не доверяли проводить ответственное расследование.

– В дело мое нырнул? – догадался Герман. – Ладно, майор, поеду в логово Паука. Встретимся завтра. Зови своего Софиева.

– Я твое дело не поднимал. Кто я для твоего управления? Шавка лающая на слона! Это шеф, после звонка Валерия Сергеевича, – ответил Терентьев, снимая трубку рабочего телефона и, услышав голос помощника, добавил более дружественным тоном: – Рома, зайди ко мне.

Через три минуты Софиев заглянул в кабинет, атмосфера в котором накалилась до предела. Одного взгляда хватило, чтобы понять, что между майором и новичком произошла стычка. Терентьев протянул ему ключи от своей машины.

– Отвези Германа Всеволодовича в Наро-Фоминск.

&&&

Успев за три года отвыкнуть от местного трафика, Герман не предполагал, что до места преступления придется добираться почти четыре часа. Дороги были забиты автомобилями, а каждый метр давался, буквально, с боем. Сидевший за рулем Софиев то и дело прикрикивал через открытое окно, подрезая, сигналив и втискивая автомобиль в едва освободившееся место.

– Пятница, – ворчал Роман, – все на дачи рванули. Весна, погода отличная.

– А спецсигналов у вас нет? – спросил Герман, с сожалением думая о бездарно потерянном в заторах времени.

– Нет, нам не положено, – вздохнул Софиев, резко подавая машину вперед и вбок, занимая часть чужой полосы.

В открытое окно то и дело врывалась какофония дорожных звуков. Водитель с соседней полосы высунулся из окна и что-то начал втолковывать лейтенанту. Но Софиев не сдавался, усердно нажимал на сигнал, не собираясь уступать и пяди отвоеванного участка асфальта.

– Дурдом, – мрачно резюмировал Герман, набирая номер Терентьева.

– Нет по Сорокиной ничего, – отрезал Терентьев и разъединил связь.

«Он что? Экстрасенс? – Герман мысленно хмыкнул. – Видно попало ему вчера за дело Архангельского, после кипиша Валерия Сергеевича, вот майор и завелся».

– Что-то Миша не в духе, – Герман со стоном вытянул затекшие ноги.

– Вчера вечером было совещание у Логинова, – намекнул Софиев.

– Разбор полетов прошел на критической высоте?

Бросив осторожный взгляд на Германа, Софиев кивнул.

– Вроде того...

– Ясно, – Герман нетерпеливо заерзал. – Далеко еще?

– В Москве расстояние измеряют в часах, поэтому правильнее будет спросить: долго ли еще? – с усмешкой ответил Софиев.

– Так сколько еще ехать?

– А хрен его знает, – лейтенант отчаянно выкручивал руль влево, чтобы перестроится в крайнюю левую полосу, – как повезет. Может, час, а может и все три!

– Как вы тут, вообще, куда-то успеваете?!

– Вот как-то так и успеваем...

Прозорливость Софиева оказалась пугающе точна – до Киевского шоссе они добирались около часа, зато оставшиеся десять километров пролетели очень быстро.

– Подъезжаем! – кивнул Софиев на показавшиеся впереди почерневшие от времени деревянные дома. – Деревня почти заброшенная. А раньше говорят, дворов двести было.

– А сейчас одни развалины, – произнес Герман, глядя на покосившиеся деревянные постройки.

Машина остановилась у последнего, стоявшего наособицу дома, и Софиев сказал:

– Все, приехали. Вот этот дом.

Ветхое строение трудно было назвать домом. Казалось, что почерневшие бревна сруба вот-вот распадутся, словно карточный домик. Крыша обвалилась, практически во всех окнах отсутствовали стекла. Забор, отделявший участок с одной стороны от извилистой обмелевшей речки, с другой от недавно

вспаханного поля, держался на честном слове, а кое-где уже повалился и гнил в застоялых лужах.

Внимательно осмотрев дом снаружи, Герман понял, что Рогов выбрал его неслучайно. Отдаленное глухое место, отсутствие асфальтированной дороги, давало гарантию, что сюда не заедут даже случайные гости. Единственное строение, которое соседствовало с полуразрушенным домом, была заброшенная слесарная мастерская, вокруг которой были разбросаны проржавевшие тракторные детали, напоминавшие о когда-то благополучном совхозном прошлом.

Дом был опечатан и огорожен полицейской лентой, подойдя ближе к двери, Софиев показал на сорванную пломбу на калитке. Рядом с домом стояла полицейская девятка, но в машине никого не было. Герман усмехнулся, зачем срывать пломбу, когда в дом можно было проникнуть через покосившийся забор?

На улице уже темнело. Герман поднялся по скрипучим ступеням, которые явно недавно ремонтировались и вошел в тесную прихожую. Щелкнул выключателем, но тщетно, тогда он включил фонарик и посветил вверх. На потолке висела одинокая почерневшая лампочка. Фонарик замигал и Герман выругался.

– Рома! Есть фонарик?

Лейтенант вошел в прихожую, сунул руку в щель между зеркалом и стеной и через секунду зажегся яркий свет, встроенный за карниз зеркала. Из-под ног в рассыпную разбежались по щелям тараканы. Герман отскочил, чертыхнулся и шагнул на лестницу. Недавно струганные доски на ступенях видимо готовились под настил линолиума, который рулоном лежал у порога.

Стоило Герману спуститься в подвал, сразу стало ясно, что маньяк готовил свое логово не один месяц. Стены подвала были обиты гидроизолирующей пленкой и толстым слоем войлока, а поверх него смонтированы двойные листы покрашенного гипсокартона, на котором крепились лепнина из полиуретана.

– Все продумал, – Герман постучал по стене, – здесь, наверное, можно обкричатся, и все равно никто не услышит.

– Расчетливый был мерзавец, – в тон ему ответил Софиев.

– Почему был? – поправил его Герман. – Он и сейчас все еще есть.

– Теперь свои расчеты будет применять только в одиночной камере, – буркнул Софиев, явно не желая дискутировать на эту тему.

Герман продолжил осмотр. Большая комната была поделена перегородкой на две части. С одной стороны это была гостиная и столовая, с другой спальня. Стены были выкрашены в серо-голубой цвет, на полу дубовая доска. Витражный потолок в гостиной был сделан из матового стекла и имитировал солнечный свет. Мебель была преимущественно белого цвета. А точно направленный свет подчеркивал картины и предметы интерьера, которые были как конечные аккорды ярких и сочных цветов.

– Как съемочная площадка фильма ужасов, – сказал Софиев и показал на наручники с длинной цепью, висящие с двух сторон кровати, – или порнофильма.

Герман не ответил, он рассматривал на полу пятна крови, и подумал, что видимо здесь маньяк и ударил Кристину молотком по ноге.

– Дай-ка мне фотографии с места преступления, – попросил Герман.

Софиев открыл папку с протоколом осмотра помещения и вынул фотографии. Герман взял фото и прошелся вдоль стены.

– Здесь стоял видеомэгаффон, – вслух рассуждал он, указывая на белую тумбу с телевизором. – Он в уликах?

– Ща, гляну, – по-простецки ответил Софиев, – вот, есть. Его, это... эксперты взяли.

– А пленки были?

– Смотрим, – Софиеву явно нравилось ассистировать. Он пролистал записи и изрек с видом царского глашатая, – видеокассеты были, но только с фильмами. Тут даже список фильмов есть. Зачитать?

Герман отрицательно помотал головой и продолжил осмотр стен. Его цепкий взгляд ощупал стену напротив кровати и в глазах вспыхнул огонек.

– Говоришь, как на съемочной площадке? А ведь ты прав, Рома, это и есть съемочная площадка.

Заглянув за тумбу, на которой ранее стоял широкоформатный телевизор, он увидел провод, торчащий из стены. Судя по фотографиям, он вел к видеомэгаффону, который стоял рядом с телевизором. Он схватил провод и дернул что есть силы. Провод отделился от стены и дошел до лепной розетки.

Герман встал на тумбу и ощупал рельефную поверхность розетки, которая была крепко приклеена под фризом стены. В центре декоративного цветка, виднелись места соединения. Герман попытался расшатать их, но ничего не получилось. Тогда Софиев подошел к тумбе и, взяв за провод, еще раз сильно дернул. Провод потянул за собой розетку, она раскрошилась на части, а из цветка выпала микрокамера.

– Иногда надо просто сильно дернуть, – сказал он, удивленному Герману.

– А чего ж при первом осмотре не дернул?

– Так, не знали про камеру-то.

У Германа так и чесался язык отпустить в сторону работы экспертов пару «комплементов», но он сдержался.

– Не знали они... Так, – Герман задумчиво осмотрел микрокамеру, – необходимо провести повторный осмотр места преступления. Звони Терентьеву, пусть пришлет технарей, только на этот раз толковых.

Софиев попытался позвонить, но взглянув на дисплей телефона, сказал:

– Связи нет. Пойду наверх.

Герман в недоумении посмотрел на поднимающегося по лестнице Софиева и вспомнил слова Кристины: «Однажды он забыл мобильный телефон в куртке и когда пошел в душ, я услышала слабый виброзвонок...».

«Как же ты услышала звонок, если здесь сигнал не ловит?», – подумал Герман и стал ходить с телефоном по всему подвалу, гипнотизируя индикатор уровня принимаемого сигнала.

Проверив все помещение, Герман убедился, что в подвале сигнал сотовой связи не проходит и задумался. Почему солгала Кристина Низова? Она солгала только в этом вопросе или все было от начала до конца ложью? И где отснятый скрытой камерой материал? Немного поразмыслив, Герман решил, что пора подключить шефа.

Он вышел из подвала и увидел, как притулившись к «Девятке» Софиев беседует с коллегой. Заметив Германа, лейтенант громко крикнул:

– Бригада будет завтра! Сейчас все на выезде!

Герман кивнул, отошел подальше от дома и позвонил шефу.

– У вас благотворительность на сегодня запланирована?

– А я уж думал, ты без меня на этот раз обойдешься, – нарочито недовольно проворчал Николай Иванович, – что нужно?

– Технарь, уровня Лехи.

– Есть у меня один головастый еврейчик. Фимой зовут.

– Да хоть Чингачгуком, лишь бы дело свое знал.

– Этот знает, – заверил генерал.

Закончив разговор с шефом, Герман тут же позвонил Терентьеву.

– У меня две новости.

– Одну я уже знаю – вы нашли камеру, а вторая?

– Кристина Низова нам соврала.

– В чем? – напрягся Терентьев.

– В подвале нет сигнала сотовой связи. Она не могла слышать виброзвонок и, тем более, отправить сообщение. Для этого нужно подняться на первый этаж, а по ее словам Рогов не выпускал ее из подвала.

– Понял...

– Как следственный эксперимент?

– Прошел, – сухо ответил майор.

Герман посмотрел на заинтересованно прислушивающегося к разговору Софиева, отошел еще на пару метров и негромко стал втолковывать майору:

– Слушай, Михаил, не я выбираю, где мне быть и чем заниматься. Передо мной поставили задачу – я выполняю. Но я могу выйти из игры и разбирайся с этим сам.

– Ну конечно! Разворошил осиное гнездо, я теперь разбирайся сам. Нет уж!

– Тогда спрошу еще раз, как прошел эксперимент?

– Я и Долгин звук выстрела не опознали, – неохотно выдавил из себя Терентьев.

– Так я и думал. Давай встретимся часиков так в восемь в моем отеле, в ресторане на первом этаже, – сказал Герман и посмотрел на часы, – угощу тебя ужином, заодно мозгами пораскинем.

– Если это свидание, мне нужно переодеться, – повеселел майор, по его голосу Герман понял, что Терентьев одобряет встречу в неформальной обстановке.

– Детка, надень лучшее, что у тебя есть, – съехидничал Герман.

Не успел он убрать телефон в карман куртки, как тот зазвонил. На дисплее высветилась запись «номер не определен».

– Патрикеев, – официальным тоном ответил Герман.

– Меня зовут Ефим. Я звоню по поручению Николая Ивановича.

– А, привет, Ефим, – Герман сразу взбодрился, – можешь установить мое местоположение?

– Уже, – в тон ему ответил Ефим, – вы в Нарофоминском районе, в деревне...

– Отлично, – прервал его Герман, – мне нужно, чтобы ты выяснил, куда идет сигнал спутниковой антенны с этого адреса. Слабо?

– Не слабо, но на это уйдет не один день.

– Я знаю. На доме самой спутниковой антенны нет. Но думаю, что наш клиент подключился к ближайшей вышке. Ты можешь отследить его по большому трафику, который внезапно увеличивается, а потом неделями молчит.

– Понял. Я сообщу, когда будет информация. Если понадобится, звоните по телефону, который я вам сейчас скину. Я сброшу звонок и перезвоню вам с безопасной линии, – сказал Ефим.

– Конспирация, однако! – удивился Герман, – Ты, что, в розыске?

– Вроде того...

– Ладно, уговорил... поиграем в твои игры.

&&&

В восемь часов вечера Терентьев не спеша зашел в ресторан отеля. К нему сразу же подошел метрдотель и любезно предложил столик в центре зала.

– Вообще-то, меня ждут, – майор указал на скучающего в конце зала Германа.

Терентьев подошел к столику, опустился в удобное кресло и деловито раскрыл меню.

– Я уже заказал, – вместо приветствия уведомил его Герман, оценивающе оглядел напарника и усмехнулся – шутку про лучший костюм Терентьев понял буквально.

- А если мне не понравится?
- Понравится, не сомневайся, – Герман сотворил на лице дружелюбную улыбку, и спросил: – Чего мрачный?
- Сегодня хотел допросить Рогова, но после смерти Архангельского его как подменили. Отказывается говорить, гаденыш!
- А зачем ему это? Срок ему все равно пожизненный на лбу написан.
- Мне от этого не легче. Логинов требует найти оставшиеся трупы.
- Нашли семь? – уточнил Герман и расправил льняную салфетку на коленях.
- Осталось ориентировочно пятнадцать.
- Как вы вообще его поймали?
- Через смс последней жертвы, – пояснил майор и огляделся по сторонам, разглядывая посетителей ресторана. – По номеру телефона установили, откуда идет сигнал и стали проверять один дом за другим. Вошли тихо, осмотрели два этажа и уже хотели уходить, но тут услышали крик Кристины Низовой.
- Она лжет, – сказал Герман.
- Или говорит не всю правду, – возразил майор. – Послушай, я с ней ехал до больницы. Из разговора я понял, что она была полностью сломлена. Он три месяца вытворял с ней все что хотел, – заметив прищуренный взгляд Германа, майор спросил: – Что не так?
- Да все. Не похоже это место на пыточную камеру. Кроме наручников у кровати я ничего такого не заметил. Судя по фотографиям, вы тоже. Он тщательно готовил для нее помещение и как сказала сама жертва, обстановка в подвале была в точности, о какой она и мечтала. Он окружил ее любимыми вещами, первоклассной едой и напитками. Для чего? Чтобы потом избивать и насиловать? Это можешь объяснить?
- Могу сказать только, что он их действительно пытал. На тех жертвах, которых мы нашли, были обнаружены кровоподтеки и ссадины, ожоги от сигарет. Некоторые трупы были расчленены и, похоже, что он резал их, когда женщины еще были живы!

– Вот это и кажется мне подозрительным. У любого преступника есть свой почерк, а у него нет. Это, скорее, похоже на хаос, а он педантичен во всем. Если бы он убивал, то убивал бы всегда одинаково.

Терентьев нахмурился и буравил взглядом своего визави.

– Хочешь сказать, у него есть сообщник?

– Думаю, есть. Возможно даже не один.

– Ну, нет, тут я не согласен. Он подробно рассказал, как, с кем и что делал.

– Возможно, есть записи всех убийств, и он их просматривал, – с легкостью предположил Герман и сделал знак официанту, который через мгновение скрылся на кухне.

Майор на минуту задумался, но потом покачал головой.

– Нет, он один. Я в этом уверен. На первом же допросе он рассказал, как убивал своих жертв. По его словам, они реагировали на него по-разному, поэтому он и расправлялся с ними разными способами.

Официант принес горячее блюдо и поставил его в центр стола. Пока он хлопотал, разговор за столом прервался, хотя Терентьева распирало привести еще парочку важных на его взгляд аргументов. Когда официант снял крышку с медного блюда, аромат вырвался наружу и майор резко переменялся в лице. Он напрочь позабыл о деле и стал пристально наблюдать за действиями официанта. Герман дал возможность ему снять пробу и, затаив дыхание, спросил:

– Ну как?

– Чума! – восторженно воскликнул майор. – Что это?

– Это жаркое по-аргентински. Я целый час потратил на то чтобы добиться от соуса нужной консистенции.

– Не понял, ты, что сам это готовил? – искренне удивился Терентьев.

– Да. Я люблю готовить, но только маленькими порциями. Для двоих-троих не больше.

– Ужасно вкусно! – проглотив второй кусочек говядины, майор закатил глаза, всем своим видом показывая, что у него просто нет слов.

Когда тарелка опустела, Терентьев вернулся к прерванному разговору:

– Послушай, психология маньяка сложная штука, я столько книг и научных статей прочел, пока пытался поймать этого гада! Почти у всех есть своя фишка,

«дурка», сечешь? То, на чем их циклит по полной! Так вот, «манечка» Паука заключалась в том, чтобы женщина зачала. Поэтому он и окружал их заботой, лаской, даже комфортом. Но как только понимал, что очередная жертва не забеременела, резко менялся – она переставала волновать, быть частью игры, и превращалась в ненужный балласт, который нужно скинуть.

– Я вот что понять не могу, – Герман чуть помедлил, – он оставляет женщину в живых, если она забеременела и отпускает обратно в семью. Но это огромный риск, если не просто – идиотизм! Она может подключить полицию, она может уехать и он никогда больше не увидит ни ее, ни ребенка. В конце концов, если муж или отец такой крутой, он может просто заказать его и все! Никто ничего не узнает! Но Рогов спокойно отпускал беременных! На что он рассчитывал?

– Мне кажется, у него есть хорошо придуманный и отработанный годами план. Этот план так хорош, что он даже не парится на тему безопасности. Понимаешь?

Мужчины выпили по рюмке скотча.

– Я согласен, что план у него есть. Это доказывает то, что он все продумывает и рассчитывает. Он методичен в своих действиях. Но как бы ни был хорош его план, безупречных не бывает! И мы должны найти его прокол, – Герман помолчал, держась за рюмку, затем отставил ее, и сказал: – И мы найдем его. Кстати, что с записями? Есть что-нибудь стоящее?

– Парни из нашей группы уже просматривают.

– Из нашей группы? – переспросил, нахмутив брови Герман. – А у нас теперь есть группа?

– Благодаря тебе. Логинов дал двух парней в помощь, я их и приобщил.

– Больше новостей нет? – спросил Герман и опрокинул в рот очередную рюмку.

– Нет.

Терентьев отпил еще виски и хитро сощурился захмелевшими глазами.

– Ты не похож на человека, которому снесло крышу после ранения. Скажи честно, где ты последние три года прохлаждался?

Хотя внешне Герман не подал вида, все внутри напряглось, прикрытие было на грани провала. Если Терентьев поймет, что в истории болезни есть темные места следующего задания ему не видать.

– Сигнал с видеомэгнитофона идет на чужую спутниковую антенну, а от нее еще куда-то, – произнес Герман, игнорируя слова майора, – вопрос: зачем ему передавать видеосигнал, если он все это время находился в комнате и делал записи? Зачем такие сложности? Спокойно мог записать все на видеомэгнитофон, что он, скорее всего, и делал, и смотреть себе потом, сколько влезет. Нет, он рискует, подключается к чужой антенне, понимаешь?

– И опять для меня ничего необычного. Он до последнего поддерживал свою легенду и не хотел расстраивать жертву. Представь, что было бы, если она обнаружила такую запись?

– Этот ловкач любую запись мог оправдать, – отмахнулся Герман.

– И к какому выводу ты пришел?

– Я думаю, он транслировал все это дело в интернет.

– Зачем?

– Деньги. Ты не задумывался, во сколько ему обходилась каждая «невеста»? Все эти интерьеры, ремонты, подарки. А продукты? Ты видел, чем набит холодильник?

– Видел. Я даже производителей таких не знаю. Магазин, где он покупал продукты, считается элитным. Там цены, не знаю, для небожителей каких-то!

– Стоп! Как называется?

– Продуктовый бутик «Променад».

– Пошли завтра ребят..., – Герман посмотрел на Терентьева, и усмехнулся, – у нас же теперь группа, да? – Терентьев симметрично ответил усмешкой, и Герман продолжил: – Короче, пошли их на место преступления. Нужно, чтоб сфотографировали все этикетки с датами расфасовки. Пусть возьмут записи с камер наблюдений и, главное – найдут на них того, кто снабжал Паука продуктами.

Герман жестом подозвал официанта. Когда тот подошел, Герман попросил:

– Принесите десерт.

– Ты еще и печешь? – усмехнулся Терентьев.

– Так глубоко в кулинарию я не углубляюсь.

– Я уж думал предложить тебе профессию сменить, – Михаил залпом допил остатки виски.

– А ты собрал о Рогове столько информации, а до главного так и не допетрил, – вышло резковато, но Герман выглядел спокойным, и Терентьев придушил, рванувшую было обиду.

– Может, просветишь неуча?! – съехидничал он.

– Дети, – коротко ответил Герман, и замолчал, глядя на посерьезневшего майора.

– Зачем психопату дети, меня совсем не волнует! Он просто больной урод, который вбил себе в голову идею бесконечного размножения! Все, точка!

– Не точка... – Герман постучал согнутым указательным пальцем по столу.
– Он обеспечил наследством Архангельского. Он не только следил за его карьерой и семейной жизнью, но и снабдил его деньгами на многие годы вперед, а это значит, что он заботится и о других детях. Он делал это не год, и не два, а целыми десятилетиями!

– И что ты хочешь этим сказать?

– Да ничего! – Герман сердито посмотрел на непонимающего, чего от него добиваются Терентьева и, чуть понизив тон, добавил: – Здесь есть что-то еще, я чувствую это, но у нас слишком мало фактов, чтобы составить полную картину. Короче, в этом деле нужно искать денежный след и посмотреть, куда он нас приведет.

Больше они в этот день о делах не говорили. Заказав еще бутылку виски, напарники под пристальным вниманием охранников перешли в просторное лобби и сели на комфортный диван в зоне для курения. Разговор завязался вокруг их семей и, разумеется, о разводах. Терентьев рассказал Герману свою историю. О безумно ревнивой жене, о частых ссорах, когда он поздно приходил со службы, о случившемся, наконец, год назад разводе...

Слушая майора, Герман ловил себя на мысли, что рад, что у него еще остались чувства к Лере. Это было странно. Не видеть ее три года, не чураться общества других красивых женщин, и с щемлением в груди, думать о предстоящей встрече с бывшей женой.

Из размышлений его вывела молодая привлекательная женщина в черном коротком платье. Она под села к ним на диван и попросила зажигалку. Майор вдруг поддался ее чарам, да так легко, что Герману даже стало не по себе. Впечатление о встрече испортилось окончательно, когда Михаил поднялся вслед за женщиной и, не глядя Герману в глаза, произнес:

– Ну..., мне пора.

– Майор, протри глаза, это же элитная гостиничная проститутка. Она стоит как паровоз.

– Ну, может она тогда сделает почетному машинисту скидку? – попытался скаламбурить Терентьев и, прихватив начатую бутылку виски, поспешил за плавно вышагивающей по коридору женщиной.

– Сдался без боя, – разочаровано произнес Герман, пренебрежительно махнул рукой и пошел к себе номер.

&&&

Утром Германа разбудили сильные удары в дверь, словно толчки тарана, способного разнести деревянное полотно на мелкие щепки. По инерции он сунул руку под подушку, ища пистолет, которого там, конечно же, не оказалось. Вскочив с кровати, он накинул халат, подошел к двери и взглянул в глазок. За дверью в одних брюках стоял Терентьев, держа в руках рубашку и туфли. Герман распахнул дверь как раз в тот момент, когда майор навалился на нее всем телом. Еле удержавшись за косяк двери, Михаил ударился об стену и чудом не упал. С затуманенным взглядом он прислонился спиной к стене, но даже в таком положении его продолжало штормить из стороны в сторону.

– Где твой пиджак? – спросил Герман, оглядывая взъерошенный вид неожиданного гостя.

– Там, – пьяно ответил Михаил и махнул рукой в сторону коридора.

– Где там?

– В машине.

Герман выглянул в коридор и увидел у лифта двух охранников тихо переговаривающихся по рации. Жестом он показал, что сам разберется, закрыл дверь и помог коллеге добраться до кровати. Тот сначала сопротивлялся, грозился

немедленно отправиться в СИЗО, где содержался Рогов и провести допрос с пристрастием. Герман силой повалил майора на кровать и пошел в ванную. Когда он почистил зубы и принял душ, Терентьев уже крепко спал, все еще прижимая к груди рубашку и туфли.

После недолгих раздумий Герман написал в блокноте записку, сунул ее в карман рубашки коллеги и вышел из номера. Со стороны коридора на дверной ручке висели два черных носка. Видимо Михаил потерял их по дороге, а охранники нашли и бережно завязали носки узлом. Герман не стал нарушать новый дизайн дверной ручки. Усмехнулся от мысли, какой сюрприз ждет майора на выходе из номера и спустился по лестнице на первый этаж.

В ресторане царило утреннее оживление. Официанты, словно жонглеры, проворно разносили наполненные тарелками с едой подносы. Посетители культурно постукивали вилками и ножами, а легкая музыка дополняла атмосферу выходного дня. Герман заказал английский завтрак и стал просматривать свежую газету. Боковым зрением он заметил быстро идущую к его столику молодую девушку в форме посыльного.

– Вам посылка, – вежливо сказала она и протянула небольшой конверт.

Поблагодарив девушку солидными чаевыми, Герман вскрыл пакет и обнаружил ключи и документы на аренду «Honda Crosstour».

– Машина перед отелем, – проинформировала девушка-посыльный, за что получила одну из самых приветливых улыбок щедрого постояльца.

Настроение тут же улучшилось. Герман с аппетитом позавтракал, ознакомился со всеми более или менее важными новостями, а когда вышел из дверей отеля, увидел своего «боевого коня» – в пяти метрах от входа стояла новенькая «Хонда» черного цвета.

В управление Герман приехал довольный автомобилем и отсутствием заторов на улицах. Зашел в кабинет майора и увидел стоящих перед стендом с уликami и о чем-то оживленно беседующих двух молодых помощников.

– Будем знакомиться? – бодро произнес он, протягивая руку, – Герман Патрикеев.

– Кирилл Мануйлов, – представился широкоплечий брюнет с приплюснутым носом.

Второй парень был выше Германа на целую голову, но рукопожатие у него оказалось слабым и коротким.

– Андрей Задорнов, – произнес он и быстро убрал руки в задние карманы джинсов.

– Ну-с, начнем с хороших новостей? – бодро спросил Герман.

– Мы просмотрели записи с камер слежения на здании напротив, и нашли любопытный фрагмент, – Задорнов развернул монитор к Герману. – Смотрите время 12:25, на стоянку управления заезжает мусорный погрузчик и заменяет заполненные контейнеры мусора пустыми. В машине один водитель и один грузчик, а выезжают они со стоянки за две минуты до предполагаемого выстрела.

– И все?

Задорнов развел руками, словно чувствуя свою вину за подобную скудость.

– Значит, так. Кирилл, поедешь в компанию по уборке мусора. Допроси водителя и грузчика, может, они что-нибудь видели, если нащупаешь хоть мало-мальски значимую зацепку, сразу вези свидетелей сюда в управление. – Герман повернулся ко второму помощнику и продолжил: – Андрей, ты поезжай в Наро-фоминский район, в дом, который арендовал Рогов. Сфотографируешь все упаковки готовой еды с датами расфасовки тех, что в холодильнике. Потом поедешь в «Променад» и просмотришь материалы с камер слежения. Найдешь нашего покупателя по времени на упаковке, изымешь запись и привезешь ее в управление. Задачи ясны?

Помощники закивали в унисон.

– Чего стоим?

Парни похватали личные вещи и выскочили в коридор. Когда дверь за ними закрылась, Герман набрал номер Ефима. Тот сбросил вызов и перезвонил через минуту.

– Пока ничего, – коротко отчитался Ефим.

– У меня есть для тебя еще одно задание.

– Слушаю.

– Мне нужна финансовая информация по гражданину Рогову, – и заглянув в протокол допроса, добавил: – Осипу Анатольевичу. 1941 года рождения. Прописан в городе Электроугли.

– Что конкретно искать?

– Конкретно не знаю! – чуть раздраженно бросил Герман. – Все что сможешь. Покупки онлайн, что именно покупал, когда, кредитные карты, адрес доставки, сколько денег на счету, откуда поступали деньги на счет. Может, ему оставляли наследство. Возможно, он кому-то что-то продавал или дарил. Числится ли за ним недвижимость и автотранспорт? Какая у него пенсия? Я хочу этого упыря через лупу рассмотреть.

Было слышно, как Ефим быстро застучал пальцами по клавиатуре.

– Это не тот Рогов, который?..

– Он самый!

Герман стал расхаживать по кабинету, то и дело, подходя к доске и вглядываясь в фото татуировок, оставленных на жертвах маньяка. Через десять минут его мобильный телефон снова ожил традиционным звонком.

– Патрикеев.

– Это я, – послышался в трубке голос Ефима.

– Ну?

– Интересующий вас объект по документам нигде не светится. Ни пенсии, ни сбережений. Прописан по липовому адресу.

– Как это?

– Это хибара сорок три квадратных метра. Кроме него там прописаны еще пятнадцать человек.

– Не мало, – усмехнулся Герман.

– Но я нашел след его адвоката. Сделку по недвижимости проводила именно она.

– Имя?!

– Наталья Владимировна Демидова. Я вышлю вам ее контакты.

Услышав фамилию, Герман замер.

«Сделка с недвижимостью проводила Демидова? Что, черт возьми, это значит?», – Герман зажмурился и потер переносицу.

– Когда была совершена покупка? – поинтересовался он после паузы.

– Три года назад. Кстати сразу после этого Рогов получил загранпаспорт и вылетел в Бельгию, – снова послышалось быстрое постукивание клавиш, – вот, вижу продажу авиабилета туда и обратно.

– Сколько он там пробыл?

– Десять дней... – после недолгой паузы ответил Ефим.

– Поищи его след в Бельгии.

– Что искать?

– Не знаю..., происшествия, скандалы, может, как-то «отметился» в полицейских отчетах. Еще что-нибудь есть на него?

– Ничего, ни кредитных карт, ни поручительств, ни других сделок по недвижимости. За ним даже автотранспорта не числится.

– А что если у него есть вторая личность? – Герман задумался, глядя на стенд с фотографиями. – Сможешь вычислить?

– Как?

– Узнай, какие клиенты есть еще у его адвоката. Ищи совпадения по возрастным критериям, по месту жительства, образованию – в общем, ты понял.

– Хорошо. Перезвоню.

«В этом деле уже третья женщина оказалась не той, за которую себя выдавала, – с горечью подумал Герман. – Сначала Сорокина, потом Низова, теперь Демидова».

Герман чувствовал, как в нем просыпается инстинкт охотника, он вдруг осознал, что уже не просто оказывает услугу шефу, а действительно хочет докопаться до сути этого запутанного дела. Он не сомневался, что никакого самоубийства Архангельский не совершал, что это было тщательно продуманное убийство, к которому Рогов имеет самое непосредственное отношение.

Зачем Рогов летал в Бельгию? Что заставило его высунуться из норы, и помчаться в другую страну за тысячи километров? В ответе на этот вопрос потенциально могла находиться разгадка всего дела, а Герман не имел привычки разбрасываться даже минимальными возможностями выполнить задание, каким бы сложным оно ни было...

Он с шумом выдохнул, сел за стол и набрал номер Валерия Сергеевича. Дождавшись начальственного «Слушаю!», Герман спросил:

– Валерий Сергеевич, мы можем увидеться?

– Когда?

– Да прямо сейчас. Я вас долго не задержу.

– Подъезжайте в ресторан «Горки» на Тверской. Я собирался уходить, но если доберетесь за полчаса, я вас подожду.

– Я успею.

Наличие машины облегчало задачу, и уже через пять минут Герман выжимал из новенькой «Хонды» запрещенные в городе скорости, направляясь в сторону Тверской улицы. В дороге ему позвонил Ефим.

– Что у тебя? – спросил Герман, зажимая телефон между ухом и плечом, одновременно бросая короткий взгляд в боковое зеркало заднего вида.

– Клиент у Демидовой один – Рогов.

– Странно. А давно она его адвокат?

– Точно не скажу..., – Ефим чуть помедлил, – была только одна сделка по недвижимости, я уже говорил. Других клиентов у Демидовой нет. А что касается Рогова, я кое-что раскопал. Прилетел он в Брюссель, в аэропорту взял машину напрокат и через десять дней вернул ее обратно. Я сопоставил дату поездки с происшествиями в Бельгии и ничего не нашел.

– Так ты же только что сказал...

– Но, – оборвал его Ефим, – при возврате автомобиля Рогов оплачивал штраф за парковку в неполюженном месте. Штраф выписан в Люксембурге, в местечке под названием Гревенмахер, где в тот день было совершено жестокое убийство бывшей гражданки России.

– В спокойном и благополучном Люксембурге?! – Герман удивился. – Убийство, конечно, не раскрыто?

– Конечно, нет, – в тон ему ответил Ефим.

– Кто жертва?

– Скороходова Танзия Рашидовна, девичья фамилия Мансурова, 1966 года рождения, уроженка города Уфы. Закончила художественную школу и вышла замуж за Скороходова Михаила Владимировича, 1949 года рождения. В 1995 году у них родился сын Олег. Через семь лет они развелись, а еще через год, она вышла замуж за предпринимателя и переехала в Люксембург.

– Ефим, мне нужно, чтобы ты по-тихому вскрыл базу полиции этого местечка и нашел протоколы вскрытия и фото жертвы. Меня интересует, была ли у нее татуировка в виде паука на шее за ухом.

– Понял, – озадачено ответил Ефим.

Герману понравилась сговорчивость технаря, ему ничего не надо было разжевывать.

– И еще..., накопай мне все, что сможешь про эту парочку Мансурова – Скороходов. Подавали ли они заявление в полицию? Получали ли они неожиданно наследство? Какую должность занимал Скороходов перед рождением ребенка? Короче, все что найдешь, понял?

– Да.

Герман припарковал машину и вошел в ресторан. Увидев его в холле, Валерий Сергеевич подозвал официанта и попросил провести вошедшего посетителя за свой столик.

– Так о чем вы хотели со мной поговорить? – спросил Валерий Сергеевич, после рукопожатия.

Герман рассказал о последних новостях и в конце добавил:

– Я хотел вас попросить поехать со мной к вашей матери.

– Она еще не пришла в сознание, – жестко ответил Валерий Сергеевич.

– А мне это и не нужно. Мне достаточно посмотреть на нее. Возможно, после нашего визита отпадет вся необходимость в дальнейшем разговоре с ней об этом неприятном деле.

– Вы что просто посмотрите на нее и скажите, была ли она жертвой Паука или нет?

– Совершенно верно.

– Вы меня заинтриговали, – сказал чиновник и попросил у официанта счет.

Герман дождался, когда машина Валерия Сергеевича выедет на Тверскую улицу и пристроился сзади. Когда они друг за другом выехали на третье транспортное кольцо, у Германа зазвонил телефон.

– Патрикеев!

– Я не понял, – произнес еще пьяным голосом Терентьев, – я проснулся в твоём номере, в твоей кровати, тебя нет. Как я сюда попал?

– Ножками! Носочки свои нашел? – Герман еле сдерживал смех.

– Машина моя на стоянке, ты как добрался до управления?

– У меня теперь своя лошадка.

– Своя? – переспросил недоверчиво майор и икнул.

– Горшочек найдешь сам или мне горничную вызвать?

– Тьфу на тебя. Нет, серьезно... – майор снова икнул, – как я у тебя в номере оказался?

– Память отшибло?

– Вроде того..., тут помню, а тут...

– Ну, пусть это останется для тебя загадкой, – уклончиво ответил Герман и представил майора проснувшегося в номере отеля с туфлями в обнимку.

– Ладно, проехали. Ты сам-то где? – после паузы спросил Терентьев.

– Еду за машиной Валерия Сергеевича. Уговорил его поехать к матери в больницу. Хочу посмотреть есть ли у нее тату на шее.

– А где ребята? Я звонил в кабинет, никто трубку не берет.

– В отличие от некоторых, они работают, – усмехнулся Герман.

– Черт, – крикнул Терентьев. – Где работают?

Герман рассказал о поручениях и майор пробурчал:

– Понятно. Похоже все при делах. Меня никто не искал?

– Да кому ты нужен?!

– Остряк, – недовольно пробурчал Михаил, – ладно, приведу себя в порядок и поеду в управление.

– Не торопись, работа не волк, в лес не убежит. Можешь еще раз позвать девицу в черном платье, – не упустил возможности «куснуть» напарника Герман, и откинул мобильник на пассажирское сиденье.

Машина Валерия Сергеевича остановилась около больницы, и Патрикеев припарковался рядом. Снова зазвонил телефон. Герман ответил на звонок и услышал взволнованный голос Ефима.

– У Мансуровой на шее есть тату в виде паука.

&&&

Вернувшись в управление, Герман заглянул в кабинет Терентьева, но, ни его, ни ребят, ни даже доски с собранными материалами там не оказалось. Набрал номер мобильного телефона напарника, Герман раздраженно выслушал шесть длинных гудков и, уже готов был отбить звонок, когда в трубке раздался все еще хрипловатый и недовольный голос майора:

– Терентьев.

– Где ты?

– Четвертый этаж, конференц-зал, – по-военному лаконично ответил майор.

Конференц-зал оказался большой просторной комнатой с закрытыми жалюзи на окнах. Майор с опухшим лицом и красными глазами сидел за большим овальным столом, на котором были разложены папки и фотографии с мест преступлений. У стены обнаружилась и «пропавшая» доска. Теперь на ней были прикреплены карта Подмосковья с обозначенными местами убийств и прочими зацепками, связанные между собой, стрелками, вопросительными и восклицательными знаками.

– Расширяемся, значит, – полуутвердительно произнес Герман.

– Шеф выделил это дело в приоритетное, – сказал Михаил, отрываясь от бумаг, – в общем, нам все карты в руки. Эксперты, базы – все вне очереди.

– А чего не весел?

– Голова болит, – Терентьев потер виски и уши, – вчера лишку дал...

– Сам виноват.

– Со мной такое бывает, после того как..., – Терентьев замолчал, видимо, договаривая уже про себя.

Герман пытливо изучал его лицо.

– После чего?

– Из-за бывшей короче, – ответил майор и шумно вздохнул. – Ну как съездил в больницу?

– Можно было и не ехать, и так все было понятно. Но Валерию Сергеевичу это нужно было увидеть своими глазами, иначе не поверил бы.

– Как он себя повел, когда увидел татуировку?

– Еще раз попросил не распространяться. Когда я уходил, он оставался в палате и выглядел подавленным.

– Мы не можем больше держать это в секрете.

– Я ему тоже самое сказал. Так же есть вероятность того, что Рогов сам заговорит, и тогда это будет выглядеть очень плохо. Он попросил нас придержать эту информацию до конца недели.

– Что он задумал?

– Не знаю, может, будет подчищать свои дела.

– Хочешь сказать, подаст в отставку!? – брови майора взметнулись вверх.

– А что ему еще остается? После раскрытия такого факта его репутации конец.

– Да, неприятная ситуация. Я знаю Архангельских уже десять лет, и людей честнее их не встречал. Несправедливо все это...

В комнату без стука вошел Мануйлов и возбужденно произнес:

– Оба свидетеля на первом этаже. Я развел их по комнатам.

Терентьев резко встал с кресла, тут же покачнулся и схватился за голову.

– Ты это... резких движений не надо... – Герман с сочувствием похлопал напарника по плечу.

&&&

Коренастый водитель мусороуборочной машины сидел за столом и пил воду из пластиковой бутылки. На вид ему было лет пятьдесят. Сильно вьющиеся волосы почти прикрывали карие глаза. В глазах читалась растерянность, он переводил взгляд с Германа на Терентьева, пытаясь понять, зачем его сюда привезли. Михаил бегло просмотрел показания водителя.

– Чернов Вадим Леонидович, – прочитал из протокола майор.

– Совершенно верно, – ответил водитель и прочистил горло.

– Двадцать второго апреля этого года вы заезжали на стоянку следственного управления?

– Да, я уже говорил это... вашим.

– Это было в 12:25?

– По времени точно не скажу, – водитель задумался, – на Малом Кисельном были около полудня. Пока развернули машину и подъехали задним ходом к контейнерам, прошло не меньше двадцати минут.

– А чего так долго разворачивались? – спросил Герман.

– Так ждали, пока проедет дамочка на красном «Судзуки», уж больно неповоротлива была.

– И что это дамочка делала? Можно поконкретнее? – спросил заинтригованный майор.

– Да она нервная какая-то была. То отъедет, то заедет, мы долго не могли понять, что она делает. Я ей сигналить стал, а она выходит из машины, дает мне пятьсот рублей и просит «войти в ее положение».

– Хм, – Терентьев многозначительно посмотрел на Германа.

– В машине с ней был кто-нибудь?

– Нет, одна была, – водитель помотал головой.

– Может кто-то подходил к ней?

– Нет, она все время была одна. Но..., – водитель нахмурился и почесал подбородок, – постоянно с кем-то трещала по мобильному. Даже когда к нам подходила, разговор не прерывала. И туда и сюда успевала.

– О чем говорила, не слышали?

– Нет, не прислушивался, – пожал плечами водитель.

У Германа завибрировал телефон и, извинившись, он вышел из комнаты.

– Это Ефим. У меня богатый урожай. Записывайте.

– Подожди, я пока не готов, – Герман стремительно поднялся по лестнице на второй этаж и зашел в кабинет майора. Устроившись за столом, он взял листок бумаги из принтера и ручку. – Говори.

– Скороходов Михаил Владимирович, 1949 года рождения. В 1994-ом году получает звание генерал-майора и назначение начальником Брянской таможенной службы.

– Угу, – пробубнил Герман, давая понять, что успевает записывать.

– Пятнадцатого февраля 1999 года подает заявление в милицию города Брянска о пропаже жены, – продолжил Ефим. – Ее искали почти четыре месяца и

никаких следов, но пятого мая она сама пришла в милицию и сказала, что произошло недоразумение, после чего дело закрыли.

– Так, интересно...

– Через год, двадцатого июля, Мансурова попадает в больницу с нервным срывом и ее муж пишет заявление о том, что жену кто-то преследует. Дальше все странно. Делу опять не дают ход, но заявление зарегистрировано. В 2001 году Мансурова получает в наследство трехкомнатную квартиру в городе Серпухове, и они всей семьей переезжают в Московскую область. Через год, Скороходов назначается директором департамента внешних экономических связей и успешно работает два года до развода с женой.

– Т.е. они все-таки развелись, – уточнил Герман.

– Да. Есть свидетельство о разводе. Потом Скороходова увольняют по «собственному желанию». Судя по тому, что он не раз попадал в вытрезвитель, скорее всего, из-за пьянки. Почти полгода он получал пособие по безработице. Дальше след его теряется. Есть его последний адрес.

Герман записал адрес и спросил:

– Мансурова не получала никаких вознаграждений?

– Получала и список длинный. В 2002 году она открыла счет в сбербанке и на него периодически от разных людей поступали денежные суммы.

– Крупные?

– Да, по тем временам довольно крупные.

– Скинь мне список фамилий плательщиков, попросил Герман и тут же спросил: – У Мансуровой остались родственники?

– Никого. Родители умерли, братьев и сестер у нее не было.

– А у Скороходова?

– Есть брат, Борис. Живет в Москве. Диктую адрес брата.

После разговора с Ефимом Герман спустился на первый этаж, заглянул в комнату для допроса и застал уже конец беседы майора с грузчиком. Грузчик, перепуганный высокий парень со включенными и местами липкими волосами ерзал на стуле, то и дело, поправляя лямки форменного комбинезона. От него разил едкий запах пота, и Герман сморщился от неприязни.

– Говорю вам, я его плохо разглядел, он быстро испарился.

– Правильно я тебя понял? Когда вы грузили контейнер, со стороны стоянки быстро прошел парень в толстовке с надвинутым на голову капюшоном и чуть не сбил тебя с ног? – специально для Германа повторил майор.

– Точно. Все так, – закивал грузчик.

– Опиши его, рост, цвет волос, комплекцию...

– Выше меня, худой. Лица его не разглядел, я только мельком его видел.

Мы ж контейнер грузили.

– А когда грузили контейнер, стоял сильный шум? – неожиданно спросил Герман.

– Тишины не было, это точно, – ответил грузчик и заулыбался, обнажая гнилые передние зубы. – Вот... а когда мы уже сели в кабину, смотрю, он уже обратно идет...

– Куда?

– К машинам... на стоянку...

Майор еще не раз пытался зайти с разных сторон, чтобы добиться хоть какой-то подробности во внешности и поведении таинственного прохожего, но грузчик так больше ничего и не вспомнил.

Когда Герман понял, что дело безнадежно жестом показал Терентьеву в сторону коридора.

– По глазам вижу, накопал что-то. Так? – майор облизал пересохшие губы.

– Вроде есть ниточка.

Они поднялись в кабинет, и Герман рассказал про поездку Рогова в Бельгию, про убийство Мансуровой и ее бывшем муже.

– А машина, про которую говорил водитель, скорее всего машина Сорокиной. У нее был «Suzuki Grand Vitara» красного цвета, – быстро проговорил Терентьев, переводя разговор на тему только что запротоколированных показаний.

– Я так и понял по твоему взгляду во время допроса. Да! Чуть не забыл. Адвокат Рогова – Демидова – засветилась в бумагах на покупку недвижимости для Рогова еще три года назад.

Терентьев побледнел и нервно сглотнул. Его покрасневшие глаза забегали из стороны в сторону, словно не знали за какой ракурс зацепиться, чтобы не

выдать волнение. Он пересек кабинет, налил из графина воды и залпом осушил стакан.

– Работает она с ним уже не первый год, и по моим данным, он ее единственный клиент. Согласись, это необычно для практикующего адвоката, учитывая, что Рогов не богач. Зуб даю, они повязаны покрепче супружеской клятвы, но пока у нас нет улик, все это лишь предположение...

Терентьев слушал, на глазах меняясь в лице.

– Ты чего? – спросил Герман и внимательно посмотрел на майора.

– Да так..., ну, понимаешь..., я это, того..., – замялся майор.

– Чего того?

– У меня с ней кое-то было, – глухо произнес Терентьев.

– С адвокатшей маньяка?! – не веря своим ушам, переспросил Герман, – Когда?!

Майор виновато опустил глаза, облизал пересохшие губы и снова потянулся за графином с водой. Сделав несколько шумных и жадных глотков, он вытер губы рукавом рубашки и нехотя признался:

– В день похорон полковника. Она подошла ко мне на кладбище, мы разговорились, она предложила пойти вместе выпить. Ну, и..., – Терентьев скучился и махнул рукой, – я знаю, что это идиотизм, заводить шашни с адвокатом подозреваемого! Затмение на меня нашло какое-то...

– Хватит ныть! – резко скомандовал Герман. – Рассказывай, как дело было.

– Она стала жаловаться, что это ее первое дело, что на нее косо смотрят ее знакомые и сотрудники управления.

– И ты ее пожалел, – холодно констатировал Патрикеев.

– Поначалу я хотел выведать у нее, что сказал ее клиент полковнику, поэтому и согласился пропустить с ней по рюмочке.

– Выведал?

Майор пожал плечами, отводя взгляд в сторону.

– И чем дело закончилось?

– Да ни чем. Отвез ее домой и поехал в управление, – сказал майор и встал у окна спиной к Герману.

– Миша, ты мне мозги не канифоль, видел я, как после нескольких рюмочек у тебя крышу сносит. Не верится мне, что ты поехал в управление.

Герман заметил, как на шее напарника предательски пульсирует вена.

– Как я теперь выкручусь? – спросил майор изменившимся голосом.

– Да никак. Помалкивай пока. С Демидовой на связь не выходи.

– А если она сама позвонит?

– Разговаривай, как ни в чем не бывало. Пусть думает, что между вами все как прежде. Рогова не допрашивай, пусть пока в одиночке поварится. К нему кто-нибудь приходит?

– Адвокат и его доктор.

– Доктор? – удивился Герман. – А разве там нет своего врача?

– Есть, но у Рогова ряд хронических заболеваний и Демидова выхлопотала ему регулярные посещения врача, который лечил его много лет.

– Ты его проверил?

– А как же. Следим за ним и днем и ночью.

– Дай задание своим ребятам пусть следят и за Демидовой. Через кого-то из них Рогов обязательно передаст весточку своему подельнику.

Герман сел за стол и обвел свежим взглядом список денежных поступлений на счет Мансуровой. Настроение майора ухудшалось на глазах, и Герман решил его приободрить.

– Миша, не кисни, мне сейчас мозги твои нужны, а не слюни, – это была любимая фраза шефа, и Герман невольно поймал себя на мысли, что уже не раз повторяет за ним его крылатые выражения.

– Что предлагаешь? – спросил майор и сел за соседний стол.

– Во-первых, нужно поднять все заявления и протоколы допросов Скороходова и Мансуровой, она как-то должна была объяснить свое отсутствие. Когда узнаем как, откроется еще один пазл головоломки. Во-вторых, нужно допросить самого Скороходова и его брата. Возможно, он посвятил родственника в какие-то детали.

– Хорошо, – немного оживляясь, сказал майор.

&&&

Солнце щедро пронзало конференц-зал полуденными лучами. Через приоткрытое окно доносились шум автомобилей и гул из голосов прохожих, спешащих мимо здания управления к метро. Герман, Терентьев и Мануйлов сидели за овальным столом, обложившись материалами дела. После двух сэндвичей, купленных за углом в кафе, Терентьев приободрился и окончательно избавился от похмелья. Лишь слипшиеся пряди волос на лбу и помятый костюм, напоминали присутствующим о бурной ночи майора.

Герман убрал с досок весь собранный материал и начал с чистого листа.

– Давайте на время забудем о полковнике, начнем с самого Рогова. Пройдемся еще раз по его схеме. Возможно, мы что-то упускаем. Итак, Рогов находит жертву. Его типаж – молодая женщина, от двадцати пяти до тридцати пяти лет. Ее муж либо официальное лицо, чиновник, либо человек высокого круга, как он сам выразился, наделенный неординарными способностями. Он следит за жертвой.

Герман прикрепил восемь фотографий убитых жертв Рогова, затем написал на листке «Мансурова» и прикрепил к доске.

– Рогов похищает жертву и помещает ее в изолированное помещение. Из этого помещения передается видеосигнал на антенну, затем на ближайший спутник, откуда изображение подается на приемники..., – Герман запнулся, подыскивая точное слово, – ... скажем так, «абонентов»...

– Техники сообщили, что нашли всего четыре камеры, одна располагалась в ванной комнате, две в спальне и еще одна в гостиной, – вставил Терентьев.

– Задача номер один: найти, кто и зачем принимал видеосигнал, – Герман нарисовал схему передачи видеосигнала, поставил вопрос на точке приема и повесил на доску. – Отслеживанием сигнала занимается мой человек. Задача номер два: выяснить, как Рогов следил за жертвой до похищения. Он знал практически всю информацию о своих жертвах, вплоть до имени, которое женщина хочет дать будущему ребенку, какой интерьер хочет сделать в своей квартире, любимый мужской одеколон и так далее.

– Думаешь, он проникал в квартиру?

– Не исключено. Мы должны поговорить с Игорем Низовым и выяснить, как он мог подобраться к этой семейной паре, – Герман поскреб подбородок и

продолжил: – Затем похититель удерживает жертву длительный период и совершает с ней предположительно насильственные действия сексуального характера.

– Почему предположительно? – Мануйлов непонимающе уставился на Германа. – Ведь экспертиза доказала, что последняя жертва была изнасилована за два часа до поступления в больницу.

– Есть сомнения, – Герман сложил руки на груди. – Рогов обустроивает временное жилище для жертвы соответственно ее вкусам и запросам. Он обхаживает ее, ублажает, окружает любимыми вещами. Такой подход не сочетается с насильственными действиями, и не нужно быть психологом, чтобы это понять. А эксперты легко могут обмануться, ведь трудно отличить жесткий секс от изнасилования, тем более, если задастся целью и специально имитировать травмы.

Терентьев поймал все еще сомневающийся взгляд Мануйлова, и произнес:

– К Рогову неприменимы шаблонные методы оценки. Одно то, что он три года подряд водил нас за нос, перебирая всевозможные способы убийства, говорит о том, что он мыслит нестандартно и имеет какую-то четко поставленную цель.

– Он обольщает своих жертв и заставляет их подчиниться, возможно, не сразу, но позже похищенные женщины располагаются к нему. И он всячески стимулирует этот, так называемый «Стокгольмский синдром», когда заложник принимает сторону похитителя. Дарит подарки, окружает их привычными вещами, фотографиями и одеждой. Когда она поддается ему, он скрепляет их отношения татуировкой, – Герман показал на доске фото шеи Кристины, – так проходит месяц, и когда наступает у женщины менструация, он приносит календарь и помечает дату, до которой ей необходимо забеременеть. Я предполагаю, что сам Рогов поначалу настроен только на положительный результат и старается женщине дать больше шансов для беременности. Я видел несколько гормональных препаратов в переписи найденных улик.

Герман вытащил из папки лист с названиями препаратов, протянул его Терентьеву, который, ознакомившись, передал листок Мануйлову.

– Итак, наступает трехмесячный срок, и мы видим две схемы его дальнейших действий. Первая – жертва беременеет, и он отправляет ее домой. Она возвращается в семью и улаживает вопрос с мужем и полицией, если к тому времени муж подал заявление о розыске. Вторая – женщина не беременеет, тогда он приносит паука птицееда и сажает жертве на живот. Он верит, что паук предсказывает дальнейших ход событий. Возможно, он раньше наблюдал несколько совпадений и теперь свято верит в это. Если паук, а в данном случае паучиха по имени Индра, остается на животе, Рогов дает жертве еще один месяц. Если она сползает на какую-то часть тела, Рогов начинает расправу именно с этой части тела, – Герман ткнул пальцем в фото со следами издевательств.

Собрав фотографии, он убрал их в сторону.

– Идем дальше. Рогов продолжает наблюдать за ходом беременности и за рожденными детьми жертв из первой группы. Он не только наблюдает, но и помогает им на разных этапах их жизни, обеспечивает деньгами и жильем. Для чего он все это делал? Это важнейший момент.

– Нужно найти его «берлогу», – произнес Терентьев, – думаю, там мы найдем ответы на многие вопросы.

– Согласен. Есть подозрение, что видеосигнал направлялся именно туда. Он собирал огромное количество информации о своих жертвах, и где-то хранил ее, причем не один год..., – Герман обвел глазами присутствующих, и добавил: – ...И даже не одно десятилетие.

– Версия про трансляцию в интернет мне нравилась больше, – выдал майор, покачиваясь на офисном стуле.

– Если бы он выложил ее в сеть, то мы бы об этом уже давно узнали, – подметил Герман.

– А если это закрытая сеть с индивидуальным секретным паролем? – не унимался майор.

– Хорошо. Для успокоения твоей души я подключу своего человека проверить, не выкладывал ли он записи в сеть.

Заметив, как внимательно Герман рассматривает тату, Терентьев спросил:

– Ты чего застыл?

– Он ведь не зря выбрал символ паука. Что делает паук? Плетет сеть! – произнес Герман, выдержав короткую паузу. – И ждет, когда в эту сеть попадет жертва, после чего вытягивает из нее все соки. Так и Рогов! Его цель не женщины... они для него инкубаторы... – глаза Германа сверкнули в догадке, затем распахнулись, он почти прокричал: – Его цель их мужья!

Майор и Мануйлов удивленно переглянулись.

– Да! Вот почему он выбирал именно этих женщин. Ему нужен был доступ к их мужьям, вернее к их власти, к их связям и деньгам. Добровольно они никогда не стали бы ему помогать, и он добрался до них через жен. И я предполагаю, что он три месяца не только их обхаживал. Он собирал на мужей компромат. Заставлял жен рассказывать всю подноготную, все, что он мог в дальнейшем использовать. А потом шантажировал их, – глаза Германа пылали огнем. Осознание того, что он докопался до сути, приободряло и давало ощущение невероятного драйва. – Поэтому он отпускал их обратно в семью, и ничего не боялся. На коротком поводке у него были и жена и муж.

В комнате воцарилась тишина. Первым пришел в себя майор. Взглянув на Мануйлова, он сказал:

– Дуй к Низову, встряси с него всю душу, но нарой мне информацию обо всех людях, которые были вхожи в их дом. Возьми техников, пусть проверят всю квартиру на предмет жучков и скрытых камер. Живо!

Когда за Мануйловым закрылась дверь, Терентьев до красна растер уши и простонал, затем повернулся к Герману.

– Ты понимаешь, какой улей мы можем разворотить?

Герман кивнул головой.

– Примерно.

– Если мы сейчас начнем ковыряться в... компромате, – было заметно, как тяжело далось это слово майору, – черт, боюсь, мало кому понравится, что нам известны подобные секреты.

– Это твоя забота. От меня шеф ждет только одного – найти убийцу полковника.

– Нда... полковника...

Терентьев пересек конференц-зал и открыл окно, выходящее на служебную стоянку. Показывая в сторону мусорных контейнеров, он произнес:

– Мусорщики сказали, что тот парень шел как раз оттуда, где была припаркована машина полковника.

– Ты выяснил, куда он пошел дальше?

– Они в один голос утверждают, что в сторону Большого Кисельного переулка. Возможно, там была припаркована его машина.

– Одежду они описали?

– А как же! Я попросил ребят снова пересмотреть имеющиеся видеоматериалы и поискать этого парня. Так же завтра с утра они изымут записи с камер наблюдения с Большого Кисельного, может нам повезет, и мы увидим, как он ушел с места преступления.

Герман надел куртку, положил мобильный телефон в карман и сказал:

– Я свою работу на сегодня выполнил. А ты тут командуй парадом. Не забудь про допрос братьев Скороходовых!

Когда дверь хлопнула, майор закрыл окно, хмыкнул и вполголоса проворчал:

– Так точно..., умник...

&&&

Герман вышел на стоянку и вдохнул полной грудью. Колючий воздух приятно обжег легкие и обдал прохладой лицо. Подняв воротник куртки, Герман поспешил на Большой Кисельный переулок, где была припаркована его машина. Весна быстро набирала обороты: на деревьях набухали почки, готовые в любой момент взорваться свежей зеленью, птицы вернулись с зимовки и с шумом отвоевывали территорию для гнездования. На ходу Герман выхватывал изменения в природе, от чего его сознание наполнялось приятной негой и очередной раз напоминало, что он снова на Родине. Вот только надолго ли?

Сев в «Хонду», Герман набрал номер Ефима, сбросил вызов после первого гудка, и стал ждать ответного звонка. Ефим перезвонил через полминуты.

– Фима, мне нужно разобрать по косточкам список поступлений на счет Мансуровой.

– Уже занимаюсь.

От приятного удивления у Германа по лицу расплзлась елеинная улыбка.

– Что с видеосигналом?

– Результат будет не раньше чем через сутки.

– Хорошо, и вот еще что, помоги найти пропавшую сотрудницу следственного управления Надежду Сорокину. Мне нужна любая информация о ней.

– Не вопрос.

– Здорово. Ну, до связи, – сказал Герман и положил телефон в карман куртки.

Нажав на кнопку стеклоподъемника, он опустил окно и подставил лицо нежным и ласкающим лучам солнца. Через минуту они начали приятно пощипывать щеки и подбородок. Он улыбнулся и завел мотор. Настроение окончательно улучшилось, он решил заехать в отель переодеться и ближе к вечеру отправиться куда-нибудь развлекаться.

До отеля он добрался быстро, лишний раз, помянув добрым словом подогнавшего ему «Хонду» шефа. Припарковал машину перед центральным входом отеля и вошел в холл. Увидев его, молодая девушка-администратор заулыбалась, и протянула конверт.

– Вам снова посылка, – сказала она и интригующе добавила: – И в баре вас ожидает женщина.

У Германа непроизвольно кольнуло в груди.

«Лера», – первое, что пришло ему в голову, когда он направился в бар, откуда доносились приглушенные звуки джаза.

Он узнал ее по стройному силуэту и длинным каштановым волнистым волосам. Лера сидела к нему спиной, потягивая коктейль. Узкая бежевая юбка подчеркивала ее фигуру, а элегантная зеленая шелковая блуза облегла небольшую грудь. Тонкие длинные пальцы изящно держали фужер, а ее загорелое тело так и манило к себе. От одного взгляда все внутри перевернулось, всколыхнулись воспоминания и сердце, так долго ждавшее этой встречи, бешено заколотилось.

Она встряхнула волосами и боковым зрением заметила его, но оборачиваться не стала, а замерла в ожидании. Герман на расстоянии почувствовал ее волнение. Значит еще не все потеряно... Характерный взмах руки и он заметил блеснувшее на пальце обручальное кольцо. Почувствовав укол ревности, Герман усилием воли сохранил на лице приветливое выражение и шагнул к бару. Он подошел к ней вплотную, прижался к напряженной спине, глубоко вдохнул запах ее волос и тихо произнес:

– Лерка, родная.

Она закрыла глаза и ощутила жар его тела. На мгновение она даже забыла о прошлом и руки сами потянулись к нему, но на полпути остановились и замерли в неудобной позе. Повернувшись к Герману, она произнесла мелодичным голосом, в котором кокетства было все же больше, чем предосторожности:

– Хочу предупредить тебя – я здесь не одна.

– В каком смысле? – тут же напрягся он.

– Со мной охрана.

Герман усмехнулся:

– Твой муж тебе не доверяет?

– Дело не в этом.

– А в чем? – спросил Герман, присаживаясь рядом с бывшей женой.

– У мужа много врагов, – пояснила она и снова повернулась спиной к залу.

– Это теперь так объясняют женам, что их посадили на короткий поводок?

– Герман не удержался от насмешливого замечания и, обращаясь к бармену, произнес. – Виски, пожалуйста.

– Где ты был? – жестко спросила она.

– В следственном управлении.

– Я не это имела в виду!

– Сначала в госпитале, потом... за рубежом.

– Про госпиталь я знаю. Никогда не забуду нашу встречу после затяжной комы. Но вот куда ты делся потом? Твой босс таинственно отмалчивался. Я уже грешным делом подумала, что ты сидишь в тюрьме, как и твой дружок.

– Говорю же, я лечился, за рубежом...

Намек Лера не поняла. Ее лицо исказила мучительная гримаса, с особой настойчивостью она произнесла:

– Не ври мне. Хоть сейчас не ври. Если бы ты был на лечении, то непременно связался бы с нами или хотя бы с дочерью, – Лера сделала маленький глоток коктейля.

Герман не сводил взгляда с ее увлажнившихся губ.

– Я безумно соскучился.

Она фыркнула и отвернулась, Герману пришлось говорить уже открытым текстом.

– Лер, ты же знаешь, если мы на задании, то никакой связи не будет.

– Я так и знала, – гневно выпалила она и резким движением откинула волосы с плеч. – А что твой шеф не мог мне сказать? Ну да, я же теперь бывшая... – она махнула рукой, давая понять, что и о генерале она не лучшего мнения. – И где на этот раз?

– В Латинской Америке. Не спрашивай больше ни о чем, хорошо? Ты должна понимать...

– Хорошо, – перебила его Лера жестким тоном, – я уже давно все поняла.

– Лерка, ну ты чего? Лерунчик, перестань, – с мольбой произнес он и взял ее за руку, – пойдём ко мне в номер, спокойно обо всем поговорим без свидетелей.

– Знаю я твои разговоры, – грубо обронила она, как отрезала.

– Ну, послушай, будь у меня возможность позвонить, я бы обязательно позвонил. За мной следили и днем и ночью. Зашифрованные тексты в объявлениях с тремя строчками, это все на что я мог надеяться. Пойдем ко мне?

Тыльной стороной ладони он нежно провел по ее щеке и с наслаждением подметил реакцию: она закусила губу и сжала колени, лицо запылало.

– Я не могу, со мной охрана.

– А ты избавься от них. Хочешь, я что-нибудь придумаю?

– Что придумаешь? – спросила Лера, и Герману на миг показалось, что в ее глазах промелькнула... надежда.

– Ты только скажи, что хочешь..., – Герман выжидательно смотрел на бывшую супругу, мысленно отмечая, что она стала еще красивее.

Лера опустила глаза, и ее указательный палец заскользил по гладкому краю фужера с безалкогольным коктейлем.

– Через два часа я должна быть на ужине.

Ее голос потеплел, и Герман решил не упускать момента.

– Будешь, – уверенно произнес он.

Она пытливо посмотрела ему в глаза и нервно забарабанила пальцами о барную стойку. Уловив ее сомнения, он сказал:

– Лер, я три года просидел отшельником в глубокой дыре. Одичал как зверь. А кроме тебя мне никого не надо, и ты это знаешь.

Ее ресницы быстро заморгали, словно пытались побороть наступающие слезы, наконец, она еле заметно кивнула головой. Он выпрямился, огляделся по сторонам и спросил:

– Это те двое на диване, в холле?

– Да, – обреченно ответила она, словно понимала, что только что совершила ошибку.

– Слушай и учись, – с улыбкой сказал Герман и с заговорщическим видом зашептал ей на ухо план дальнейших действий.

Выслушав его, она неохотно кивнула головой, вместе они вышли в холл отеля. Герман подошел к стойке администратора, резко и с нарочитым недовольством воскликнул:

– Я настаиваю на немедленной встрече с дочерью!

– А я говорю тебе уже полчаса, что в ближайший месяц ее в стране не будет, – сказала Лера и тоже подошла ближе к администратору.

Они еще пререкались пару минут, доводя реплики до максимально высоких нот. Затем Герман изобразил на лице злобу и, махнув рукой, вышел из отеля. Сел в машину и громко газанув, выехал со стоянки. Телохранители Леры зорко следили за его передвижениями, за ними в свою очередь наблюдали работники службы безопасности отеля. Когда «Хонда» скрылась из виду, Лера демонстративно посмотрела на часы и спросила у администратора:

– К своему мастеру я уже не успеваю, у вас есть в отеле салон красоты?

– Конечно, у нас вы можете получить весь спектр косметических и парикмахерских услуг. Так же к вашим услугам СПА процедуры. Сейчас вас проводят, – сказала администратор, и сделала знак своему помощнику.

Лера подошла к сопровождающим ее телохранителям.

– Ждите меня здесь. Можете пока поесть, я буду в СПА салоне.

Лера двинулась следом за портье и вошла в лифт.

Тем временем Герман объехал вокруг квартала и заехал на подземную стоянку отеля с другой улицы. Поднявшись на лифте на свой этаж, он почти бегом преодолел коридор и заскочил в свой номер. На ходу снял куртку и, открыв бар, достал из него маленькую бутылочку виски и от волнения осушил ее залпом. По телу расплылось тепло, руки перестали предательски дрожать. В этот момент его нос учуял знакомый до боли сладковатый запах смеси цитрусов и ванили. Это были духи Марии! Он замер и стал приноживаться, словно охотничий пес. Запах был еле уловим и вскоре стал совсем не различим. Поразмыслив, Герман решил, что ошибся. Возможно, что встреча с женой из-за чувства вины всколыхнула в памяти образ Марии.

В номер тихо постучали, Герман продолжал стоять посреди номера как замороженный. А вдруг это действительно Мария? Нет, это паранойя! Откуда ей здесь взяться? Стук повторился, он очнулся от своих мыслей, стремительно пересек комнату и открыл дверь. В коридоре стояла Лера, она была напугана, нервно теребила ручки миниатюрной сумочки и то и дело прикусывала нижнюю губу. С сомнением на лице она вошла в номер, посмотрела на кровать и непроизвольно сделала шаг назад. Герман «прочитал» ее колебание и перешел в наступление, не давая ей опомниться.

– Иди ко мне, – прошептал он и, взяв ее за руку, потянул на себя.

– Гера, мы совершаем ошибку, – простонала она, не в силах оторваться от него.

– Вся наша жизнь состоит из ошибок, – он осыпал поцелуями ее лицо, шею. – Например, какого черта мы развелись? Разве это не ошибка? Я люблю тебя, а ты меня... так почему мы сейчас встречаемся тайком? Будто преступники...

Она прильнула к нему всем телом и обвила руки вокруг его бедер.

– Я кое-что должна тебе сказать, – тихо и неуверенно произнесла она.

– Что? – он задрал юбку, рука заскользила вверх по ноге, из груди вырвался томный стон.

Лера набрала в легкие воздух, собираясь сказать самый важный факт на этот момент, но его ласки стали настойчивее и самообладание ее покинуло. Вместо той новости, которая, скорее всего, оглушила и остудила бы пыл бывшего мужа, она вдруг спросила:

– Ты скучал по мне?

– Волком выл! Лерочка, прости меня. Если бы ты знала, как часто я порывался тебе позвонить, извиниться за свою горячность, за глупость! Не нужно было нам разводиться! Слышишь, родная?

– Так чего ж не звонил?

– Ты знаешь, Лерка, знаешь... не рви мне душу на части...

Не в силах сопротивляться охватившему его желанию, Герман подхватил ее на руки и бережно уложил на кровать...

...Через полчаса, она поднялась с постели и немного пошатываясь, пошла в ванную. Густой румянец полыхал на щеках. Герман оценивающе посмотрел на бывшую жену и восторженно подумал: «Как она похорошела!».

Они познакомились в студенческие годы и уже через полгода поженились. А еще через год родилась дочь Екатерина. Внешностью очень похожая на мать, а характером вся в отца.

Три года назад, перед последним и самым сложным заданием, Лера потребовала развод, мотивируя тем, что жить с призраком она больше не может. По ее словам, ей нужен был нормальный обычный муж, который возвращается каждый вечер после работы к ужину домой, а не окутанный тайной супермен. И Герман ехал на последнее задание уже со штампом о разводе и настроением ниже ватерлинии. Он так и не понял, что ее истерики были паническим страхом за его жизнь, усугубленные трагической смертью его родителей. В то время они почти не говорили, между ними будто встала стена отчуждения. Герман замкнулся в себе и не впускал внутрь даже дочь. После ранения он две недели пролежал без сознания в госпитале, а когда очнулся, уже летел в салоне военного самолета над Атлантикой. О разговоре с женой, про который она упомянула в ресторане, он даже не помнил.

Лера вышла из ванны и начала одеваться. Выражение ее лица изменилось, стало жестким и отстраненным.

– Может, закончим ломать комедию? – одна мысль, что его любимая женщина сейчас покинет номер и уйдет к теперь уже другому мужу, рвала его сердце на части.

– Ты о чем? – удивилась она и густо покраснела, словно он раскрыл ее тайну, которую она так и не осмелилась сказать.

– Уходи от него. Я выйду в отставку, и мы заживем, как ты всегда хотела.

– И что ты будешь делать? Ложки деревянные вырезать?

– Почему сразу ложки? Я много чего умею делать, – слова жены ранили еще сильнее, чем ее поспешные сборы.

Он хотел ей рассказать о заработанных деньгах, но наблюдая за ее реакцией, в последний момент передумал. Лера надела юбку, застегнула пуговицы на блузке и присела на край кровати. Взяв его руку, она в свойственной только ей манере, жестко и в то же время с теплотой, произнесла:

– Давай признаемся честно, ничего кроме как воевать, ты делать не можешь, а я заняла наконец-то ту нишу в обществе, которую заслуживаю. Сейчас весь мир у моих ног. А что можешь дать мне ты? Опять нищету и одиночество? Нет, Герман, я больше так жить не хочу. Считать копейки до очередной зарплаты я уже не в силах. И ждать придешь ли ты с очередного задания живым просто нереальная му́ка.

– Мы никогда не бедствовали, – попытался переубедить ее Герман.

– Прости, я сравниваю с доходами моего нынешнего мужа.

Герман замер. Ее слова болью отозвались в сердце. Он судорожно боролся с подступающими эмоциями. Наружу снова рвался монстр, а знакомить его с женой он уж точно не хотел. Таким она его еще не видела.

– Ясно, – выдавил он из себя и нервно сглотнул.

– Гера, ты прекрасный любовник и отец, но муж из тебя никакой, – усмехаясь, произнесла она.

– А если я устроюсь на нормальную работу? Проблем с деньгами и моим отсутствием не будет.

– И это тоже ничего не изменит. Потому что ты адреналин ценишь выше, чем семейный уют. Не будет риска на работе, ты найдешь его на отдыхе, – сказала Лера, поцеловала его в губы и, не давая Герману опомниться, поспешно покинула номер.

Как только дверь за ней закрылась, Герман схватил с прикроватного столика пепельницу и со всей силы бросил об стену. Пепельница со звоном разлетелась на несколько частей.

– За это ты меня и любишь! – выкрикнул Герман, безнадежно проигрывая в схватке со своими чувствами.

Она ушла, но его руки все еще источали запах ее тела, напоминая ему о томных стогах и словах любви, только что наполнявшие его номер. Откинувшись со стоном на кровать, он ощутил в полной мере, что она уже принадлежит другому. Предательница память настойчиво возвращала его в счастливые годы, когда они с Лерой еще были молодыми и счастливыми, несмотря, ни на что. Это были и приятные и одновременно мучительные воспоминания, от которых хотелось отделаться как можно быстрее, но в то же время и сохранить в темных закоулках памяти...

Глава третья

А был ли сообщник?

Утром Германа разбудила мучительно-грустная любовная баллада на испанском языке, от которой по позвоночнику пробежал ледяной озноб – любимая песня Марии. Проиграл целый куплет, пока он понял, что мелодия доносится из его телефона. Сонными глазами он уставился на дисплей, на котором был виден определившийся номер майора. Времени на смену мелодии у Германа не было, поэтому на телефоне оставались настройки производителя. За считанные секунды он прокрутил события вчерашнего вечера. После ухода Леры, он заказал бутылку скотча в номер и никуда не выходил. Неужели Легенда снова вырвалась из темноты его сознания? Выходит, ему рано расслабляться...

Набившая оскомину мелодия закончилась и через несколько секунд снова разорвала тишину. Герман опустил ноги на ковролин, протер глаза и ответил на звонок.

– Ты что, еще спишь?! – гневно спросил майор.

– А что, нельзя? – огрызнулся Герман.

– Ну, красавец, чё! Его тут народ ждет, а он дрыхнет! – продолжал возмущаться в трубку Терентьев, но Герман его уже не слушал.

Он поспешно откинул телефон и взглянул на часы – 9:10. Почему не сработал будильник? Видимо когда он вчера копался в телефоне, сбил настройки будильника. Вялой походкой Герман доплелся до ванной, ополоснул лицо и неспешно оделся. Все это время он пытался вспомнить, что было накануне перед сном, но все тщетно... После того как он допил бутылку скотча наступил провал.

На кофе времени не было. Приглушив смачный зевок, он схватил ключи от машины, электронный ключ от номера и вышел в коридор.

Из-за дорожных пробок в управление он приехал только через час и, войдя в конференц-зал, увидел Терентьева и четырех помощников.

– Явился! – проворчал Терентьев. – Люди уже с шести утра на ногах, раскрывают его дело, а он спит, понимаешь ли!

– Мамочка с утра не в духе? – Герман кинул на Терентьева жалающий взгляд, затем его внимание привлекла доска, на которой появилась распечатка вкладчиков.

– Ефим? – догадался Герман, указывая на список.

– Он, – ответил Терентьев, – экспресс-почтой прислал.

Мануйлов протянул Герману протокол допроса Мансуровой.

– В двух словах, – попросил Герман, – нет сил читаниной заниматься.

Мануйлов машинально кивнул, словно ожидал такой реакции, прочистил горло и доложил:

– На допросе, Мансурова заявила, что с мужем хотела развестись, но предполагала, что он развод ей не даст, поэтому собрала вещи и ушла, оставив ему записку, но он отказался признавать этот факт. В милиции подумали, что он это специально сделал, чтобы жену нашли. Она сказала, что сняла квартиру и хотела пожить без него, разобраться в своих чувствах, но когда узнала о беременности, то решила что лучше сохранить семью.

– Что-то подобное я и предполагал, – равнодушно произнес Герман и отмахнулся.

Майор одарил его пытливым взглядом, но ничего не сказал.

– Нашли братьев Скороходовых?

– Бориса везут в управление, а младший из братьев дома не ночевал и никто из соседей не знает где он. Похоже, мужик совсем скатился на дно, стал алкашом. Из его квартиры каким-то смрадом тянет, – доложил Мануйлов.

– А что с продуктовым..., – рискуя вывихнуть челюсть, Герман забористо зевнул, и закончил вопрос, – ...бутиком?

– Да налейте кто-нибудь ему кофе, пока он нас тут всех не усыпил! – нарочито громко прокричал Терентьев, рассчитывая, что его услышит секретарь Логинова.

– Задорнов закопался с записями с камер наблюдения, говорит там бардак, обещал к концу дня закончить. Я был вчера у Низова, – продолжил докладывать Мануйлов.

– И?

Герман уже готов был разродиться очередным вселенским зевком, но в этот момент в комнату вошла секретарь полковника и поставила перед ним большую кружку с кофе.

– Вах! – на грузинский манер выдохнул Герман, и неожиданно для самого себя, игриво подмигнул секретарше.

Девушка одарила его ответной улыбкой и часто заморгала наклееными ресницами. Она заворожено смотрела на нового напарника Терентьева и даже хотела завязать разговор, но услышав нервный кашель майора, встрепенулась и выпорхнула из кабинета.

– Я битый час беседовал с Игорем Анатольевичем и не мог ничего добиться. Никаких сантехников или других ремонтников к ним за последние полгода не приходили. А когда я уже собирался уходить, домработница подошла к Низову и так, между прочим, спрашивает: «А помните, Игорь Анатольевич, к нам приходила компания по установке новой сигнализации?». Я прямо обомлел. Сигнализация установлена в прихожей. Хорошо, что мы беседовали с ним в кабинете, а то бы все дело развалилось. И вот наши техники аккуратно разбирают корпус и видят жучок и не какой-нибудь, а последнюю модель. Вы бы видели, что

там началось! Игорь Анатольевич в панике побросал вещички в чемодан и дернул в отель.

– Позвони срочно Игорю Анатольевичу и скажи, что о находке говорить жене не надо, пусть объяснит свой переезд тем, что ему без жены в квартире неуютно.

– Так и сделал, – Мануйлов усмехнулся, кинул на Терентьева осторожный взгляд и добавил: – Вчера по телефону шеф сказал то же самое.

Герман пожал плечами, давая понять, что не ожидал такой пронизательности от напарника и с удивлением взглянул на майора.

– И мы не лыком шиты, – съязвил тут же Терентьев.

– Пойду в твой кабинет, а то здесь кого-то от самодовольства так распирает, аж сесть некуда.

Терентьев ухмыльнулся, одарил его хитрым взглядом и продолжил давать указания молодым следователям. Теперь Герману был понятен утренний звонок, майору не терпелось похвастать вчерашними находками. Когда Герман открыл дверь, навстречу ему попался Долгин. Он поздоровался и, заглянув в конференц-зал, сказал:

– Борис Скороходов ожидает в комнате для допроса.

Терентьев быстро вышел вслед за Германом и, схватив его за рукав, потащил к лестнице.

– Куда собрался?

– Пойду, допью кофе в тишине и одиночестве, – Герман ловко высвободился от хватки напарника.

– Ну, уж нет, – майор не собирался сдаваться без боя. – Пошли на допрос, там и допьешь свой кофе.

Герман умоляюще посмотрел на секретаршу.

– Спасите меня.

Блондинка расплылась в улыбке и хотела что-то ответить, но в этот момент из селектора послышался громогласный голос полковника Логинова:

– Вероника, где моя почта?

Секретарша мгновенно вспыхнула и, схватив со стола стопку газет и писем, бросилась к Логинову в кабинет.

Когда Герман и Михаил спускались по лестнице на первый этаж, майор обдал напарника проницательным взглядом.

– Кажется, у кого-то вчера был секс!

– Ясновидец или по запаху понял? – усмехнулся Герман, пытаясь мысленно смахнуть вставшее перед глазами видение в облике бывшей жены.

– Видно невооруженным глазом. А представляешь, до чего я могу докопаться, если вооружу его, – майор шутливо приставил скругленный палец к глазу.

– Кого? – не понял Герман.

– Ну, ты, блин, даешь! Проснись уже! Рабочий день в разгаре!

– Да я спал-то пару часов, не больше.

– Ого! – протянул майор. – Так держать!

– Да я не в том смысле. Бывшая жена приезжала, разбередила душу.

– Хочет, чтоб вернулся?

– Да, щас. Если б так! Теперь она замужем за каким-то крутым перцем, охрану к ней приставил.

Майор присвистнул и, усмехаясь, подметил:

– Но тебя, похоже, это не остановило?

– Нет, – коротко бросил Герман и отмахнулся, давая понять, что больше на эту тему говорить не хочет.

Майор одобрительно похлопал его по плечу.

– Добро пожаловать в мой мир! – Терентьев развел руками. Как бы показывая территориальные границы. – После развода думаешь, ну все, теперь будет новая жизнь, с девчонками начинаешь встречаться, появляются новые друзья и интересы, и тут бац, снова появляется она, ненаглядная. И начинается тягомотина. То она к тебе, то она от тебя, а договориться, ну, никак! Как в той басне про Лису и Цаплю.

– Аиста, – хмуро поправил Герман.

– Без разницы, – прищурясь, Терентьев посмотрел на Германа, – тяжело, понимаю и сочувствую. Я со своей ненаглядной в таком режиме уже год живу. Как говорить, любовь и ненависть в одном флаконе.

– И в день, когда мы ужинали у меня в отеле, она в очередной раз от тебя ушла? – предположил Герман.

– Так точно, – отрапортовал майор и открыл скрипучую дверь комнаты для допросов.

При появлении следователей Борис Скороходов вскочил на ноги. По его виду Герман сделал вывод, что ожидание далось ему нелегко. На вид это был пожилой интеллигентный мужчина среднего роста, коренастый, с резко очерченными скулами. Глаза с опущенными вниз уголками придавали лицу грустное выражение.

После приветствия майор спросил:

– Для протокола, вы Борис Владимирович Скороходов?

– Да, – ответил свидетель и нервно откашлялся. – А в чем собственно дело?

– У вас есть брат Михаил Владимирович Скороходов?

– Да. Он что-то... натворил? – голос свидетеля дрогнул.

– Нас интересует его супруга и причина их развода, – пояснил майор.

– А с какой целью интересуетесь? – насторожился Борис Владимирович.

– Вы в курсе, что бывшую супругу вашего брата убили?

– Танзию убили? – удивленно переспросил Скороходов, его глаза забегали из стороны в сторону. – Это точно? Вы ничего не путаете?

– Вы не знали? – с еле различимым недоверием в голосе спросил Терентьев.

– Откуда я мог об этом узнать? – Борис Владимирович выглядел растерянным. Он никак не мог примериться с новостью и переводил взгляд от одного следователя на другого. – О, боже... убили...

– Вы ведь посвящены в историю этой семьи, не так ли? – спросил Герман.

Борис Владимирович поднял голову и скрестил руки на груди.

– Хорошо, давайте поговорим.

– Михаил тоже не знает, что его бывшая супруга мертва? – спросил майор.

– Не имею ни малейшего понятия, – с раздражением ответил свидетель.

– Вы с ним не общаетесь, – догадался Герман.

– Нет. Он стал сильно злоупотреблять алкоголем, проводит время с новыми друзьями или в вытрезвителе.

Услышав эти слова, майор резко вскочил и, выглянув в коридор, отдал указание проходившему мимо Долгину:

– Володя, пошли ребят проверить вытрезвитель в районе проживания Скороходова младшего.

Когда он снова сел за стол напротив свидетеля, Герман отпил дымящийся кофе и с несвойственной мягкостью попросил:

– Расскажите все с самого начала.

Борис Владимирович тяжело вздохнул, потер переносицу и, собравшись с духом, начал излагать трагическую историю семьи брата:

– Все началось за три месяца до первого ухода Танзии. Брат пожаловался, что жена сильно изменилась. Помешалась на своей внешности. Записалась в литературный клуб и ходила на какие-то чтения. Домой возвращалась поздно, и с огромными пакетами из дорогих магазинов. Когда Миша спрашивал, откуда деньги, она придумывала всякие небылицы про премиальные и левые заказы. Она тогда работала в школе, преподавала рисование. Какие там могли быть левые заказы?

Скороходов поерзал на стуле и продолжил рассказ:

– За месяц до исчезновения жены Миша нашел в ее сумочке любовные стихи, напечатанные на машинке. Он спросил, откуда они у нее, и она сказала, что их раздавали в литературном клубе. Он выбросил их в урну для бумаг, но позже заметил, как жена вынула их из корзины и спрятала. Тогда Миша понял, что это не просто стихи, а любовное послание. Понимаете, у них была большая разница в возрасте, Миша и так ее постоянно ревновал, а тут увидел такое. Он стал следить за ней, не сам конечно, а попросил сослуживца. Но тот никакого мужчины рядом с Танзией не обнаружил. Когда Миша уже хотел поговорить с ней начистоту и признаться в своих подозрениях, она исчезла. В спальне на подушке он нашел записку, но брат был уверен, что жена ее не писала. В записке были использованы слова, которых Танзия обычно не употребляла в своей речи – в прощальном послании было слишком много поэтичности.

– Вы видели эту записку? – спросил майор.

– Брат мне прочитал ее, но попросил никому не говорить. Суть записки была в том, что они очень разные, возможно она совершила ошибку, выйдя за

него замуж. Хочет пожить отдельно несколько месяцев и обдумать, прежде чем окончательно все решить. Несколько дней Миша приходил в себя, но потом стал находить вещи Танзии, без которых она бы не вышла за дверь квартиры. Она оставила даже серебряный браслет, подарок покойной матери, который никогда не снимала с руки.

Борис Владимирович сделал паузу, собираясь с силами, и через минуту продолжил:

– Брат долго колебался, но потом подал заявление в милицию, начались ее поиски, но все было тщетно, ее нигде не было. А через три месяца она приходит сама и говорит, что беременна и хочет сохранить семью. Миша сказал, что она сильно изменилась, охладела к нему, и он думает, что если бы не ребенок, она бы не вернулась. Он не стал ее расспрашивать, сказал что счастлив только от того что она снова с ним. Он ее очень любил. Потом она родила сына, они назвали его Олегом.

– Сын был от вашего брата? – напрямую спросил Терентьев.

– Как выяснилось потом – нет...

– Продолжайте, – подбодрил его Герман.

Скороходов издал мучительный стон, из чего Герман сделал вывод, что свидетель подошел к развязке истории.

– После рождения сына в их семье начался настоящий кошмар. Ей кто-то постоянно звонил, она уходила в другую комнату и вполголоса могла говорить часами. Но если в комнату входил Миша, она бросала трубку, не попрощавшись. Он спрашивал, кто звонил, а она отвечала что подруга. Всех ее подруг Миша хорошо знал, и его удивил тот факт, что она отказывалась назвать имя. Через два месяца, она перестала говорить по телефону, а вместо этого после короткого разговора, быстро одевала ребенка и уходила гулять. Затем она настояла на том, чтобы они наняли няню и помощницу по хозяйству, а как только Миша согласился, она переложила заботы о ребенке и доме на нанятых работниц, а сама стала надолго уходить из дома, мотивируя это тем, что ей необходимо привести себя в порядок после родов. Когда ребенку исполнился год, она взяла путевку в Болгарию и собралась одна на отдых. Брат пытался настоять на том, чтобы они ехали в отпуск вместе, но Танзия сказала, что если он ее не отпустит, то она уйдет

из семьи навсегда. Тогда Миша проследил за ней до аэропорта и увидел ее с другим мужчиной.

– Как он выглядел? – встрепенулся майор, прожигая взглядом свидетеля.

Горло мгновенно пересохло, от волнения задергалась левая нога. Терентьев метнул нетерпеливый взгляд на Германа, подмечая важность момента, и тут же перевел глаза на Скороходова. Борис Владимирович задумался, пытаясь вспомнить рассказ брата, но потом покачал головой и ответил:

– Подробно он не говорил, но сказал, что это был мужчина намного моложе его и выглядел как артист с обложки.

Герман и майор переглянулись и многозначительно посмотрели друг на друга. Задержанного Рогова молодым красавцем назвать было никак нельзя, а значит, гипотеза Германа о сообщнике только что подтвердилась.

– Что было дальше? – поторопил свидетеля майор.

Скороходов вытянул перед собой руки и сплел крючковатыми пальцами замысловатую фигуру. Его голос словно обрел уверенность и зазвучал по-новому – жестко и напористо.

– Пока Танзия была в отпуске, Миша пошел на телефонную станцию и взял распечатку звонков их домашнего телефона, – закивал головой свидетель, словно поощряя поступок брата. – Переписал все незнакомые номера и стал их обзванивать. В основном это были магазины женских товаров и салонов красоты, но он нашел несколько телефонов, с которых звонили им на домашний номер и разговор продолжался более получаса. Обзвон телефонов ничего не дал, тогда Миша вспомнил об увлечении жены литературой, он нашел в их квартире рекламный листок литературного клуба и решил нанести визит. Первым что он увидел на стене, была большая афиша, на которой висела фотография того мужчины с которым она укатила в Болгарию. Это оказался поэт и писатель Илья Грозовой.

Майор быстро записал фамилию и красноречиво посмотрел на Германа, ему не терпелось вынырнуть в коридор и навести справки о поэте.

– Миша узнал его адрес и после приезда жены из Болгарии стал за ними обоими следить, – продолжил Скороходов свой рассказ. – Собрал доказательства их встреч и предъявил их жене. Он стал настаивать на экспертизе на отцовство и

разводе. Тут все и выяснилось. Она сама призналась, что Миша не отец ребенка, и что она любит этого поэта. Миша был вне себя. Он велел ей собрать вещи и убираться. Она грубила ему и вела себя очень нагло, а брат никак не мог понять, зачем она к нему вернулась. Прошла неделя, а она все не съезжала. Миша спросил, в чем дело, а она разрыдалась и сказала, что поэт бесследно исчез, не отвечает на звонки и не забирает почту из квартиры, в которой они встречались. Брат рассмеялся и сказал ей, что этот поэтишка как последний подлец сбежал, побоявшись взять ответственность за нее и ребенка. Больше она с поэтом не виделась и все в семье пошло на лад. Она на коленях вымолила прощения у Миши, и он ее... простил. Я уже говорил вам, он ее очень любил.

– Так из-за чего все-таки они разошлись? – с нетерпением в голосе спросил майор, его левая нога все еще выдавала лихорадочный темп.

– После того как их жизнь наладилась и казалось что все неприятности уже позади, Мише на работу пришла видеокассета, на которой была заснята Танзия и этот писатель.

Герман заметно оживился. Только что подтвердилось еще одно его предположение. Записанный видеоматериал использовался подельниками в дальнейшем шантаже.

– На этой кассете любовник с ней такое вытворял, что Мишу чуть инфаркт не хватил. И в конце всех этих кувырканий, был заснят разговор, в котором изрядно подвыпившая Танзия, рассказывает своему любовнику все Мишины рабочие секреты.

Терентьев еле заметно стукнул напарника по ноге. Герман кивнул, давая понять, что слушает внимательно.

– Миша так перепугался, что уничтожил кассету. Через неделю какой-то мужчина позвонил ему в рабочий кабинет и сказал, что это он послал ему кассету и если Миша не хочет нажить себе проблем, то нужно переводить ежемесячно суммы на счета, которые он ему укажет. После этого раз в месяц он находил в почте безымянный конверт, в котором был указан номер счета и его получатель.

– Это был всегда один получатель? – спросил Герман.

– Я не знаю деталей.

Герман кивнул и жестом попросил свидетеля продолжать.

– Какое-то время Миша исправно платил, но потом финансовая ситуация в семье изменилась и он не смог больше выплачивать шантажисту деньги. И тогда этот мужчина заявился сам. Миша сказал, что это был очень наглый и неприятный тип.

– Вы сами видели этого человека? – возбужденно спросил Терентьев.

– Конечно, нет. Всю эту историю я знаю только со слов брата, – ответил свидетель и развел руками.

– Хорошо, продолжайте.

Раскрасневшийся Скороходов шумно выдохнул. Рассказ разбередил старые раны.

– Ну, так вот... В тот день они просто побеседовали, шантажист его предупредил, что счета оплачивать ему все равно придется. Миша отказался. Через два дня Танзию жестоко избили трое головорезов. Она попала в больницу, и Миша подал заявление в милицию. Через десять дней ему позвонили и сказали, что жена попадет на кладбище, если он не заберет заявление из милиции. Миша испугался и забрал заявление. После этого наступила полугодовая пауза, и мы все думали, что кошмар позади, но внезапно его вызвали к шефу и Миша увидел на его столе видеокассету. Разговор с начальником был очень короткий, тот заставил Михаила написать заявление по собственному желанию и тот час же уйти. Так и закончилась его карьера.

По лицу Скороходова пробежала мучительная гримаса.

– В семье опять начался разлад. Они постоянно ругались. В конце концов, Миша стал пить и семья окончательно развалилась. После этого он совсем опустил руки и как я ни старался ему помочь, брат стремительно скатывался в бездну. Как-то раз, меня вызвали в больницу и сказали, что его избили, и он лежит в тяжелом состоянии. Я пытался разузнать, что с ним случилось, но он сказал, чтобы я никогда больше к нему не приходил, что теперь у меня нет брата. После этого мы с ним не виделись.

– А с Танзией? – Герман допил уже порядком остывший кофе и отодвинул от себя кружку.

– Да. Она иногда приходила к нам на праздники с сыном Олегом, наши дети были очень близки. Она как-то призналась, что ее кто-то преследует. Я

посоветовал ей обратиться в милицию, она так и сделала, но результатов опять не было, и тогда она решила уехать за границу. Только после того как она уехала, моя жена призналась, что Танзия вышла замуж за какого-то предпринимателя, с которым случайно познакомилась и уехала в Люксембург.

– Она объяснила вам характер этих преследований? – майор сложил руки домиком и задумался. У него никак не укладывалась вся схема в голове. Почему Паук сначала давал деньги, а потом забирал?

– Нет, а уточнять я не стал, видите ли я недолюбливал ее из-за того как она поступила с братом. Считал ее виновницей всего произошедшего.

– После того как она уехала, вы поддерживали связь? Может через вашу жену? – поспешил спросить Герман.

– Она присылала ей несколько раз посылки для детей, поздравляла с праздниками, но потом резко прекратила с нами общаться. Жена подумала, что она обиделась из-за того что редко ей отвечала. А я хотел всю эту историю поскорее выкинуть из головы.

Герман внимательно посмотрел на Бориса Владимировича и тихо сказал:

– Вы что-то недоговариваете.

Скороходов бросил на него осторожный взгляд и громко вздохнул.

– Знаете, мне показался странным тот факт, что Танзия после развода с братом стала жить на широкую ногу. Она продолжала одеваться в дорогую одежду. Ни в чем себе не отказывала, ездила на дорогие курорты. Продала квартиру, которая ей осталась после развода и купила новую, с большей площадью, сделала там ремонт и купила дорогую итальянскую мебель. Моя жена все время ее спрашивала, откуда у нее деньги, но она отшучивалась и меняла тему разговора.

Майор бросил на напарника красноречивый взгляд, давая понять, что именно это его и беспокоит.

– Спасибо вам, вы очень нам помогли. Мы еще свяжемся с вами, если возникнут вопросы.

– Скажите, а как она умерла? – спросил Борис Владимирович.

– Вы не знаете где сейчас ваш брат? – ушел от ответа майор.

Борис Владимирович отрицательно помотал головой и, встав со стула, спросил:

– Я могу идти?

– Да, конечно.

Когда дверь за ним закрылась, майор повернулся к Герману и воскликнул:

– Черт тебя подери! Ты был прав! Рогов действовал не один!

– Его сообщник – соблазнитель женщин. Вот мы и нашли их источник дохода. Они занимались шантажом, пока истинная жертва, за которой они охотились, не была окончательно сломлена.

– Но почему они сначала выкачивали деньги, а потом обеспечивали женщин? Это же, как из одного кармана в другой перекидывать.

– Я же говорю тебе, истинная жертва – это муж, – ребром ладони Герман постукивал о стол. – Они резко отделяли карман матери ребенка от кармана ее мужа.

– Все равно, тут что-то не то... не понимаю я...

– Это же две разные преступные группы. Паук соблазняет и обеспечивает. Рогов убивает и шантажирует. От того и методы воздействия разные. Танзию избили, чтобы надавить на мужа. Трудно поверить в то, что к этому причастен сам Паук. Скороходов описал очень тесную связь между женой брата и Пауком.

– Выходит, не было никаких похищений?

– Выходит, так, – растерянно сказал Герман, – некий симпатия поэт, влюбляет в себя женщину, и уговаривает ее бежать от мужа. Он говорит ей бросить все вещи, и даже самые дорогие, зачем?

– Да затем, если от нее придется избавляться, то лишние предметы им не нужны.

– Не уверен. Ну, ладно, пойдем дальше. Затем поэт неплохо проводит с ней время, выпытывает у нее все секреты мужа и когда наступает трехмесячный срок, у них есть план «А», если она забеременела и план «Б», если нет.

– План «А» – они отпускают ее.

– Я бы сказал, отправляют назад к мужу, – поправил Герман.

– Хорошо, отправляют назад к мужу, если все проходит хорошо, то женщина и поэт продолжают встречаться и крутить любовь? А если муж узнает и захочет развестись, тогда...

– Не думаю, что они ждут от него развода, все намного проще. Они просто выжидают подходящий момент и наносят очередной удар. Мне кажется все дело в деньгах, они узнают, когда и сколько он получает от очередной сделки. Убеждаются, что деньги уже у жертвы и пускают в ход угрозы.

– Но ведь в этом случае это именно так. Муж грозит разводом и тут же начинается шантаж.

Герман задумчиво поскреб подбородок.

– Для того чтобы раскрыть всю схему их действий, одного эпизода недостаточно. Нужно изучить и другие...

– Но как мы это сделаем? – майор со злостью стукнул по столу кулаком. – Как мы узнаем, какие жертвы подверглись шантажу?

– Изучим список вкладчиков счета Мансуровой. Ей постоянно переводили деньги разные люди.

– Ты думаешь, что это были другие жертвы?

– Не думаю – уверен, – сказал Герман и первым вышел из комнаты для допроса.

Майор выскочил вслед за ним и хотел продолжить разговор, но Долгин подбежал к нему и возбужденно воскликнул:

– Нашли! Нашли мы Михаила Скороходова!

– Отлично, где? – спросил Терентьев.

– Как вы и сказали, в ближайшем вытрезвителе.

– Позвони туда и скажи, чтобы без нас его не отпускали. Пусть протрезвеет, а потом я его допрошу.

– Уже сделал, – заулыбался Долгин.

– Миша, не своди со свидетеля глаз, – предупредил Герман. – Он может опознать Грозового. Хоть он и ненадежный свидетель, но все же...

&&&

Следователи уже битый час изучали список вкладчиков Мансуровой. Ефим проделал огромную работу, приложив к списку подробную картотеку с досье на каждого плательщика. Герман больше обращал внимание на временной цикл, стараясь уловить в графике платежей систему. А вот у майора от громких фамилий из списка сводило челюсть. Паук сплел обширную сеть, затронув разные слои населения: в списке были банкиры, чиновники, продюсеры и бизнесмены.

В конференц-зал влетел запыхавшийся Задорнов, прошел к центру стола, налил воды из графина и жадными глотками осушил стакан. Лицо его покраснелось, глаза с азартом горели. Герман сразу понял, что лейтенант накопил что-то весомое.

– Я нашел того кто совершал покупки в продуктовом бутике! Ни за что не догадаетесь! Это настоящая бомба! – он показал CD-диск и вытер носовым платком вспотевший лоб.

Вставив в дисковод компьютера диск с записью, Задорнов запустил первый файл. Все повскакивали со своих мест и бросились к монитору компьютера. На экране появилась черно-белая запись с камеры видеонаблюдения, на которой было отчетливо видно лицо покупателя.

– Вот время упаковки салатов, – Задорнов показал на крышечки от пластиковых упаковок, – а вот гражданин, который взял их в это время, – Роман указал на мужчину лет сорока пяти, – а вот вторая запись. Приготовьтесь, это большой сюрприз!

Роман навел мышку компьютера на второй файл. На мониторе появилась запись, на которой все тот же мужчина и последняя жертва Кристина Низова, вместе выбирают продукты и складывают их в корзинку для покупок. Они идут вдоль витрин, взявшись за руки, затем парочка подходит к кассе и мужчина расплачивается наличными. Задорнов остановил запись и сказал:

– Я что-то уже ничего не понимаю. На допросе Кристина Низова показала, что в это время была уже с Роговым. А мы видим, что она спокойно прогуливается по магазину, взявшись за руки с другим мужчиной.

– Все просто, – сказал майор, – не было никакого похищения.

Роман обвел всех присутствующих пытливым взглядом и понял, что опоздал с новостями. Почесав затылок, он показал на покупателя и спросил:

– А кто этот мужик?

Терентьев коротко ввел помощника в курс дела, после чего Задорнов плюхнулся на стул и минуту пялился на коллег.

– Вся доказательная база на Рогова летит в тартарары! – он схватился за голову, вспоминая сколько сил пришлось приложить, чтобы практически подвести дело к завершению, а теперь все предстояло начинать с чистого листа.

– Позвони Игорю Низову, – попросил Мануйлова майор, – пусть срочно приедет в управление.

Кирилл достал блокнот из пиджака и, найдя нужный номер, подошел к телефону. Пока он говорил с Низовым, Герман пристально всматривался в список вкладов Мансуровой.

– Чего ты его гипнотизируешь?

– Ищу хоть какую-нибудь закономерность, – ответил Герман и показал на фамилии, – посмотри, в списке практически нет одинаковых фамилий. За исключением двух раз, когда платежи поступали от одного и того же лица, с разницей в полгода.

– И что это значит? – спросил майор.

– А то, что шантажисты требовали от жертв деньги ежемесячными платежами и давали каждый раз разные счета.

– Ну и?

– Не знаю, – отмахнулся Герман и, увидев, что Мануйлов положил трубку, спросил: – Что сказал Низов?

– Сейчас подъедет, – ответил Мануйлов.

– Почему они не просили наличными? Ну, или не брали деньги через почтовый ящик? Способов много, – рассуждал вслух Терентьев.

В глазах Германа на секунду вспыхнул огонек.

– Я понял! Деньги в банке можно получить только по паспорту?! – и дождавшись кивка майора, продолжил: – Такой способ гарантировал, что эти деньги дойдут только до женщины и ее ребенка. Это похоже на выплату алиментов. Я сейчас, – сказал он и вышел в коридор.

Сделав звонок Ефиму, он дождался трех гудков и сбросил вызов. Ефим перезвонил через три минуты. За это время Герман успел уже спуститься на первый этаж и выйти на служебную стоянку.

– Есть новости? – спросил Герман, когда услышал голос Ефима в трубке.

– Да. Только хотел вам звонить. Сорокина Надежда, брала билет в один конец на чартерный рейс до Германии. Я проверил, в самолет она села. У нее еще три месяца будет действовать виза.

– Погоди, – прервал его Герман, – проверь, где и с кем сейчас находится ребенок Мансуровой. Кажется, его зовут Олег. А Сорокина вылетела одна или с мужем?

– Билет купила один.

– А есть информация о ее муже?

– Сейчас, секунду, – сказал Ефим, и Герман снова услышал, как он быстро стучит пальцами по клавиатуре, – так, нашел... Сорокин Вячеслав Эммануилович, 1952 года рождения. Окончил политехнический институт. Был директором приборостроительного завода.

– Перешли всю инфу о нем на факс Терентьева в управление.

– Хорошо.

– Еще меня интересует писатель и поэт Грозовой. Копай так глубоко, как только сможешь.

– Хорошо, я перезвоню.

Герман потянулся, расправил плечи и решил перекурить на воздухе. Осмотрев стоянку, он прошелся по переулку, ведущему к месту хранения мусорных контейнеров, и снова вошел в здание управления. Когда он поднялся в конференц-зал, майор все еще просматривал собранные Ефимом личные данные вкладчиков на счет Мансуровой.

– Предлагаю вывести общие знаменатели. Возраст, положение и дату первого взноса. Может так до чего-нибудь допетрим.

Подойдя к доске, Герман начертил таблицу из трех колонок, заполнил первую строку, комментируя надпись:

– Лапшин А.А., член совета федерации, пятьдесят шесть лет. Единственный взнос сделал пятнадцатого апреля 1997 года.

– Вейсман И.С., управляющий банка, пятьдесят один год, два взноса, первый сделан десятого июля 2001 года, – сказал Мануйлов.

– Мэр подмосковного города Саранцев Г.Н., шестьдесят два года, единственный взнос сделан второго ноября 1999 года, – нехотя продолжил майор и машинально взглянул на дверь, опасаясь внезапной проверки со стороны полковника Логинова.

Когда на доске свободного места уже не осталось, Герман отошел на два шага и, окинув доску придирчивым взглядом, изрек:

– Имеем общий тип мужчин – всем за пятьдесят, не бедны, у всех положение в обществе. И я не удивлюсь, если мы обнаружим, что у них большая разница в возрасте с женами.

Терентьев растер до красна уши и с раздражением произнес:

– С этим списком все понятно, нет смысла прорабатывать фамилию за фамилией, если мы, конечно, не хотим привлечь одного из них как свидетеля, а этого не будет без разрешения Логинова. Сейчас нам важно понять, какую роль выполнял Грозовой в этом деле? Как были распределены их обязанности? По показаниям Скороходова старшего, этот поэт играл активную роль вплоть до шантажа, а потом видимо приступал к новой жертве.

– Надо брать Грозового, – сказал Мануйлов.

– И что мы ему предъявим?! – со злостью выпалил майор.

– Лучше установить за ним слежку и посмотреть, куда это нас выведет, – вставил Герман. – Возможно в данный момент у него в разработке новая жертва. Грозового надо брать с поличным, иначе мы не сможем ничего ему вменить, да и Рогов может попросту от него откеститься.

– Герман прав, – поддержал его майор, – Кирилл собери всю информацию по Грозовому, установи за ним слежку. Действуйте предельно осторожно.

Когда Мануйлов вышел из конференц-зала, Герман спросил:

– А мы чем займемся?

– Мыждемся Низова, поговорим с ним начистоту. У меня вопрос: кем в этом деле является Сорокина?

– Пока не знаю, но она явно активный участник группы.

– Но кто она? Бывшая жертва? Или просто сообщница?

- А сколько ей лет? – спросил Герман и сел напротив майора.
- Тридцать шесть.
- Не похожа она на их жертву. Детей у нее нет, насколько я понял.
- И не могло быть, – уточнил майор.
- Откуда ты знаешь?

Терентьев закурил сигарету и выпустил густой беспорядочный клубок дыма.

– Когда она пропала, – указательный палец майора ткнул в личное дело бывшего бухгалтера, – я обошел всех женщин в управлении и стал расспрашивать, что они про нее знали. Выяснилось, что Сорокина как-то разговорилась с одной из сотрудниц и вскользь упомянула, что долгое время лечилась от бесплодия, делала искусственное оплодотворение не один раз, даже обращалась в зарубежные клиники...

Заиграл первый куплет песни «Amada amante» Марка Энтони. Герман вздрогнул и чуть не выронил из рук телефон. Майор воззрился на него непонимающим взглядом и усмехнулся – такой любви к любовным балладам он от нового напарника никак не ожидал.

– Патрикеев! – сконфужено отозвался Герман.

– У меня есть информация по Грозовому, – услышал он голос Ефима в трубке.

– Говори, – Герман включил громкую связь.

Майор подошел ближе к телефону и замер в ожидании.

– Грозовой – это псевдоним Сидоренко Ильи Петровича, 1964 года рождения. Женат, четверо детей. Писатель, поэт, много издается. В прошлом году приобрел на свое имя типографию и рекламное агентство. Имеет счета в банке, недвижимость в виде квартиры на Остоженке и коттедж в Истринском районе. У него открытая шенгенская виза. Продолжать?

– Вышли нам всю инфу, – сказал Герман и отключил вызов.

С первых слов Герман понял, что Грозовой слишком приметная и общеизвестная личность. Такой зря рисковать не будет, наверняка осторожен, расчетлив и предусмотрителен. Его нелегко будет расколоть.

– Кто это был? – спросил майор, указывая на телефон.

- Частное информбюро, – отшутился Герман.
- Мне бы такое бюро...
- Что-то не похож Сидоренко на сообщника, – перевел разговор в другое русло Герман.
- Согласен. Живет слишком заметно. Теперь понятно, почему он взял псевдоним. Поэт Сидоренко не прославится.
- Может все-таки его допросить? Осторожно, чтобы не спугнуть.
- И что мы у него спросим? Не были ли вы такого-то числа с гражданкой Мансуровой в аэропорту? Нет? А вот алкоголик Скороходов утверждает обратное, – иронично произнес майор, жестикулируя руками.
- А что если зайти с другой стороны? Сказать, что мы расследуем убийство Мансуровой?
- Тогда нужно будет объяснить, почему мы считаем, что он вообще с ней связан? Скороходов старший нам в этом деле не помощник, лично он его не видел, а показания его младшего брата в суде адвокат развеет за три секунды, словно пепел на ветру. Алкоголик, неудачник, ревнивый муж, докатившийся до белой горячки. Пустое дело, – возразил Терентьев и почесал затылок. – Тут, как ты выражаешься, надо с другой стороны зайти...
- Мне хоть краем глаза на него взглянуть, – не унимался Герман. – Я сразу пойму как можно будет его взять без шума и быстро.
- Для этого мне нужно идти к шефу и брать разрешение. Представляешь, какой скандал поднимется в прессе, если он засечет слежку. Мне уже сейчас не по себе от мысли, что будет, когда я выложу все факты Логинову.
- Знаешь, у испанцев есть старинная поговорка «Не дуй на воду, пока она не нагрелась».
- Ага, а твои испанцы знают Логинова? Нет? Он и в замороженном состоянии взбучку устроить может, а уж если его нагреть..., – майор скорчил разгневанную рожицу и плюхнулся на стул.
- В дверь постучал Долгин и, приоткрыв дверь, сказал:
- Низов ожидает вас в комнате для допроса.
- Уже идем, – кинул майор и взял диск с записью из продуктового бутика.

&&&

В комнате для допроса было душно как в подzemелье. Герман сел рядом с майором и стал изучать свидетеля. Низов заметно нервничал, его маленькие хитроватые глазки поочередно изучали следователей. Из-под манжеты рубашки на его правой руке проглядывали глубокие царапины, похожие на след от женских ногтей. Заметив пристальный взгляд Германа, Низов поправил манжету и прикрыл ее левой рукой. Из чего Герман сделал вывод, что отношения между супругами резко обострились. Причиной могло быть то, что Низов, как и следователи, в невинность своей жены тоже не верил, поэтому-то и подслушивал их разговор в больнице.

– Мне сказали, что у вас ко мне появились новые вопросы, – торопливо произнес Низов.

– Появились, – подтвердил Герман, прищурясь.

– Я думал, мы покончили с вопросами, мне больше к ранее сказанному добавить нечего, – выдавил из себя Низов и нервно заерзал на стуле.

– Мы вас долго не задержим, Игорь Анатольевич, – успокаивающе заверил его Терентьев.

Майор выглянул в коридор и, увидев Долгина, попросил принести свидетелю бутылку минеральной воды. Пока майор выходил, Герман внимательно следил за каждым движением Низова и заметил, что его ноги были в постоянном движении, то они прятались под сиденьем, то выныривали наружу, шаркая каучуковым каблукон по обветшалому линолиуму.

– Игорь Анатольевич, где и кем вы работаете? – спросил майор, возвращаясь в кабинет.

– Я владелец сетевой пиццерии. А какое отношение это имеет к делу?

– Как долго? – спросил майор, игнорируя вопрос свидетеля.

– Восемь лет назад я открыл свою первую пиццерию, – Низов помолчал, и добавил: – Но вы не ответили на мой вопрос.

Майор стал вышагивать вокруг стола, внимательно отслеживая реакцию свидетеля.

– Вы расслабьтесь, мы просто хотим прояснить общую картину. Вас можно назвать очень богатым человеком?

Низов на мгновение замер, затем оглянулся, чтобы увидеть лицо майора, который на несколько секунд задержался у него за спиной и спросил:

– Зачем вам это? Я не понимаю, как эти вопросы могут помочь при расследовании похищения моей жены.

– Я объясню, – спокойным тоном произнес Терентьев и, заложив руки за спину, продолжил расхаживать по периметру комнаты. – У преступников есть свой почерк, они выбирают определенный тип жертвы, и мы считаем, что ваша жена не единственная пострадавшая. Если вы ответите на наши вопросы откровенно, то мы быстрее предъявим обвинение и закроем дело. Если нет, мы все равно все узнаем, только для этого нам понадобится больше времени.

Низов закивал головой и жестом дал понять, что готов отвечать на вопросы.

– Вот и хорошо. Так вас можно назвать богатым человеком?

Низов кивнул головой. В комнату вошел Долгин и протянул свидетелю пластиковую бутылку воды.

– Спасибо, – глухим голосом поблагодарил Низов, крутанул крышку и сделал пару больших глотков.

Когда дверь за Долгиным закрылась, майор задал следующий вопрос:

– Перед похищением жены вы ничего странного в ее поведении не замечали?

– Странного? – Низов кинул на Терентьева удивленный взгляд. – Да, вроде, нет.

– Может она стала часто посещать салоны красоты? Увлеклась поэзией?

Низов задумался на секунду и ответил:

– Она не работает, сидит дома. Детей у нас нет. Что ей еще делать, если не заниматься собой? А про поэзию я ничего не знаю. Никогда не видел ее с книжкой в руках. Журналы она читает... ну там о моде и здоровье.

– У вас напряженный график работы? Вы поздно приходите домой?

– Да. Иногда даже остаюсь в московской квартире, а Кристина постоянно проживает в коттедже на Рублевке.

– Вы часто уезжаете из страны без жены? Например, по делам.

– Да, раз в месяц точно, но ненадолго, дня на два, на три, не больше.

– Чем обычно занимается ваша жена, пока вас нет дома?

– Да разными делами, но в основном занята собой, ходит по врачам и бутикам, встречается с подругами.

– Как вы думаете, у нее возможен роман на стороне? – спросил майор и прищурился.

– Нет, – резко ответил Низов.

– Вы уверены? – переспросил майор.

– Абсолютно.

Герман обратил внимание на изменившийся тон Низова и уверенность, с которой он отвечал на вопрос, и у него промелькнула догадка.

– Вы ведь следили за ней, не так ли?

– Это мое частное дело! – возмутился Низов.

– Разумеется, – кивнул Терентьев, сделал несколько шагов и добавил: – Мы просто хотим знать каким образом вы осуществляли контроль за женой.

– В доме установлено видеонаблюдение. Когда она выезжает за пределы Рублевки, встроенный GPS в машину сообщает об этом в охранное агентство и человек выезжает вслед за ней и ведет наблюдение, пока она не вернется домой.

– Умно, – признал Герман, – надо взять на заметку.

– В прошлом году ребенка моего друга похитили в детском магазине, и он выплатил заоблачный выкуп. Я думал..., – начал было Низов, но потом осекся и быстро проговорил, – но этот упырь Рогов все-таки обставил меня.

Терентьев остановился рядом со свидетелем и Герман боковым взглядом заметил, что он нащупал диск в кармане пиджака, как будто хотел убедиться, что он все еще на месте.

– Сколько лет вы женаты? – спросил майор.

– Четыре года. Это мой третий брак.

– Игорь Анатольевич, мы хотим поделиться с вами новыми фактами, – произнес Терентьев, внимательно разглядывая лицо Низова, – следствие установило, что женщины подвергнувшиеся насилию не являлись конечной целью преступников. Их игра была рассчитана на мужа, они хотели с помощью шантажа, получать... так скажем... ежемесячное пособие.

Низов вскочил на ноги, от резкого толчка стул завалился на бок и ударил майора по ноге. Терентьев машинально отскочил в сторону, расточая ругательства и начал растирать ногу.

– Хрен им, а не бабки! – закричал Низов вне себя от гнева. – Они не знали, с кем имеют дело! – он постучал себя в грудь. – Все, разговор окончен!

Подойдя к двери, он потянулся к дверной ручке, но в этот момент Герман вкрадчиво с ним заговорил:

– Вы получили сегодня новость, с которой не можете справиться в одиночку. Откровенно говоря, с ней никто не сможет справиться.

Низов замер на месте, глаза расширились от удивления, он несколько секунд оторопело смотрел на Германа, затем медленно вернулся к столу. Подняв стул, он поставил его на пол и беспомощно опустил на него грузное тело.

– Как вы узнали? – тихо спросил Низов.

– Работа у нас такая, – пространно ответил Герман.

Майор развел руками, и недовольно взглянув на Германа, спросил:

– Может, ты меня просветишь?

– Игорь Анатольевич, скажите ему.

Низов поднял глаза на майора и изменившимся голосом сказал:

– Сегодня я узнал, что Кристина беременна. Судя по сроку, ребенок не мой!

– Вот это да! – воскликнул майор, забывая об ушибленной ноге, и кинул изумленный взгляд на Германа.

У двух следователей промелькнула одна и та же мысль: «Почему Рогов начал расправу с Низовой, если она забеременела?».

Низов обхватил руками голову и застонал. Что же предпримет свидетель, когда узнает, что его дражайшая супруга, за которой он следил несколько лет, все-таки нашла способ для встреч с любовником, затем сбежала с ним, а в итоге еще и забеременела? Герман подумал, что с такой новостью он бы и сам не справился.

– Что вы будете делать дальше... с беременностью? – спросил Герман.

– Пока не знаю. Решать, конечно, ей, но думаю, мы точно избавимся от этой проблемы.

Герман понял, что Низов будет настаивать на аборте.

– У вас есть еще ко мне вопросы?

– Нет, пока все. Спасибо что пришли, – отозвался майор.

Когда Низов вышел в коридор, Герман повернулся к Михаилу и спросил:

– Почему не показал ему диск? Ты же хотел.

– Чтобы он добрался до Грозowego первым? Нет уж... Пусть пока думает, что похититель его жены – Рогов.

Взглянув задумчиво на дверь, за которой только что скрылся свидетель, Герман с уверенностью произнес:

– Да, такой, пожалуй, доберется.

Майор сел на стул, который только занимал Низов и уставился на напарника.

– Смотри дырку мне во лбу не просверли, – огрызнулся Герман.

– Откуда ты узнал про беременность? – выпалил майор и пронзил напарника недовольным взглядом. – Почему мне не сказал?

– Я не знал. Видел, что его что-то гложет, по жестам понял, что эта проблема ему не по зубам. Спросил наугад, а потом подвел его к признанию.

– Черт. Опять спуталась схема. Если она забеременела, почему Рогов начал с ней расправляться? По их плану они должны были ее отпустить.

– Может, он не знал на тот момент, – предположил Герман.

– Поэт помешан на беременности, такой бы точно убедился... нет... тут что-то не то...

Они вышли в коридор, и направились в конференц-зал. По дороге у Германа зазвонил телефон.

– Я не нашел никакой информации о переписке Сорокиной с клиниками, но могу сказать, что ее фамилия попала в базу арендованных машин. Она взяла «Мерседес» в аэропорту.

– И эта тоже, – вырвалось у Германа. – Ты установил местонахождение сына Мансуровой?

– Пока нет. После смерти матери, опекуном мальчика стал отчим, гражданин Бельгии, но я проверил, мальчика в доме у отчима нет.

– И как ты это сделал?

– Он не покупал ни детской одежды, ни игр, у него в доме даже интернета нет. Прошлый век.

– Понятно. Тогда нам остается только ждать.

Подойдя к конференц-залу, они услышали командный голос Логинова. Он что-то выкрикивал, и майор с испуганным видом заглянул через узкую щель в двери.

– Чем вы здесь занимаетесь?! Что это такое? Вместо расследования убийств я вижу на доске фамилии уважаемых граждан! – кричал Логинов.

Майор повернулся к Герману и приглушенно произнес:

– Попали. Надо было стереть список с доски. Ты иди в отель, завтра увидимся. Будет лучше, если он свой гнев на мне выместит.

Долго уговаривать Германа не пришлось, он кивнул и двинулся к лестнице.

&&&

Двери лифта распахнулись, Герман шагнул в хорошо освещенный гостиничный коридор, застеленный ковровой дорожкой синего цвета с греческим орнаментом по краям. Пока он шел к номеру, его пальцы проворно блуждали в настройках телефона. Мелодия, установленная на входящий звонок, была не просто выбрана из списка по умолчанию, а скачена через интернет. Герман этого не мог сделать, даже будучи в личине Александра Высоцкого. Максимум на что способна его фантазия, это выбрать один из вариантов традиционного звонка, похожего на те, что встраивались в телефонные аппараты времен шестидесятых. Провалы в памяти озадачили Германа и заставили задуматься о том, что творится в его голове, когда он дает лишку со спиртным?

Он вошел в номер и решил немного вздремнуть. Сел на кровать и начал раздеваться. Сняв туфли и пиджак, он хотел уже прилечь, как зазвонил его мобильный телефон, теперь уже традиционным прерывистым гудком.

– Патрикеев, – пальцы проворно расстегивали пуговицы на рубашке.

– Что случилось в управлении? – гневно спросил Валерий Сергеевич.

– А что там случилось?

– Мне только что звонил Логинов, из его криков я понял, что вы с Терентьевым втягиваете в дело серьезных и уважаемых людей. Конкретно что-то

понять было невозможно – Логинов был вне себя, но мы договорились, что я приеду завтра к нему в управление в девять часов утра.

– Ясно.

– Есть новости по делу брата? – тон собеседника чуть снизился.

– Нашли свидетелей, которые видели, как мужчина в толстовке с капюшоном примерно за пятнадцать минут до выстрела стремительно покидал стоянку.

– Что предприняли по его поиску?

– Свидетели показали, что он пошел в сторону Большого Кисельного, мы изъяли видеоматериалы со всех камер в этом переулке и сейчас просматриваем. Есть предположение, что Большой Кисельный точка эвакуации, где ожидал транспорт.

– А что за список, о котором говорил Логинов?

– Список? – Герман сморщился. Дался им этот список!

– Да. Какие-то громкие фамилии.

– Ах, этот, – как бы, между прочим, вспомнил Герман, – мы его получили, просматривая вклады одной из жертв маньяка. Список очень длинный. Все эти граждане вносили один или два раза на ее счет кругленькие суммы.

– На счет жертвы? Что за бред?

– Мы предполагаем, что Рогов и его сообщник вымогали у мужей жертв ежемесячные взносы.

– Так у Рогова был сообщник?

– Есть подозреваемый, хотя прямых улик против него нет, но мы...

– То есть, изнасилованиями они не ограничились?! – грубо перебил Германа Архангельский.

– Судя по всему. Там много разных фактов сегодня выяснилось...

– Герман, не забудьте, что я вас попросил о помощи в деле моего брата, на большее полномочий вам не давали.

– Но, я уже говорил вам...

– Постарайтесь, чтобы Логинов больше мне не звонил. Я сейчас в командировке, а иначе мы бы с вами уже сидели в его кабинете. Завтра я

прилетаю утренним рейсом и сразу поеду в управление, будьте там в девять часов.

– Хорошо.

Герман со злостью отбросил телефон в сторону и хотел снова лечь, но видимо, сегодня устройство сотовой связи решило объявить забастовку здоровому и так необходимому сейчас Герману сну.

– Патрикеев! – рявкнул он в трубку, надеясь, что это не шеф – выслушивать нотации, как вести дела он не собирался даже от него.

– Ух, какие мы грозные, – игриво прозвучал в трубке голос Леры.

Герман откинулся на кровать и шумно выдохнул. От голоса бывшей жены по телу пробежала приятная дрожь.

– Привет. Прости...

– Тяжелый день? – догадалась Лера.

– Угу. Ты откуда звонишь?

– Мы в гостях, но мне вдруг захотелось тебя услышать, и вот...

– Я хочу тебя! – без всякой прелюдии трепетно выпалил Герман.

Послышался тяжелый вздох и Лера тихо ответила:

– Я знаю.

Ее голос звучал так проникновенно, что Герман не выдержал и спросил:

– Когда мы увидимся?

– Я думаю над этим...

– Ты сказала Катюше обо мне?

– Да.

– Что она ответила?

– А что она может ответить? Закричала от радости и сказала, что хочет сейчас же в Москву.

– И когда я ее увижу?

– Она прилетит через неделю.

– Боже, как долго, – простонал Герман и услышал какой-то шум в трубке, – алло, Лера, что там у тебя?

– Мне пора, – быстро ответила она и связь прервалась.

С трудом удержавшись, чтобы не запустить телефоном в стену, Герман включил телевизор и стал просматривать каналы спутникового телевидения. Поймал испанский новостной канал, откинул в сторону пульт и прислушался к словам диктора. Тот говорил о крупной конфискации оружия, переправляемого через границу Венесуэлы.

Телевизионный фон мысленно вернул его в деревенскую лачугу, в которой он прожил последние три года. Старенький телевизор с разбитым деревянным корпусом работал сутками напролет и создавал видимость его присутствия, пока он встречался со своим осведомителем. Окна хижины хорошо просматривались из особняка семейства Родригес, откуда Мария могла следить за его передвижениями. Ее облик на минуту промелькнул в его сознании. Он вспомнил, как она частенько взобравшись на диван с ногами, укладывала его голову себе на колени, поглаживала волосы и напевала при этом лирическую мелодию. Это расслабляло и убаюкивало, в сердце проникала грусть и тонкими струйками, словно нити, обволакивала все тело.

Сейчас Герман жалел о том, что в человеческой памяти нет тумблера, который можно выключить и стереть некоторые события из прошлого. Зачем он в пьяном угаре поставил эту мелодию на телефон? Неужели где-то глубоко внутри он чувствовал, что разбитое сердце Марии будет кому-то не так-то просто склеить. Страстная, а порой и агрессивная, своими бесстыдными вопросами она не раз заставляла его врасплох. Мария отлично распознавала ложь и неискренность, она была ключиком в его операции, и Герман не мог себе позволить фальшь, поэтому отдался нахлынувшему чувству с лихвой. Его глаза стали слипаться и перед тем как заснуть в голове промелькнула разоблачительная мысль: «Почему я о ней думаю?».

Через два часа его пробудил еле слышимый шорох за дверью и, открыв глаза, он стал прислушиваться. Звук повторился, Герман бесшумно поднялся с кровати и крадучись подошел к двери. Осторожно открыв замок, он медленно повернул ручку и резко открыл дверь. На пороге стояла Лера, вид у нее был как у нашкодившей девчонки. От ее губ исходил легкий фруктовый аромат.

– Стучать разучилась? – спросил он, протирая глаза но, скорее, чтоб убедиться, что это не сон.

Она прислонила палец к губам и быстро проскользнула в номер.

– Я не знала, один ли ты...

– Очень смешно. Как ты смогла уйти от мужа? – удивился он, закрывая дверь.

– Его срочно вызвали на завод, там какая-то авария. Охрана привезла меня домой. Я сделала вид, что пошла спать, а сама пробралась через кухню к задней двери и уговорила нашу повариху вывести меня из коттеджа на ее машине.

– Ты сошла с ума! – восхитился Герман, даже не пытаясь скрыть своей радости.

– Знаю. Но мне хотелось тебя увидеть.

– Лера, Лерочка! – тихо произнес он, покрывая ее лицо жаркими поцелуями.

От ласкового напора Лера застонала, глаза закрылись, а обвившиеся вокруг его шеи руки, требовательно притянули Германа к призывно раскрывшимся губам...

&&&

Проснувшись утром, Герман увидел, что Леры в номере уже нет. На тумбочке лежала визитка Красногорского оздоровительного комплекса, на обратной стороне которой она написала: «Сегодня в два часа дня». Положив визитку в карман джинсов, Герман взглянул на часы. Семь утра. Он встал, сладко потянулся и лениво прошел в ванную комнату.

Сегодня ему придется присутствовать при разборках, и хотя он понимал, что эта встреча ничего кардинально не изменит, все равно нервничал.

Ровно в девять часов он поднялся по лестнице на четвертый этаж следственного управления и вошел в приемную Логинова. Увидев его, секретарша расплылась в обворожительной улыбке.

– Вас ожидают, проходите.

Герман вошел в кабинет и увидел, что за столом, как при очной ставке, друг против друга сидят Терентьев и Валерий Сергеевич. По их хмурому виду Герман предположил, что в кабинете до его появления состоялась короткая перепалка. Логинов стоял у окна, сомкнув руки за спиной. Его кустистые брови

сомкнулись в одну сплошную линию и почти прикрыли глаза. Внушительная фигура полковника закрывала собой окно, поэтому просторная комната выглядела мрачно и холодно. Герман вошел в кабинет и сухо поздоровался. Логинов повернулся и в комнату ворвался пронзительный солнечный свет, раскрашивая все вокруг в бело-желтоватые оттенки.

– Проходите, Патрикеев, – Валерий Сергеевич поправил душившие его ворот рубашки и галстук.

Герман поздоровался со всеми за руку и сел рядом с напарником.

– Мы уже объяснили Михаилу, что ваше расследование сильно затянулось и пошло не в том направлении, – глядя на Германа, начал Валерий Сергеевич, – ваша задача сконцентрироваться на деле Алексея.

– В кратчайший срок закончите дело и передайте его в прокуратуру. Я даю вам на это два дня, – выпалил как из пушки Логинов майору.

– Но это невозможно! – Терентьев повернулся вполоборота и кинул на шефа тяжеловесный взгляд. – В этом деле...

– Сорок восемь часов! – оборвал его Логинов, повышая тон. – И не часом больше. Не уложите в срок, этим делом будет заниматься другой следователь!

– Слушаюсь, – Терентьев всем своим видом давал понять, что не согласен с таким решением.

– У вас был карт-бланш, все ресурсы управления даны вам в помощь, а что имеем на выходе?! Очередная теория заговоров?!

– Какой еще заговор? Я веду расследование!

– Вот и расследуй! Где оставшиеся трупы?! Почему ничего не сделано в этом направлении?! Семьям нужно их захоронить, но вы ни на шаг не продвинулись в этом вопросе!

– Рогов не идет на сотрудничество, – глухо отозвался Терентьев.

– А ты кто?! – Логинов почти не сдерживал свое раздражение. Гневливо кидал реплики, сжимая кулаки так сильно, что белели костяшки. – Девица на выданье или профессиональный следователь?! Твоя задача была найти его слабое место и придавить так, чтобы он запел как соловей! Все! Двое суток! Свободен!

Терентьев встал и, не произнеся ни слова, вышел из кабинета. Через минуту Логинов сел в свое кресло, глубоко вздохнул и, смягчив тон, обратился к Герману.

– Я наслышан о ваших успехах в прошлом и в этом деле. Многие факты открылись только благодаря вам и управление за это признательно. Вы человек не должностной и я не могу вам приказывать, но это мое управление и здесь я решаю, как вести расследования и кому. Объясню, как мы поступим дальше. Я окажу вам полное содействие по делу в убийстве Архангельского, но делом Рогова пусть занимается Терентьев, – Логинов помолчал, и уточнил: – Самостоятельно занимается, понимаете?

– Но эти два дела между собой связаны, – упрямо возразил Герман.

Эту фразу он намеренно повторил за майором, чтобы она хорошенько отпечаталась в сознании Валерия Сергеевича. Он-то должен понимать, что действия Логинова затянут процесс расследования и тем самым отсрочат восстановление репутации брата.

– Косвенно – да, напрямую – нет. И мы не намерены лишний раз заострять внимание на этом факте. Терентьев закроет дело Паука и передаст его по инстанциям, а есть ли жертвы, которых отпускал Рогов на свободу, а потом шантажировал, или нет, нас не интересует. Нет заявлений, нет расследования. Так что вы ищите убийцу полковника, а об остальном позаботится Терентьев.

– А если в рамках моего расследования будут возникать новые факты по делу Рогова? Например, информация о Сорокиной?

Логинов нервно кашлянул и перевел красноречивый взгляд на Валерия Сергеевича, давая ему понять, что только чудо удерживает его от ненормативной лексики. Чиновник не заставил себя долго ждать, метнул в полковника встречный взгляд, в котором читался открытый вызов.

«Противостояние Титанов», – подумалось Герману, и губы тронула еле заметная ухмылка.

Выдержав взгляд Архангельского, Логинов схватился за подлокотники рабочего кресла, будто всеми силами заставлял себя усидеть на месте, затем начал барабанить пальцами по дереву.

– Докладывать мне лично, а я решу, что делать с этой информацией. Вам все понятно? – сказал он уже более спокойным тоном.

Герман решил не накалять обстановку и кивнул головой.

– Вот и разобрались. А теперь, оставьте нас с Валерием Сергеевичем наедине.

Поднявшись из-за стола, Герман пружинистой походкой вышел в приемную, где его ждал Терентьев. Они двинулись в коридор, но там поговорить им тоже не удалось, несколько сотрудниц управления разместились возле окна и шумно обсуждали покупку подарка для полковника по случаю дня рождения.

– Пошли ко мне, – сказал майор заговорщицким тоном и стремительно побежал по ступеням вниз.

Герман последовал за ним. В голове крутился только один вопрос: как разделить с Терентьевым в расследовании, если два дела накрепко связаны? Когда они вошли в кабинет, майор быстро произнес:

– Послушай, я знаю, что ты ничем не рискуешь, – дружеский хлопок по плечу Германа. – У тебя нет должности, нет обязательств. Я в отличие от тебя рискую всем. Несмотря на это, я считаю, что мы должны довести дело до конца. Даже если его закроют на этой стадии и передадут в суд.

Герман отшатнулся и возразил:

– Ты не прав, у меня есть обязательства, и я тоже рискую своей карьерой.

– Предлагаю вести расследование вместе, как и раньше. Ты садись в моем кабинете, я – останусь в конференц-зале, Логинов это проверит и успокоится. Он в глубине души знает, что я не остановлюсь. Я проинструктирую Мануйлова и Задорнова, им можно доверять и они будут помогать нам, передавать информацию. Если надо поговорить, то ты мне скидывай смс со словом «обед» и мы встретимся через десять минут в кафе. Там мы сможем спокойно и без лишних ушей обменяться информацией.

– Договорились.

Они пожали друг другу руки и майор сказал:

– Я распоряжусь, чтобы тебе доложили по поводу записей с камер. Ребята почти всю ночь их просматривали. Да, чуть не забыл, тебе выделяют двоих ребят из управления. Ты их не знаешь.

– А нельзя мне дать только Мануйлова? А этих двоих возьми ты, лады?

– Можно, – тут же согласился Терентьев.

Герман тяжело вздохнул, перспективы его не радовали.

– Если тебе будет что-то нужно по делу Архангельского, то сразу поднимайся в конференц-зал. И не привыкай к моему столу, – шутливо произнес майор, грозя ему указательным пальцем, и поспешно покинул кабинет.

Герман откинулся в кресле, размышляя о последних событиях и с чего начать расследование, не затрагивая дело Рогова. После недолгих раздумий, он пришел к выводу, что парень в толстовке, уходивший со стоянки во время погрузки мусорного контейнера, пока единственная зацепка.

«А еще Сорокина!», – подумал он.

Внезапно исчезнувшая сотрудница вылетела в Германию, а дальше ее след растворился. Герман открыл протокол ее допроса и еще раз пробежался по показаниям.

Дверь кабинета резко открылась, в кабинет вошел Валерий Сергеевич и тяжело опустился на стул перед Германом. Вид у него был расстроенный и озадаченный. Сильно сморщенный лоб и поднятые брови придавали его лицу ошеломленное выражение. Герман оторвал взгляд от протокола допроса и вопросительно посмотрел на чиновника, но тот не реагировал. Крамольная мысль пробежала у Германа в голове: «Похоже, меня все же снимают с дела». С минуту он молча разглядывал лицо чиновника, но в итоге решился спросить:

– Вы что-то хотели мне сказать?

Валерий Сергеевич поднял на него глаза и ничего не ответил. Взгляд был пустым и отсутствующим. После вопроса его руки еле заметно задрожали.

– С вами все в порядке? – спросил Герман и дотронулся до его руки.

Прикосновение вывело Архангельского из оцепенения и он, еле разомкнув сухие губы, тихо произнес:

– Мать только что умерла.

– Простите... – сочувственно произнес Герман, – примите мои соболезнования. Я могу чем-нибудь...?

– Нет. Врачи не давали никаких надежд, так что я готовил себя к такому исходу, – ответил Валерий Сергеевич, и словно очнувшись от забытья, спросил: – Так что там с делом Рогова? Почему такой шум вокруг этих фамилий из списка?

– Да я сам не пойму, – пожал плечами Герман. – Никакого отношения эти люди к преступлению не имеют, они жертвы вымогательства. Через них мы можем подобраться к женам и раскрыть схему работы криминального дуэта.

– Но никто из этого списка не подавал заявления?

– Никто. Мы проверили.

– Ну что ж. Нет заявления – нет расследования. В этом Логинов прав. А как этот список может нам помочь в расследовании смерти моего брата?

– Пока не знаю. Мы только начали копать.

– Осмелюсь предположить, что в нем нет фамилии убийцы?

– Уверен, что нет.

– Ну, значит Логинов снова прав. Ищите убийцу, а там видно будет. Если столкнетесь с реальной проблемой, звоните – помогу, чем смогу.

В дверь постучали, и в кабинет вошел Мануйлов. Увидев Архангельского, он сконфужено поздоровался и принес соболезнования. Похоже, что новости по управлению распространялись со скоростью света.

– Михаил Матвеевич прислал меня к вам.

– Проходи, – сказал Герман и показал на соседний стол.

– Не буду вам мешать, – произнес Валерий Сергеевич и открыл дверь.

– Вы звоните, если понадобится моя помощь, – сказал Герман и сочувственно посмотрел ему вслед.

Когда дверь закрылась, Мануйлов разочаровано спросил:

– Так значит, нашу группу разделили?

– Да. Нас теперь только двое, а потому приступим. Что там с записями?

– У нас есть два фрагмента, по которым можно продолжить расследование.

Мануйлов развернул монитор в сторону Германа и запустил запись. На экране появилась картинка снятая камерой с высоты двух с половиной метров. Мимо припаркованных машин быстро прошел мужчина похожий по описанию свидетелей. Темные джинсы, толстовка, скрывающий лицо капюшон. Мужчина прошел до середины переуллка, к нему подъехала черная «Ауди» и он быстро сел

на заднее сиденье. Машина сорвалась с места и, проехав до конца переулка, повернула на Большую Лубянку.

– Здесь он садится в машину, – Мануйлов поставил вторую запись, сделанную камерой со здания напротив, – а тут у нас..., – он сделал паузу, – номер машины.

В кадре был отчетливо виден номер Ауди, которая вывернув с Рождественки, поехала по Большому Кисельному переулку.

– Номер пробил?

Мануйлов кивнул.

– Машина в угоне.

– Что и требовалось доказать, – Герман откинулся на спинку стула, вытянул ноги и сложил руки на груди, – он профи.

– Ясный перец.

– Кирилл, сделай-ка вот что, собери записи с Большого и Малого Кисельного с восемнадцатого апреля и просмотри их внимательно.

– Почему с восемнадцатого? – поинтересовался Мануйлов.

– Потому что Сорокина вышла на работу восемнадцатого, и именно с этого дня убийца стал разрабатывать схему отхода.

– Вы уверены, что Сорокина замешана в этом деле?

– На сто процентов. А почему ты спрашиваешь?

Мануйлов пожал плечами.

– Я ее знал не очень хорошо, но она казалась доброжелательной и общительной. Никогда бы не поверил, что она сообщница убийцы.

– Если бы мы умели заранее распознавать всех сообщников и убийц, у нас не было бы преступлений. А то, что ты видел, это хорошо сыгранная роль. В этом деле целая плеяда звезд, одна другой краше. Ладно, к делу... Когда будешь смотреть записи, обрати внимание на всех, кто появлялся на обоих переулках и вел себя подозрительно.

– Это как? – сдерживая усмешку, спросил Мануйлов.

– А так, – Герман строго посмотрел на него, – озирался, высматривал камеры, менял направление движения. Отбери все подозрительное, а потом мы их вместе уже отсортируем. А я займусь Сорокиной.

Когда Мануйлов с тяжелым вздохом вышел из кабинета Герман решил закурить. Ощупал карманы в поиске зажигалки и обнаружил визитку, которую Лера оставила ему утром. Он совсем забыл про назначенную встречу. Посмотрев на часы, он схватил куртку со стула и быстро выбежал из кабинета.

&&&

Еле успев к назначенному времени, Герман припарковал машину на стоянке и почти побежал к зданию клуба. Чем больше он думал о причине, по которой Лера назначила ему встречу в людном месте, тем сильнее ныло сердце. Где-то под коркой сознания холодом повеяло догадкой – Лера хочет расставить все точки на «і», почему-то он не сомневался, что ее выбор будет не в его пользу.

Отгоняя от себя мрачные мысли, он потянул на себя тяжелую дверь с латунными накладками и очутился в вестибюле с мраморными колоннами. Ему навстречу вышел симпатичный молодой человек восточной наружности в приталенном элегантном белом костюме и, бросив на Германа оценивающий взгляд, спросил:

– Добрый день. Я могу вам помочь?

– У меня здесь встреча, – глаза Германа по привычке сканировали периметр, мозг на автомате оценивал проходящих мимо работников и гостей заведения.

– Ваше имя.

– Герман Патрикеев.

– Я провожу вас к администратору, – сдержанно произнес молодой человек и показал на мраморную стойку рецепции в центре зала.

Судя по паре, которая в данный момент расплачивалась за проведенные дни, публика в заведении была обеспеченной. Герман сразу почувствовал себя не в своей тарелке. Его внешний вид, резко контрастировал с роскошной обстановкой клуба и его гостями. Он подошел к стойке администратора. Мужчина в белом костюме спросил что-то вполголоса у миловидной девицы. Та заглянула в свой журнал, кивнула головой и протянула Герману электронный ключ.

– Господин Патрикеев ваша жена ожидает в номере двадцать шесть. По лестнице на второй этаж и направо.

«Значит, Лера сняла номер на мою фамилию – умный ход, детка».

Герман улыбнулся девушке одной из своих вежливых улыбочек и поднялся на второй этаж по мраморной лестнице застеленной ковровой дорожкой. Нашел нужную дверь и открыл ее электронным ключом. Из номера повеяло «Шанелью №5» – любимыми духами Леры. Перед тем как зайти, он поймал себя на параноидальной мысли, что за ним кто-то наблюдает и оглядел пустой коридор. Затем зашел внутрь, позвал Леру и осмотрелся. В номере никого не было. Через полуоткрытое окно проникал бодрящий ветерок и нежно колыхал белоснежные занавески. Он заметил смокинг, висевший на дверце шкафа в чехле – брюки черного цвета и белый пиджак. На полу лежала обувная коробка, он откинул крышку и увидел черные кожаные классические мужские туфли со шнуровкой.

К чехлу была прикреплена записка: «Переоденься и спускайся в ресторан на патио. Скажи, что твоя жена забронировала шатер».

«Что ты задумала?», – насторожено подумал он и вынул из коробки длинные шелковые носки.

Весь этот маскарад не просто раздражал, а приводил его в бешенство. Почему нельзя просто поговорить? Зачем тащиться пятьдесят километров, чтобы услышать то, что он и так знает?

Герман нехотя надел смокинг, завязал бабочку и вышел из номера. Спустившись на первый этаж, вышел на патио и увидел открытый ресторан, кричащий своей роскошной и стерильно-белоснежной атмосферой. Он был образной формы, в центре стояли три сервированных шатра. Из бара доносилась легкая джазовая музыка. К нему подошла молодая женщина в брючном костюме.

– Здравствуйте. Желаете пообедать?

– Моя жена забронировала шатер, – вспомнил содержание записки Герман и оглянулся по сторонам.

– Как зовут вашу жену?

– Валерия. Мы остановились в двадцать шестом номере.

Женщина взглянула в журнал регистрации и, показывая на дальний шатер, любезно произнесла:

– Пройдемте за мной.

Проходя мимо бара, она спросила:

– Не желаете аперитив, пока будете ждать супругу?

Герман планировал еще вернуться в управление, поэтому отказался.

Шатер был прямоугольным сооружением из крашеного в белый цвет дерева. По центру шатра стоял стол, рассчитанный на четыре персоны. По краям два дивана, между которыми в полу был вмонтирован камин из полированной стали. Стенами шатра служили плотные светлые шторы, которые в этот момент были собраны и прихвачены атласным жгутом. Герман расположился на диване, выбрал из стопки несколько мужских журналов и стал пролистывать страницу за страницей.

Так прошло двадцать минут. Леры все еще не было. Раздражение постепенно отступало, Герман отложил журналы и огляделся вокруг. Расположенные рядом шатры, пока пустовали, но на столах виднелись таблички с надписью «Зарезервировано». Официанты сервировали столики в общем зале, бармен начищал бокалы до идеального блеска. Редкие посетители подходили к бару для того чтобы пропустить стаканчик-другой.

Прохладный ветерок обдувал шатер, и Герман закрыл глаза, подставляя лицо весеннему солнцу. Из груди вырвался вздох облегчения, и именно в этот момент его одиночество прервали торопливые шаги Леры. Услышав до боли знакомый стук каблучков, он открыл глаза и увидел ее. Остатки дурного настроения тут же развеялись как семянки одуванчика на ветру. Лера была в черном облегающем платье. Одной рукой она нервно поправляла непослушную прядь волос, другой прикрывала глубокий V-образный вырез на груди. Вид у нее был как у школьницы, спешащей на первое свидание, и Герман не удержался от улыбки.

Зайдя в шатер, она спросила:

– Надеюсь, ты скучал?

Оценивающий взгляд Германа все еще блуждал по ее телу и лицу.

– Даже не представляешь, как!

– Я тоже, – откровенно призналась Лера и села рядом с ним на диван. – Не думала, что буду так нервничать. У меня ощущение, что я подруга шпиона и нам предстоит повернуть опаснейшее дельце.

Герман улыбнулся и нежно погладил ее руку. В принципе ее слова были не так далеки от истины. Она бросила на смокинг оценивающий взгляд, поправила бабочку и сказала:

– Он тебе очень идет. Это мой подарок. Как ты себя в нем ощущаешь? Непривычно, да?

Ее слова кольнули его самолюбие но, где-то в глубине души он понимал, что она не хотела его обидеть, и ограничился простой констатацией.

– Дорогая, я не впервые надеваю смокинг.

– Правда? – удивилась Лера. – Что-то не припомню такого случая.

– Это было уже после развода, – уточнил Герман и перевел разговор на другую тему: – Ты голодна?

– Да, – выпалила с улыбкой она и сделала еле заметный жест официанту.

Когда официант подошел к шатру, она попросила принести меню и через несколько минут они сделали заказ.

Еще до развода их спасательным кругом во время ссор и размолвок была дочь, вот и сейчас Герман решил применить проверенный способ.

– Расскажи о Катюхе. Я безумно по ней соскучился.

Лера улыбнулась, на лице отразилась легкая печаль.

– Наша малышка выросла, другие интересы, сам понимаешь. Даже когда она в Москве я ее совсем не вижу, занимается в театральном кружке, изучает два языка – французский и английский, ходит в студию танца.

– Все еще танцует? – улыбнулся Герман. – Я думал, она давно уже к этому охладела.

– Они с подружками организовали группу, и выступают с концертами в школах и в детских клубах, так что как видишь, не охладела.

Во время обеда Лера нервничала, хотя и всячески старалась не показывать этого. Но пронзительный как рентген взгляд Германа все подмечал. Он накрыл своей ладонью ее руку и спросил:

– Ты напряжена. Что-то случилось?

Ресницы быстро заморгали, подавляя накатывающиеся слезы, ее другая рука машинально погладила живот. Герман этого не видел, иначе сразу бы догадался. Много лет назад, именно это движение следовало за любым упоминанием о беременности.

– Да нет, ничего такого, просто я все время думаю над твоими словами.

– Какими?

– Ну, ты предложил нам снова...

– И что надумала?

Лера никак не могла произнести то, что намеревалась, прекрасно понимая, что сейчас самый подходящий момент. Сделав над собой усилие, она сказала:

– Я тоже бы этого хотела, но...

– Всегда есть какое-то но, – грустно произнес Герман, убрал свою руку и откинулся на спинку стула.

Посмотрев ему глаза, она поняла, что и сейчас не сможет сказать то, что должна была сказать еще при первой их встрече. Она отлично знала Германа, эта новость предотвратила бы их близость и злилась на себя за слабость и нерешительность, но ей не хотелось портить их последний вечер. А то, что он последний она не сомневалась. Скрывать от него свое состояние она больше не сможет.

– Но..., не сейчас, – сказала Лера, продолжая смотреть Герману в глаза.

– А когда?

– Во-первых, мне нужно убедиться, что ты действительно оставишь свою службу, – попыталась она увести разговор в другое русло.

– Так, – в его тоне почувствовались стальные нотки, – значит, есть и, во-вторых?

– Да. Есть, – и тут же добавила, что первое пришло в голову: – Я планирую открыть свой бизнес – салон красоты и мне потребуется стартовый капитал. Не вижу смысла, именно сейчас бросать мужа. Он обещал дать мне денег и специалистов, которые будут помогать мне на стартапе.

«Что ты несешь, Лера? – подумала она и закусил губу. – Это только разозлит его».

Лера действительно планировала открыть салон, но только лишь для того, чтобы не сойти с ума от одиночества. Муж был постоянно на работе, у дочери своя насыщенная событиями жизнь. Редкие семейные вечера, это все на что она могла рассчитывать. Она поймала себя на мысли, что единственное, чего бы ей сейчас хотелось, это чтобы Герман вернулся на три месяца раньше. Тогда у них бы был еще шанс, но сейчас...

Герман положил руки на колени и внимательно посмотрел на бывшую жену. Она явно что-то недоговаривала и в совокупности с приведенными аргументами, это вызвало в нем прилив раздражения и разочарования.

– То есть, это вежливый отказ? – резюмировал он, вставая из-за стола.

Он повернулся к ней спиной и стал вглядываться вдаль, как будто где-то там он мог найти подходящие слова, чтобы ее переубедить. Но потом сама идея переубеждения показалась ему глупой, пустой, и он ухмыльнулся. Ничего уже не вернуть! Сердце сжалось от тоски и неукротимой боли.

– Я пытаюсь тебе объяснить, как нам следует поступить, а ты насупился и сразу нервничать, – упрямо клонила свою линию Лера.

Интуитивно она понимала, что пусть лучше он будет думать, что она меркантильная, чем узнает о том, что она так и не смогла ему сказать. Безрассудно, может даже по-детски, но где найти силы, чтобы смотреть ему в глаза после того как он услышит новость – безоговорочный приговор для их отношений. Она боялась главного, что Герман спросит в первую очередь, почему она не сказала об этом сразу, как только увидела его в баре отеля? Как объяснить то, что она и сама не понимаешь?

Герман не видел ее глаз и не мог распознать то, что творилось у нее на душе.

– Я не нервничаю. Я пытаюсь разобраться в твоих мыслях, хотя знаю, что это плохая идея. Тебе свойственно построить у себя в голове иллюзорный мир и потом искренне удивляться, почему все не соответствует твоим представлениям.

– Тебя послушать, так можно подумать, что я глупышка, или еще хуже! – обиделась Лера, и с чувством добавила: – Однако мне удалось стать женой уважаемого человека и, что важнее, соответствовать этому статусу. Поверь мне на слово, это нелегко. Нужно разбираться во многих вопросах, чтобы поддержать

разговор в высшем обществе и если бы я была глупышкой, то не смогла бы помочь мужу укрепить его позиции в бизнесе. Он гордится мной и...

Расчет Леры был правильным, с каждым сказанным ею словом, в Германе вскипал гнев. Он вдруг подумал, что кроме дочери и секса у них больше нет ничего общего. Она была уже не той женщиной, которая подала на развод три года назад, мотивируя это тем, что он постоянно подвергал риску свою жизнь. Сейчас ему это казалось простой отговоркой. Ей просто нужна была совсем другая жизнь.

– Лера! – прервал ее Герман. – В России нет высшего общества! Его истребили в 1917 году. А те, кого ты называешь высшим обществом, это дети рабочих и крестьян, которые разбогатели на продаже природных ресурсов страны, тупо разворовывая их. И мне даже думать больно, что ты считаешь себя достойной этих людей! Должно быть наоборот, понимаешь?!

– Но твоя же семья выжила, – сама того не желая, она наступила на больную мозоль.

Лера намекала на дворянское происхождение его бабушки, из-за которого семья после революции подверглась арестам и ссылкам.

– Выжила, но какой ценой? Если это твое единственное достижение за последние три года, мне тебя жаль, – резко парировал он и, повернувшись к ней, добавил: – Ты считаешь, что выйти замуж за богача величайшее достижение в жизни?! Что с тобой, Лера?! Разве раньше тряпки, машины, салоны были главным в твоей жизни? Нет, главным была наша дочь, наша семья, те несколько часов, что нам удавалось провести вместе!

– Ты не прав! – Лера с трудом сдержалась, чтобы не наговорить все, что копилось за эти годы, и чтобы не выдать своих истинных намерений, она лишь повторила: – Не прав!

– Разве? А мне кажется, тебя устраивает такая жизнь, ты довольна и даже гордишься ею. Вот только в ней нет любви, к которой ты привыкла. Поэтому ты так отреагировала на мое появление, ведь я для тебя как глоток свежего воздуха. Ты вспомнила саму себя, ту Леру, которую я всегда любил и продолжаю любить до сих пор! Вспомнила и... испугалась! Ты изменилась!

Герман замолчал, глядя на безмолвно плачущую возлюбленную. Его слова разбередили в ней старательно задвинутые ящички в памяти, и всколыхнули приутихшие обиды.

– Ты не знаешь, что такое годы одиночества, когда просто сидишь и ждешь – вернется, не вернется! Ты не знаешь, что такое испытывать страх каждый день! За тебя, за Катю, за нас! – Лера с силой сжала кулачки. – Я боялась каждый день, каждую ночь, что ты не придешь, что с тобой что-то случится, что тебя....! – ее голос чуть окреп. – Когда ты был нужен, тебя никогда не было рядом! И рожала я тоже без тебя!

– Ты знала это, когда согласилась выйти за меня.

– Да, знала, но и представить не могла, что ты ответишь, когда я умоляла тебя, лежачего на больничной койке, выбрать семью! Помнишь, что ты ответил?

Герман был в смятении, потому что не помнил того разговора. Скорее всего, разговор состоялся между операциями, когда он ненадолго приходил в сознание.

– Ты сказал, что об этом не может быть и речи, – медленно, чеканя каждое слово, проговорила Лера, – на тебе не было живого места, ты был в коме целых две недели, а очнувшись, заявил, что об этом не может быть и речи! Ты хоть можешь представить, что я тогда чувствовала?! – последние слова Лера почти прокричала.

– Я потерял тогда сразу обоих родителей! – вторил ей Герман. – У меня земля уходила из-под ног! Мне нужна была твоя поддержка! А ты трещала как заведенная: «Семья или работа»!

– Не смей разыгрывать эту карту, Гера, – зашипела в гневе Лера. – Они мне были как родные, ты это знаешь. Я тоже скорбела... и после их смерти еще больше боялась тебя потерять. Не одному тебе нужна была поддержка. Я думала, горе сплотит нас... но ты повел себя как... незнакомец... отстранился... застегнулся на все пуговицы.

– Не вижу смысла продолжать этот разговор, – Герман холодно посмотрел на нее, – смокинг я оставлю в номере. Спасибо за обед.

– Уходи! Ты всегда уходишь! И не смей после этого говорить, что ты меня любишь!

Герман ускорил шаг, словно боялся передумать. Сердце рвалось наружу, а кровь оглушительными ударами пульсировала в голове. Никто не мог довести его до такого состояния. Никто... кроме нее!

&&&

Под пристальные взгляды редких посетителей ресторана, Герман стремительно покинул патио и вошел в холл. Он кипел от гнева и обиды, но подленький голосок вкрадчиво шептал в самое сердце: «А чего ты ждал, дурень? Что она все бросит, и помчится за тобой на край света?». Самое ужасное, что Герман прекрасно осознавал ее правоту, жизненную, женскую, материнскую, стремящуюся создать лучшие условия для себя и своего ребенка. Как понимал, что она права и в отношении него, Германа, человека, для кого работа не просто любимое дело, а смысл жизни. Она была права во всем, кроме одного – он по-прежнему любил ее...

Именно в этот момент он почувствовал, как под давлением стресса наружу рвется, словно демон из преисподней, его отшлифованная за три года Легенда. Сами собой расправились плечи, голова взметнулась вверх, а кулаки сжались, как перед долгожданным боем. У Александра Высоцкого таких проблем с женщинами быть не может. Он ни к кому не привязан, никем не дорожит.

Через распахнутые двери в патио он видел как Лера, закрыв руками лицо, сидела на диване. Она плакала. Первым желанием было вернуться и утешить ее, но Легенда взяла вверх и заставила его взбежать по лестнице легко и без сожаления.

Поднявшись на второй этаж, он повернул в коридор и чуть не сбил с ног стройную молодую женщину в облегающем красном платье.

– О, простите, – быстро произнес Герман, поддержав женщину за руку.

– Вы меня напугали! – воскликнула женщина, потирая лоб ладонью.

Ее бездонные зеленые глаза прожгли его до основания. Все внутри всколыхнулось, затрепетало. Немалым усилием он прогнал Легенду во мрак, от чего почувствовал сильное облегчение.

– Вам больно?!

Девушка была очень красива. Черные как смоль волосы, обрамляли ее бледное овальное лицо. Нежно-коралловые губы расплылись в очаровательной улыбке и оголили щербинку на передних зубах. Она была среднего роста и хрупкого телосложения.

– Не очень, – медленно, почти томно произнесла девушка.

– Прошу прощения, – еще раз извинился Герман.

Он обошел ее и хотел уже уйти, но она схватила его за руку и спросила:

– Куда же вы так торопились? О, не говорите, кажется, я поняла, вы поругались с женщиной, с которой ужинали?

– Вы так проницательны, – с сарказмом заметил Герман и подозрительно сощурил глаза.

Теперь, когда она завладела его вниманием, он подметил, что не так уж сильно ее задел, как она старалась показать.

– Только если человек мне интересен, – кокетливо ответила она и, вздернув гордо подбородок, пошла в атаку: – Не желаете чего-нибудь выпить?

Герман подумал, что если бы девушка не встретила ему в заведении, где пребывала его бывшая жена, возможно у них бы был шанс.

– Спасибо за предложение, но я спешу.

Сделав несколько шагов к двери, он услышал за своей спиной грозный мужской голос:

– Алина, на этот раз ты не отвертись!

Герман повернулся и увидел молодого человека в белом костюме, который встречал его в вестибюле. Тот тоже заметил Германа и более сдержанно добавил:

– Мы ведь договаривались, что в наше заведение ты больше не ногой!

– Жан, только не сейчас, – шепотом взмолилась девушка и смущенно оглянулась на Германа.

– А это что такое? – спросил Жан, хватая ее за руку. – Это случайно не браслет дамы из двадцать восьмого номера?

– Нет, нет. Это подарок. Я могу доказать, у меня есть чек, – произнесла взволнованным голосом девушка.

– Ну да, конечно. Так я тебе и поверил. Пройдемся в кабинет управляющей.

Схватив мертвой хваткой девушку за шею, Жан повел ее вниз по лестнице. Герман посмотрел им вслед, хмыкнул и вошел в номер. Быстро скинув смокинг, он надел свою рубашку, джинсы и хотел уже покинуть ненавистное заведение, когда раздался звонок внутреннего телефона. Герман недовольно буркнул: «Слушаю!».

– Добрый день. Вас беспокоит администратор клуба. Ваша жена на сегодня заказала японскую баню О-фуро и комплексный массаж. Вы подтверждаете назначенное время?

Герман понял, что Лера спланировала их совместное пребывание в оздоровительном комплексе до глубокой ночи, а возможно и до утра. Его работа в эти планы, по-видимому, не входила, и успокоил себя тем, что конфликт был в любом случае неизбежен.

– О! Даже не знаю, что вам ответить. Видимо это был ее сюрприз, – спокойно ответил Герман, – вы лучше спросите у жены, она в ресторане на патио.

– Спасибо.

Только сейчас он заметил, что на руке отсутствуют его часы. Он сразу сообразил, что они у девушки в красном платье и память прокрутила перед ним момент, когда она ловко перехватила его руку. Герман усмехнулся. Вот чертовка! Черноволосая красавица оказалась первоклассной воровкой.

Герман бросил тоскливый взгляд на роскошную кровать и вышел из номера. Затем спустился на первый этаж и направился к выходу. Сбегая со свидания, он почувствовал легкий укол по мужской гордости. Сама Лера не работала, выходит, что деньги за их номер и ужин заплатил ее муж, пусть даже сам того не зная. Герман подошел к администратору и вежливо изложил суть вопроса:

– Меня срочно вызывают на службу. Я бы хотел погасить наш счет с учетом всех заказанных услуг. Моя жена пробудет здесь еще какое-то время.

– За вашим номером нет никаких непоплаченных счетов, – ответила администратор, глядя в монитор компьютера.

Сегодня ему не везло. Кивнув головой, Герман направился к выходу. В этот момент через полуоткрытую дверь кабинета управляющей, он увидел ту самую девушку в красном платье. Она сидела на стуле и плакала, утирая слезы

черным от туши платком. Герман остановился и с интересом стал наблюдать за происходящим. По всей видимости, у девушки были серьезные неприятности. На ум пришла идея, как без лишнего шума вернуть часы. Он нащупал в кармане пиджака новенькое удостоверение, которым его снабдили в начале расследования и, постучавшись, вошел в кабинет администратора.

&&&

Худощавая блондинка лет сорока с хмурым выражением на бледном лице величественно восседала за рабочим столом. Ее взгляд буравил периодически всхлипывающую девушку, а красные острые ногти нервно барабанили по столешнице деревянного стола. За ее спиной, сложив руки на груди и широко расставив ноги, стоял помощник в белом костюме и изредка издавал фыркающие звуки, красноречиво показывая свое отношение к пойманной с поличным воровке.

– Мне жаль, но я вынуждена обратиться в полицию. Трудно себе представить какой поднимется скандал, когда обнаружится пропажа, – говорила управляющая клуба, хватаясь за телефонную трубку, когда Герман заглянул в кабинет.

– Разрешите? – нарочито громко спросил Герман, постучав по открытой двери.

– Не сейчас, – резко осадил его управляющая.

Жан откашлялся и вполголоса произнес:

– Это тот мужчина, с которым она столкнулась в коридоре, возможно, она и до него добралась.

Управляющая клубом положила трубку, на лице появилась натянутая дежурная улыбка.

– Добрый день, чем я вам могу помочь?

– Простите, что вмешиваюсь в ваши дела, но я невольно стал свидетелем этого происшествия. Скорее это я смогу вам помочь.

– Представьтесь, пожалуйста? – попросила жестким тоном управляющая, критично оглядев его с головы до ног.

Она не поленилась и даже привстала, чтобы посмотреть на его туфли. Такого цинизма Герман не ожидал, но ему нужно вернуть часы, поэтому он воздержался от едкого комментария.

– Меня зовут Герман Патрикеев. Мы с женой сегодня планировали провести годовщину свадьбы в вашем заведении. Неотложные дела обязывают меня срочно вернуться на службу, – сказал Герман и, подойдя вплотную к столу управляющей, показал ей удостоверение, – мы не занимаемся такой мелкой рыбешкой, – Герман с укором взглянул на Алину, – но я мог бы без лишнего шума, доставить ее в ближайшее отделение. Или вы предпочитаете наряд полиции?

– Она совершила кражу, мы не сможем этого скрыть, – произнесла управляющая, пытаясь оправдать свои действия.

– Положите браслет на место, пока ваша клиентка не заметила пропажу. Я отвезу ее в полицию, – Герман ткнул в сторону плачущей девушки, – а если понадобится ваше заявление, то напишите его в отделении позже.

Управляющая клуба сощурилась, минуту обдумывала слова Германа, потом еле заметно кивнула и бросила многозначительный взгляд на Жану.

– Где был бриллиантовый браслет? – жестко спросила она Алину.

– В шкатулке с украшениями, – смущенно ответила девушка, – только это не бриллианты, а искусная подделка.

Управляющая взяла браслет и внимательно рассмотрела его под лупой.

– А она права, – подтвердила блондинка и отдала браслет Жану.

Тот взял браслет, вытер плоские части платком и положил в карман белого пиджака.

– Тем более нет смысла поднимать из-за дешевки шум, – резюмировал Герман и улыбнулся управляющей.

– Положи его на место и принеси ее вещи, – сказала управляющая Жану.

Когда парень вышел, она подняла глаза на Германа и сказала:

– Пока мы собираем ее вещи, можете ознакомиться вот с этим, – она протянула лист бумаги, на котором была фотография Алины и данные о ее прошлых задержаниях.

Он взял листок и сел в предложенное кресло. Бегло пройдясь по данным, присвистнул и посмотрел на Алину с нескрываемым удивлением.

– Богатое прошлое.

Девушка поняла, что ломать комедию нет смысла. Посмотрела на него с вызовом и философски изрекла:

– Не всем деньги сами сыплются на голову. Некоторым свой кусок хлеба приходится с боем отвоевывать.

– Так уж и с боем? – с иронией спросил Герман.

Управляющая нажала на скрытую кнопку в столе, дверь тут же распахнулась и в комнату вошел амбал ростом под два метра.

– Присмотри за ней, – грубо бросила управляющая и, переведя взгляд на Германа, более кокетливым тоном добавила: – Пройдемте со мной.

Скрытый рычаг на деревянной панели распахнул дверь в стене, приоткрывая роскошную обстановку соседней комнаты. Герман вошел за женщиной и обнаружил уютную гостиную, обставленную в классическом стиле. Женщина расстегнула пиджак, сжимающий грудь, словно корсет и налила себе в бокал минеральной воды.

– Я бы и сама вам приплатила, лишь бы вы ее увезли отсюда.

Герман от удивления вскинул брови.

– Да, я ведь не наивная девочка, понимаю, почему вы вмешались. Ни в какое отделение вы ее не повезете.

– Тогда..., – Герман чуть помедлил, – почему подыграли мне?

– Тут такое дело, – управляющая сделала два глотка воды, оставляя на стекле красный след от помады, – я знаю ее с детства. Пять детей в семье, Алина старшая. Ее отец потерял работу на заводе и в надежде срубить быстрые деньги стал играть в карты с местными отбросами. Как-то здорово проигрался и его «приятели» расправились с ним в пьяном угаре. Именно Алина нашла его изуродованное тело, тогда ей было тринадцать. Зрелище, говорят, было жуткое. Мать и так была с приветом, а после гибели мужа совсем слетела с катушек и ее положили в психушку. С тех пор Алина сама заботится о братьях и сестрах. Если я дам ее полиции, дети останутся одни и служба опеки распределит их по разным детским домам.

Герман обратил внимание как при упоминании о детях, у женщины смягчился взгляд.

– Так что я в этом случае, просто закрою глаза. Надеюсь, вы отвезете ее домой.

– Она промышляет здесь кражами? – спросил Герман, уже зная ответ на свой вопрос.

Утвердительный кивок головы подтвердил его догадку.

– Сколько ей лет?

– Девятнадцать, – быстро ответила управляющая, – уже достаточно взрослая, чтобы нести ответственность за свои решения.

В комнату вошел Жан и поставил на пол коричневую кожаную сумку.

– Это все ее пожитки? – надменно спросила управляющая.

– Да, – ответил парень и придвинул сумку к представителю закона.

Управляющая протянула Герману свою визитку и, улыбаясь, сказала:

– Я ваша должница. На бесплатный ужин не рассчитывайте, но скидка постоянного клиента вам обеспечена.

Когда Герман вернулся в кабинет управляющей, охранник угрожающе нависал над хрупкой фигурой Алины. С шумом Герман поставил сумку на стол, громко заявляя о своем присутствии, и спросил у охранника стальным голосом:

– Где тут у вас ближайшее отделение полиции?

Охранник резко отпрянул от девушки, и Герман увидел красный след на ее запястье. Усилием воли, он подавил в себе дикое желание врезать ему промеж глаз.

– Как выедите на трассу, на третьем светофоре повернете налево, – небрежно бросил охранник, все еще не сводя взгляда от напуганной девушки.

Герману хотелось защитить ее, но сначала нужно преподать урок. Он кивнул головой, грубо схватил ее за локоть и вывел из здания клуба. Она шла, не сопротивляясь с обреченным выражением на лице. Глядя на нее, Герман изо всех сил старался не рассмеяться. Посадил девушку в машину на заднее сиденье и кинул сумку ей на колени. Затем завел мотор и с издевкой спросил:

– В полиции ты частый гость, так что в представлении не нуждаешься. Небось, всех уже сотрудников в лицо знаешь!

– Делайте свое дело. Везите в отделение, а там я сама как-нибудь разберусь, – со злостью бросила Алина, вытирая слезы одноразовым платком.

– Разберется она, – ворчливо пробубнил Герман, – у тебя там все схвачено? Крутая что ли?

– А что, не видно?! – она с вызовом смотрела на Германа в зеркало заднего вида.

– Нечего на меня злиться, на себя злись. Я тебя воровству не обучал.

– Я краду только у богатых и делюсь с «крышей», как положено. Это Жан жулик забрал деньги и подставил меня.

– И кто «крыша»? – спросил Герман, и его тут же осенило. – Управляющая! То-то мне показалось странным, что она про тебя так много знает.

– Вообще-то, она моя тетка, – огрызнулась Алина и тут же добавила: – Двоюродная.

– Что?! Твоя тетка?

– Только я вам ничего не говорила! – испуганно выпалила она.

Герман кинул на нее мимолетный взгляд и усмехнулся. Ему вспомнилось, как в детстве он на спор, украл у друга отца из кармана серебряный портсигар.

– А кто эта женщина, что с вами обедала? – любопытствовала Алина.

– Моя бывшая жена, – ответил Герман и сам не понял, почему перед ней отчитывается.

– Если так, то почему тайком встречаетесь?

– Обед в людном месте трудно назвать тайным. Нам нужно было обсудить накопившиеся вопросы.

– Предположу, что вопросы так и остались нерешенными.

– Вроде того, – раздраженно бросил Герман, с болью вспоминая заплаканное лицо Леры.

– Все равно, она выглядит напыщенной сумасбродкой, – ревниво произнесла Алина.

– Она не сумасбродка, а мать моего ребенка. Ясно?

– У вас дочь? – спросила Алина улыбаясь.

– Что, на лбу написано?

– Ну, вы не смогли пройти мимо, проявили интерес. По вашему виду я сразу поняла, что клеиться ко мне вы не станете, поэтому и предположила, что у вас есть дочь и я вам ее напостила.

– Убедительно, – согласился Герман, – тебе на психолога учиться надо.

– Не-а, я хочу детективом стать и раскрывать убийства! – произнесла она вполне серьезным тоном.

Герман не удержался и прыснул.

– Детективов в нашей стране нет. Есть следователи.

– А может, я уеду в другую страну, туда, где есть детективы, – наивно, почти по-детски выпалила девушка.

– Где ты живешь, Клариса Старлинг? – улыбаясь, спросил Герман, оглядывая почерневшие от времени деревянные дома по обе стороны улицы. – Нячиться с тобой некогда, понимаешь?

– Остановите, я сама до дома доберусь, – обрадовалась Алина.

– Ну, уж, нет, – отрезал Герман, – я тебя до дома довезу, чтобы совесть моя была чиста, а то мало ли что с тобой случится в таком наряде.

– Ой, не думала, что теперь сотрудники полиции таксистами подрабатывают, – с ехидцей произнесла Алина, но Герман не придавал ее словам никакого значения. – Сверните здесь направо и остановите около второго дома.

Герман свернул с дороги, и заехал в поселок городского типа. Остановил машину около второго дома, посмотрел вокруг и сказал:

– Даю второй шанс, потом везу в полицию и отдувайся там сама. Так, где твой дом?

– В конце улицы, – обреченно призналась девушка и отвернулась.

Герман медленно поехал вперед по грунтовой дороге. Когда машина подъехала к обветшалому барачу, он увидел детей разного возраста, дерущихся за мяч. Маленькая девочка с длинными прямыми волосами, обхватив худенькими ручонками футбольный мяч, кричала во весь голос, что это ее мяч, и она никому его не отдаст. Алина тут же встала и кинула обеспокоенный взгляд на девочку.

– Ну, кажется, приехали, – сказал Герман, останавливая машину.

Открыв дверь, Алина выскочила из машины и тут же оказалась в толпе ребятишек.

– А ну, отвалили от нее, придурки! – закричала она на ребятню, отгоняя их от вцепившейся в мячик девочки. – Кому сказала?!

Затрещина одному из самых задиристых пацанов была звонкой, и наблюдающему за всем этим Герману стало не по себе, словно это его Алина огрела по затылку.

– Она украла мой мяч! – обиженно завопил мальчишка, на всякий случай, отодвигаясь от Алины. – Мой мяч, понятно?!

– Я хотела поиграть, а они не дают! – заплакала девочка.

– Маша, отдай мяч, он не наш, – командным голосом произнесла Алина и протянула руку.

Девчушка насупилась и с чувством откинула мяч в сторону. Толпа мальчишек понеслась за мячом, а Маша разразилась душераздирающими слезами.

– Не плачь, Машутка, я куплю тебе другой. Он будет самым красивым на этой улице, обещаю. А когда я обещаю, значит, что...? – интригуяще спросила Алина, поглаживая сестренку по голове.

– Значит, сделаешь! – радостно воскликнула девочка сквозь слезы.

Глаза мгновенно высохли, и Маша, прижавшись к ноге сестры, пожаловалась.

– Я кушать хочу.

– Зови всех, я сейчас что-нибудь приготовлю, – сказала Алина и, посмотрев на Германа, помахала ему рукой.

Герман ухмыльнулся и спросил:

– Ты хотела знать, почему я тебе помог? Это был единственный способ вернуть мои часы.

Девушка расплылась в виноватой улыбке и показала на заднее сиденье.

– Я оставила их в машине.

Герман протянул руку, нащупал часы – подарок отца, и тут же надел на запястье. Затем завел мотор и хотел уже отъехать, но услышал детский голос:

– Дядь, а у тебя есть визитка?

Он повернулся и увидел мальчишескую голову, выглядывающую из-за забора.

– А надо? – сдерживая улыбку, спросил Герман.

Тот быстро приблизился к машине, Герман заметил увесистую кожаную визитницу в его руках. Открыв ее, мальчик гордо сообщил:

– Я коллекционирую визитки, понимаешь, дядь?

– Да как не понять! – в тон ответил Герман, с легким удивлением разглядывая не по годам предприимчивого мальчугана.

– Да! Их у меня больше, чем у всех других вместе взятых на нашей улице, – гордо произнес мальчик.

Ему было лет шесть не больше, оттопыренные уши и раздвоенный на кончике нос придавали ему забавное выражение лица.

– Ну-ка покажи, что у тебя там, – сказал Герман.

Мальчик с гордостью развернул визитницу, и Герман увидел визитки разного дизайна.

– Сколько же ты их уже собираешь?

– Два года, – весомо произнес мальчик, – но мне иногда помогают. Вот эту Алинка принесла, – и мальчик показал визитку, на которой красивым шрифтом было выведено имя заместителя мэра крупного подмосковного города.

Герман сразу понял, что чиновнику «посчастливилось» стать очередной жертвой Алины. К ним подбежала Маша и крикнула:

– Жека иди домой, Алинка кушать готовит.

– Мне пора. Бывай, дядь, – деловито попрощался мальчик и пошел за сестренкой, – а чего она принесла?

– Ничего, – коротко отрезала Маша.

– Холодильник же пустой! Чего она приготовит?

– Не знаю, – отмахнулась Маша и после паузы добавила: – А мне она мяч обещала купить! Настоящий, понял?!

Герман посмотрел на уходящих детей, и сердце защемило от жалости. Может Алина и права, он безумно соскучился по дочери и накопившуюся заботу расточает на других детей. Он резко нажал на газ и выехал из поселка. Доехал до

ближайшего супермаркета, закупил продукты, которые еле уместились на двух тележках, и загрузил их в машину.

Вернувшись к дому Алины, он посигналил и через секунду из окна выглянул Женька, размахивая визитницей.

– А мне еще две визитки дали! – закричал он.

– Скажи Алине, чтобы вышла на минутку! – громко приказал Герман и открыл багажник.

В сопровождении мелкоты, Алина вышла на улицу.

– Ну, чего еще?! – она настороженно смотрела на пакеты, которые Герман выкладывал из багажника.

– Ну-ка, схватили по пакету и марш на кухню! – скомандовал Герман замершим вокруг Алины ребятишкам.

– Ничего не трогать! – приказала Алина и, обращаясь к Герману, недовольно спросила: – Зачем это?!

– Не переживай, – спокойно ответил он, – это детям. Только не надо ничего говорить, – поспешил добавить Герман, видя, как вспыхнули глаза Алины, – и ты мне ничего не должна.

Женька посмотрел на Германа хитрыми глазками и, схватив пачку пряников, побежал в дом.

– Стоять! – скомандовал Герман. – Взял один пакет и понес.

Женька неохотно вернулся к машине и, подняв пакет, сказал:

– А пряники я оставлю себе.

– Оставь, там еще есть, – незаметно усмехнулся Герман и, взяв четыре пакета с продуктами, громко спросил: – Ну, где тут у вас кухня?!

Женька обогнал щедрого незнакомца и побежал в дом. Войдя следом, Герман прикинул, что ремонт не делался лет двадцать, а то и больше. Обои кусками свисали со стен, старые доски рассохлись и между половицами проглядывали большие щели. Но, как заметил Герман, несмотря на плачевное состояние дома, дети выглядели чистыми и ухоженными. Пройдя на кухню, он поставил продукты на большой деревянный стол и подозрительно принялся к еде, которую готовила Алина.

– Что это? – спросил он у пробегающего мимо Женьки.

– Грибы! Сушеные! – кинул на ходу Женька и умчался за следующими пакетами.

– Грибы? – с недоверием повторил Герман, и брезгливо потянул ноздрями, – да уж...

Появившаяся с пакетами в руках Алина оборвала Германа на полуслове.

– Когда закончите переносить продукты, закрой машину, – сказал он и бросил ей ключи от «Хонды».

Алина ловко поймала ключи и состроила гримасу. На кухню вошла девочка в коротеньком цветастом сарафане и уставилась на гостя. На вид ей было лет двенадцать-тринадцать, именно в таком возрасте была его дочь, когда он уехал на последнее задание. Дешевое платьице на худеньком тельце и наивные, по-детски доверчивые глаза вдруг вызвали в Германе щемящее чувство жалости, приглушить которое оказалось не так-то просто.

– Как зовут? – Герман прочистил внезапно охрипшее горло.

– Варя, – смущенно произнесла девочка, глядя куда-то в сторону.

Зазвонил его телефон. Герман положил пакеты на столешницу из пластика, который порядком растрескался.

– Ты где? – услышал он в трубке недовольный голос Терентьева.

– В Подмосковье, – пространно ответил Герман, отмечая настороженный взгляд только что вошедшей Алины, – что-то случилось?

– Я тебе смс скинул. Чего не отвечаешь?

– Я не видел, телефон не под рукой, – объяснил Герман, и снова спросил: – Так что случилось-то?

– Мануйлов кое-что нашел на записи с видеокамер.

– Хорошо. Я скоро выезжаю и сразу в управление. Ты еще будешь там?

– Шутишь? Забыл про Логиновские двое суток?!

– Как тут забудешь, – проворчал Герман и разъединил связь.

Дети столпились возле стола и с любопытством разглядывали гостя. Вопросительно переглядывались между собой и пожимали плечами.

– Вы уезжаете? – грустно спросил Женька.

– Долг зовет, – с улыбкой ответил Герман и, оглядев через кухонное окно сад, добавил, глядя на Алину: – Красиво тут у вас.

– Этот сад посадили бабушка и дедушка... давным-давно. Еще до маминого рождения, – сказала Варя, – там есть яблоки, слива, груши и вишня.

– И еще крыжовник, – добавил Женька, показывая исцарапанные руки.

Глядя на детей, внутри Германа все переворачивалось с ног на голову. Он понимал, что уйти просто так не может. Поэтому взглянул на Алину и жестким тоном приказал:

– Возьми паспорт, доедем до сбербанка.

– Зачем? – удивилась Алина.

– Потом объясню.

подавляя подкативший к горлу комок, Герман попрощался с детьми, быстро вышел из дома и пошел к машине.

Алина вышла через пятнадцать минут. В спортивном костюме и без макияжа, она теперь была больше похожа на девятнадцатилетнюю девушку. Когда она села в машину, Герман вдавил педаль газа в пол, машина рванула вперед. Сидя на заднем сиденье, она с опаской поглядывала на новоиспеченного покровителя, судорожно соображая, чем это знакомство может для нее обернуться.

Когда они доехали до банка, Герман вышел из машины и жестом показал идти Алине за ним. Отделение сбербанка было просторным помещением с белыми стенами и зеленой стойкой из пластика, отделяющей служебную зону от клиенткой. Подойдя к окошку кассира, он взял паспорт из рук Алины и просунул его под стекло.

– Нам необходимо открыть счет.

– Для каких целей? – безразличным тоном спросила кассирша внушительных размеров.

– Вклад для расчетов, – уточнил Герман, быстро прочитав виды счетов в брошюре.

Когда счет был открыт, кассирша выдала Алине под роспись пластиковую карту сбербанка.

– Подожди меня в машине, – приказным тоном кинул Герман девушке и та, не говоря ни слова, пошла к выходу.

Герман извлек из портмоне свою банковскую карту, протянул ее кассирше.

– Переведите, пожалуйста, с этой карты на ту, что открыли пятьдесят тысяч рублей...

...Герман сел в машину, посмотрел на сжавшуюся на заднем сиденье Алину и наградил ее сдержанной полуулыбкой.

– Все, сейчас отвезу тебя и поеду. Дела.

– Ты что, деньги мне на счет положил?

– Да. Но это только на питание детям. Понятно?

Всю дорогу она молчала и только когда он остановил машину у ее дома, спросила:

– Ты... еще приедешь?

– Скорее всего, нет, – честно признался Герман. – Завязывай с воровством и береги себя.

Она нервно кивнула и выскочила из машины, пока он не увидел, как на глаза наворачиваются слезы.

Глава четвертая

Логово Паука

Погруженный в свои мысли Герман выехал на Волоколамское шоссе и через несколько километров встал в пробку. Перед глазами стояло семейство Комбаровых (фамилию он подсмотрел в паспорте Алины в сбербанке). Большая семья, которой у него никогда не будет и о которой он мечтал всю жизнь. Ему вспомнилось, как они с Лерой планировали второго ребенка, но перед последним заданием все пошло наперекосяк...

От воспоминаний его отвлек мобильный телефон.

– Патрикеев, – ответил он на звонок.

– Есть новости, – услышал он голос Ефима в трубке.

– Говори, – Герман прогнал ностальгию и заставил себя настроиться на рабочий лад.

– Сын Мансуровой лежит в госпитале, – быстро отчеканил Ефим и, предрекая следующий вопрос Германа, добавил: – Проверил все платежи опекуна по кредиткам и обнаружил, что каждый месяц он оплачивал медицинские счета госпиталя, которые, кстати, на кругленькие суммы. Так же сегодня засветилась

кредитка Сорокиной. Она заправлялась бензином и совершала покупки продуктов в десяти километрах от больницы, в которой лежит сын Мансуровой.

– Понятно. А чем он болен?

– Мне пока не удалось найти его в списках больных, видимо он лежит под чужой фамилией. Но он точно там, отчим трижды в месяц оплачивает парковку на больничной стоянке, а сам он ничем не болен, не покупает никаких лекарств, так что я решил, что в этой больнице лежит сын Мансуровой.

– У меня есть еще одна просьба, узнай все, что сможешь про молодую особу по имени Алина Комбарова, живет в Истринском районе.

– Она имеет отношение к нашему делу? – уточнил Ефим.

– Возможно, – слукавил Герман, ему не хотелось, чтобы шеф знал о его интересе к молодой особе и тут же перевел разговор на другую тему: – Что там с передачей сигнала?

– Ответ будет с минуту на минуту.

– Нет времени, Фима. Край как нужна вся информация по спутнику.

– Я делаю все, что в моих силах, – лаконично ответил Ефим и связь разъединилась.

Через полчаса Герман зашел в холл следственного управления. Первый, кто попался ему навстречу был Мануйлов.

– Ты куда?

– Обед, – следователь выразительно постучал по тощему животу.

– Работы невпроворот, так что питаться будем в походном режиме. Как насчет пиццы?

– Вполне себе походно! – улыбаясь, ответил Мануйлов.

Поднявшись на второй этаж, они зашли в кабинет Терентьева.

– Ну, выкладывай, – скомандовал Герман, устраиваясь за столом.

– Я нашел его на записях с видеокамер за двадцатое апреля, – сказал Мануйлов и открыл сохраненные записи на рабочем столе компьютера.

Запустив видео, Мануйлов стал комментировать:

– Здесь он в кепке и стеганой куртке, видите? – дождавшись кивка Германа, следователь продолжил: – Вот идет по Большому Кисельному переулку, выходит на Малый. Там он покрутился, осмотрелся и подошел к стоянке

управления. Постоял около мусорных контейнеров и собирался уже уходить, как в это время на стоянку заезжают наши друзья. Та же машина, те же работники. Вот они забирают мусор, а он стоит поодаль и наблюдает. Видимо тогда у него и родился этот план, использовать мусороуборочную машину для прикрытия выстрела.

– Да, похоже на то, – согласился Герман, внимательно вглядываясь в черно-белое изображение.

Убийца полковника был очень спокоен. Несколько минут он неподвижно стоял на стоянке, спрятавшись за темный внедорожник. Герман сразу определил в нем профессионального киллера: передвигается быстро, как молния, но если застыл, то практически сливается с окружающей обстановкой, одет в неприметную одежду, кепка с большим козырьком скрывает лицо не только от камер видеонаблюдения, но и от прохожих. Худощавый, высокий, походка быстрая, пружинистая, казалось любая опасность, и он со скоростью света тут же сорвется с места и скроется из виду словно фокусник.

– Вечер того же дня, – сказал Мануйлов и поставил вторую запись, – Сорокина выходит из управления и идет к своей машине. А вот и наш «герой».

Герман увидел, как на записи мужчина в кепке выныривает из-за дерева, подходит к машине Сорокиной, садится на заднее сиденье и примерно через пять минут она отъезжает с ним со стоянки.

– Терентьев это видел?

– Конечно. Только Сорокиной след простыл.

– По моим сведениям она сейчас находится на территории Люксембурга.

– Что же она задумала? – удивленно произнес Мануйлов, все еще не веря в ее причастность.

– Она едет к сыну Мансуровой. Он лежит там в госпитале.

– А зачем он ей? – изумился Мануйлов.

– Вот это нам и надо выяснить. Логинов у себя?

– Нет. Он почти сразу уехал после утреннего разгона. Такого еще с ним никогда не было. Обычно он говорит секретарю куда едет, но сегодня махнул рукой и поминай, как знали.

– Ну, раз периметр чист, пойдём к майору, – предложил Герман и вышел из кабинета.

Поднявшись на четвертый этаж, они зашли в конференц-зал и увидели Терентьева, одиноко сидящего за большим овальным столом.

– А где свита? Почему начальство в одиночестве скучает? – с усмешкой спросил Герман.

– Работают, как и начальство, – буркнул Терентьев и, вскинув правой бровью, спросил: – Видел «Голстовку»?

– Только что.

– Что намерен делать? – спросил майор.

– Пойду за уликами, – пространно ответил Герман.

– А они есть? Мужика с записи камер наблюдения по базе не пробьешь, его лицо постоянно скрыто под кепкой. Сорокина исчезла, и нет никакой информации о ней.

– Информации много, – ответил Герман и пересказал разговор с Ефимом.

– Пойду пиццу закажу, – в конце рассказа жалобно произнес Мануйлов, выразительно хватаясь за живот, – на вас рассчитывать?

– Да, закажи нам парочку мясных, – сказал майор и вынул из кармана деньги.

Когда дверь за Мануйловым закрылась, Герман неспешно закурил, сел напротив майора и спросил:

– А у тебя что нового?

– Установили слежку за адвокатшей и Грозовым. Новости хорошие, он присматривается к новой жертве. Пока не хочу его трогать, вдруг спугнем и ищи ветра в поле. Вот только Логинов упрется, будет настаивать на немедленном аресте. Поэтому мне нужно придумать план, к которому даже Логинов не придерется.

Докрасна растертые уши красноречиво говорили, что как раз этим майор и занимался, когда коллеги вошли в конференц-зал. Герман задумчиво поскреб подбородок и спросил:

– Если Рогов в изоляторе, то с кем Грозовой будет работать в паре?

– Может, замену нашел? Я не удивлюсь, если Рогов заранее об этом позаботился.

– Мне обещали сегодня дать адрес приема сигнала с места последнего преступления. Так что готовь группу захвата.

– Вот с этого и нужно было начинать разговор! Если кто забыл, напоминаю – у нас осталось меньше двух дней!

– Должно хватить, – уверенно произнес Герман.

Зазвонил мобильный телефон, Герман взглянул на дисплей и по заблокированному номеру догадался, что это Ефим.

– Адрес записывайте, – важно изрек невидимый помощник.

Взяв ручку и листок бумаги, Герман сделал знак майору и подрагивающей от волнения рукой стал записывать.

– Я пробил этот адресок, – пояснил Ефим, – с него неоднократно заходили на один и тот же сайт в течении трех последних лет, но сейчас сайт заблокирован.

– Спасибо, – пробормотал Герман, глядя на лист с коряво написанным адресом.

– Звоните, если понадобится! – бодро ответил Ефим и разъединил связь.

По виду Германа, Терентьев сразу догадался, что новости хорошие и замер, не сводя взгляда с напарника. Убрав телефон, Герман протянул майору листок с адресом и расплылся в улыбке.

– Ну что Миша? По коням?

Терентьев вскочил со стула, схватил листок и тут же продиктовал адрес кому-то по внутреннему телефону. От мысли, что дело сдвинулось с мертвой точки, его глаза возбужденно горели.

– Неужели мы, наконец, попадем в логово Паука? Мне даже не верится! – потирая руки, довольным тоном произнес майор.

– Не говори гоп, пока не перепрыгнешь. Может это не его дом, а какая-нибудь прачечная, – усмехнулся Герман...

– Типун тебе! Сам знаешь на что!

&&&

Герман сидел в Опеле майора, прислонившись щекой к стеклу. Из-за непогоды скорость автомобиля не превышала двадцати километров в час. Какофония городских и автомобильных звуков то и дело врывается в салон, нарушая установившуюся тишину. Задумчивый взгляд Михаила неотрывно следил за разноцветным потоком машин и Герман понял, что его мысли блуждают далеко отсюда, возможно даже в загадочном логове Паука, которое рисовалось в сознании Германа как мрачное и унылое место – памятник безумию и необузданной жестокости.

Небо для усиления драматического момента, словно по задумке режиссера фильма в стиле «Нуар»³, заволочло свинцовыми тучами, из-за чего день стал похож на сумрак, сжимающий поток машин со всех сторон. На стеклах оседали одинокие мелкие как крупинки соли капли дождя. Серая туманная дымка, извиваясь как змея, струилась у ног прохожих. Окна стремительно запотевали, Терентьев, повернув регулятор температуры, и включил обдув на максимальную мощность.

Сбор общей группы был назначен за квартал до установленного адреса. Майор и Герман чудом подоспели к назначенному времени и подошли к группе быстрого реагирования. Спецназовцы в полной экипировке расположились вокруг капота машины, на которой был разложен план участка с тремя строениями, и слушали последние указания командира.

– Привет! – с улыбкой поприветствовал командир Терентьева, они пожали друг другу руки.

– Герман знакомься, это мой младший брат Вячеслав, – с еле уловимой гордостью произнес майор.

– Да мы вроде как знакомы, – улыбаясь, пробасил командир и пожал руку Герману.

– Здоров! – расплылся в ответной улыбке Герман. – Значит, командир? Поздравляю!

– Сам-то как? Сто лет тебя не видел, – поинтересовался Вячеслав.

³ Нуар – жанр американского кинематографа 1940-х -1950-х годов, запечатлевший атмосферу пессимизма, недоверия, разочарования и цинизма, характерную для американского общества во время Второй мировой войны и первые годы холодной войны.

– По всякому, – пространно ответил Герман и внимательно оглядел группу, – из вашего выпуска больше никого?

– Никого, – хмуро бросил командир.

Улыбка быстро сползла с лица спецназовца, Герман понял, что из всего потока Вячеслав единственный кто выжил и с сочувствием посмотрел на бывшего ученика.

– И откуда ты знаешь этого кренделя? – шутливо спросил майор и пихнул в бок своего брата.

– Так это ж Патрик! – расплылся в улыбке Вячеслав и, дружески похлопав по плечу Германа, добавил: – Мой бывший инструктор и куратор.

– Едрить тебя через коромысло! – протяжно произнес удивленный майор.

– Ты же говорил, что дело мое поднял, – подковырнул Герман коллегу и прищурился.

– Еще раз уточняю, не я, а шеф, – Терентьев отмахнулся и кивком показал брату на карту.

Командир показывал на отмеченные точки вокруг дома.

– Зайдем с трех сторон группами по три человека. Эти места самые выгодные для наших позиций. На участке три строения. Два монолитных дома и деревянная баня. Проведем зачистку и доложим об обстановке. Оставляю вам одну рацию, чтобы держать в курсе, но без надобности эфир не засорять.

– Будьте осторожны, – предупредил майор, – мы не знаем, сколько там людей. Возможно, все входы тщательно просматриваются камерами.

– Мапочка опять волнуется, – съязвил Герман и скривился в улыбке.

Командир дал команду и группа рассредоточилась. Через короткие сообщения по рации, Герман и Терентьев слышали о передвижениях группы, о занимаемых позициях и готовности каждой. Терентьев нервно курил, Герман, напротив, закрыл глаза, спокойно слушая доносящиеся из рации короткие донесения команды. Шипящий звук унес его в события трехлетней давности и на время он выпал из реальности. Ему слышались отрывистые доклады товарищей, разрезающие тишину жаркого утра. Перед глазами мелькнул образ «Подружек» и «ППМ», которые прикрывали его отход с только что освобожденным заложником.

– Участок и строения зачищены. Можете входить, – доложил командир группы.

Герман не шевелился, майор тронул его за плечо и показал в сторону своей машины. Напарник тряхнул головой, освобождаясь из плена воспоминаний, и поднялся на ноги. Через три минуты «Опель» затормозил у дома. Из центральных ворот уже выходили бойцы из группы и, попрощавшись с майором, направились к подъехавшему микроавтобусу с затемненными окнами.

Попав на участок, Герман оценивающе осмотрелся и издал мелодичный свист. Логово Паука оказалось не мрачным сооружением, а современным коттеджем, построенным явно не российским архитектором. По форме и использованным материалам чувствовалось дыхание Европы.

– Жилье по высшему разряду, – восторженно произнес Патрикеев.

Терентьев что-то ворчливо буркнул и пошел вперед по асфальтированной дорожке. У каждого строения на входе стояли по два спецназовца. Из трехэтажного дома вышел Вячеслав и махнул им рукой.

– В доме только прислуга. Хозяина нет но, вроде как, должен сегодня прилететь из Швейцарии.

– Отключи в доме всю телефонную связь, соберите мобильные телефоны и закройте прислугу в одной комнате, – распорядился Терентьев.

Войдя в дом, майор повернулся к Герману и сказал:

– Вызову технарей и экспертов, а ты пока осмотришься.

Терентьев позвонил в управление и доложил обстановку Логинову. Закончив доклад, он убрал телефон в куртку.

– Логинов скоро будет, – помолчав, Терентьев добавил: – Просил придержать информацию.

– Надо думать, – весело усмехнулся Герман.

– Ты о чем? – насторожился Терентьев.

– Ой, не делай вид, что не понял, – съязвил Герман, – ваш уважаемый полковник увидел в списке, можно сказать, до боли знакомую фамилию, а может, и не одну. Вот и хочет убедиться, что кое-какие улики в протокол не попадут.

– Во-первых, Логинов всегда приезжает, если дело резонансное, во-вторых, это вполне нормально, увидеть в списке знакомую фамилию, учитывая его

положение. И, в-третьих, если эти знакомые фамилии ни в чем не замешаны, то он, ясен перец, не захочет, чтобы они попали в сводку, – невозмутимо ответил майор.

– А ты, я смотрю, его защищаешь, – вполголоса проговорил Герман и прищурился.

– А ты, похоже, никому не веришь, – в ответ парировал ему Терентьев.

Обстановка вокруг напарников накалялась, Герман махнул рукой и пошел по коридору, разглядывая интерьер.

– Мне иногда кажется, что ты не доверяешь даже самому себе, – проворчал майор ему вслед и вошел в просторную столовую. – Добрый вечер! Меня зовут Михаил Терентьев, я следователь прокуратуры. Мы с коллегами проведем обыск дома и возьмем у вас показания, – обратился он к испуганной прислуге и показал ордер на обыск.

&&&

Сложная геометрия дома, дополненная морским динамизмом конструкций, резко контрастировала на фоне темной сочной зелени хвойного леса. Залитые ослепительным белым светом узкие вертикальные окна от цоколя до крыши шли вдоль торцевых стен. Цоколь дома был обшит доской черного цвета. Первый этаж имел отдельный вход и выполнял функцию гаража и мастерской. На втором этаже располагался просторный прямоугольный холл, из которого можно было попасть в гостиную, кабинет, кухню и столовую.

Потолок длинного коридора был стеклянным, и через него просматривалась изумрудная вода бассейна, расположенного этажом выше. На третьем этаже было два уровня, на одном располагался бассейн и тренажерный зал, а на другом Герман обнаружил просторную гардеробную и три спальни. Только одна из них оказалась жилой, остальные видимо, выполняли функцию спален для гостей. Интерьер дома на всех этажах был идентичный. Вся корпусная мебель встроена в стены, тем самым создавая иллюзию большого пространства. По всему периметру дома в потолке была размещена скрытая подсветка, которая автоматически меняла цветовую гамму окрашивая белые стены и мебель в разные цвета.

Осматривая дом, Герман решил проникнуться его атмосферой, влезть в оболочку хозяина и почувствовать его привычки и пристрастия. Обходя комнату за комнатой, он примерялся к вещам, которые, по его мнению, принадлежали Пауку. На втором этаже он посидел в кресле за рабочим столом в кабинете. Затем зашел в столовую и сел в кресло хозяина дома, которое выделялось своим размером и стилем. Терентьев разговаривал с прислугой и краем глаза наблюдал за его действиями но, погруженный в свои мысли, Герман не обращал на присутствующих никакого внимания.

После этого он поднялся на третий этаж, нашел в раздевалке перед бассейном новые плавки, на которых виднелся ценник магазина. Скинул с себя одежду, надел плавки и нырнул в бассейн. Проплывая над стеклянным дном, он увидел удивленные глаза майора. Терентьев погрозил ему указательным пальцем и показал в сторону двери, через которую уже входил в дом полковник Логинов. Оценивающим взглядом полковник оглядел коридор и прилегающие к нему комнаты. Заметив через стеклянный потолок плавающего Германа, полковник сначала от неожиданности пригнулся, потом раскрыл рот от удивления и замер. Зрелище завораживало. Майор тут же представил, как вместо напарника в бассейне, плавно изгибаясь, плавают длинноногая девушка. Его фантазию прервал громогласный возглас полковника.

– Черт знает что! Тьфу!

Герман сделал несколько кругов, затем принял горячий душ, оделся и поднялся на второй уровень третьего этажа. Зайдя в хозяйскую спальню, он прилег на кровать поверх белоснежного одеяла. Потолок спальни был так же стеклянным и через него хорошо просматривались хвойные деревья и открытая площадка на плоской крыше, на которой разместились несколько деревянных шезлонгов. В стене рядом с кроватью, Герман обнаружил пульт управления и нажал на первую кнопку. Из колонок встроенных по всей комнате зазвучала классическая музыка. Нажав на вторую кнопку, Герман увидел, как потолок спальни медленно стал затягивать голубой металлический тент. Третья кнопка сменила режим освещения на более интимный и закрыла рольставни на окнах. Он нажал на последнюю клавишу и в белоснежной глубокой ванне, которая была расположена здесь же в спальне, полилась вода. Когда вода заполнила ванну на

половину, клапан автоматически отключился, и в комнате снова воцарилась тишина. Герман хмыкнул, поскреб подбородок и еще раз оценивающе оглядел личные апартаменты владельца дома.

Спустившись на первый этаж, он столкнулся с полковником, который раздавал приказы только что прибывшим экспертам. Увидев Германа, Логинов негодуяше воскликнул:

– Патрикеев! Наконец-то вы почтили нас своим вниманием! Накупались и уже везде успели наследить? Надеюсь, ваша инспекция была не напрасной?

Чтобы остудить пыл Логинова, Герман зачесал назад еще влажные после плавания волосы и многозначительно произнес:

– Человек, живущий в этом доме большой эстет. Ему скорее за пятьдесят. Очень умен и образован. Общителен, но бывает время, когда он замыкается в себе и закрывается в этом доме на длительный срок. Возможно, он состоит советником у высокопоставленного лица и имеет доступ к секретной информации, скорее всего, через военный частный сектор. На работе его ценят за умение хранить секреты, блестящие аналитические способности и действовать при необходимости жестко. Он серый кардинал, плетущий заговор и ловко расставляющий сети. Эгоист, поэтому по своей природе одиночка, но у него есть дети, возможно даже больше трех и все от разных женщин, которые навряд ли были его женами. Семейная жизнь не его конек и после нескольких попыток он прекратил поиск той самой единственной и довольствовался непродолжительными романами. Пижон, его гардероб очень тщательно подобран. Педантичен. Очень требователен к себе и к окружающим. Постоянно совершенствуется и много путешествует. Ведет здоровый образ жизни. Не любит фотографироваться. В доме нет ни одной его фотографии. Возможно, это связано с его видом деятельности, а возможно у него темное прошлое. Сдержан в эмоциях, и обладает большой силой воли. Пока все.

Герман, отошел в сторону и нарочито спокойно закурил сигарету. Полковник на минуту опешил, сверля глазами протеже Архангельского, но потом повернулся к своим сотрудникам и спросил:

– Вам все понятно?

Ответом было напряженное молчание. Терентьев схватил Германа за локоть и зашипел:

– Умник, маршируй за мной от греха подальше.

Герман вошел в столовую за майором и стал издали скучаяще наблюдать за допросом прислуги. Следователи кропотливо собирали информацию о хозяине дома, и постепенно Герману стало понятно, что его выводы полностью подтвердились.

&&&

Из допросов прислуги следователи узнали, что хозяином участка является Лурье Соломон Яковлевич. Теперь у них имелось точное описание его внешности: средний рост, худощавое телосложение, узкие плечи, вытянутое лицо, карие глаза, густые брови, волосы с проседью зачесаны назад. Со слов прислуги следователи собрали полную информацию об образе жизни и привычках хозяина. Когда Лурье жил в доме, то он отпускал прислугу ровно в семь часов вечера, после этого времени беспокоить хозяина, было категорически запрещено. Гостей Лурье звал редко, но если устраивал званые ужины, то публика приходила из высшего общества. Женщин домой не приводил, хотя, что он делал после семи часов вечера, никто не знал и дом для прислуги был построен так, что ни одно окно не выходило на участок и коттедж Лурье.

Прислуга сообщила, что хозяин был требователен и сдержан на похвалы. Всего в штате было семь человек: дворецкий, повар, три горничных, водитель и сомелье. Повар и дворецкий постоянно жили в домике для прислуги, остальные уезжали по домам, пользуясь общественным транспортом.

Всех работников допрашивали по-отдельности. Особое внимание Герман обратил на сомелье и водителя. Эта парочка явно была ближе всех к хозяину. Сомелье резко выделялся от остальных манерой говорить, на допросе вел себя очень уверенно и высокомерно. Когда он сидел в столовой с остальными, то ни с кем не общался и держался особняком. Водитель же заметно нервничал и постоянно поглядывал то на часы, то на сомелье.

Подойдя к Задорнову, Герман проинструктировал вполголоса:

– Насядьте на водителя и сомелье. Допрашивайте, чередуясь, задавайте те же вопросы, под разным углом. Перед допросом промаринуйте их в ярком освещении, – кивком Герман показал на диммер – регулятор яркости освещения, которыми был оснащен весь дом.

Задорнов вскинул на него удивленные глаза и кивнул головой. Герман дал знак майору, и они прошли в кабинет.

– Лурье – псевдоним, а не настоящая фамилия хозяина, – сделал окончательный вывод Герман, садясь в кресло.

– Почему ты так решил? – спросил Терентьев. – Недвижимость оформлена на его имя, счета оплачивались с его банковской карты. А в банке открыть счет по поддельным документам невозможно.

– Соломон Яковлевич Лурье умер 1964 году. Он был знаменитым филологом и историком античности. Возможно, хозяин дома взял его имя в знак уважения к своему кумиру. Я думаю, такому человеку ничего не стоит укатить в страну, у которой с Россией нет договора о выдаче преступников, и сильно удивлюсь, если он сегодня прилетит в Москву. Когда водитель должен поехать в аэропорт за хозяином?

– В восемь, – ответил майор и взглянул на часы.

– Надо его встретить, только по-тихому.

– Само собой, – сказал Терентьев и, просмотрев записи в блокноте, добавил: – По описанию прислуги он и близко не похож на Рогова.

– Мне кажется, хозяин этого дома – мозг преступной группы. Это главарь, он управлял преступной шайкой, – сказал Герман.

– Опять ты про свою шайку-лейку, – усмехнулся Терентьев, – а может, он просто получал от Рогова видео и использовал его в своих..., так сказать, интересах.

– Все равно, это сговор с преступными намерениями.

– Это совсем другое. Рогов нашел рынок сбыта и нет здесь никакой шайки. Одиночка он, говорю же тебе, а ты слушать меня совсем не хочешь. Ходишь тут умничаешь при начальстве, и меня идиотом выставляешь, – проворчал майор.

Герман удивленно посмотрел на Терентьева:

– Не думал, что мои слова так тебя заденут. Надо же какой ты чувствительный. Твой брат бы такого никогда не сказал.

– Мой брат – это мой брат, а я – это я, – констатировал майор и, взглянув на напарника, спросил: – Вот с чего ты взял, что он серый кардинал, да еще и консультант в военном секторе?

– Это просто – по книгам, которые он читает.

Терентьев хотел продолжить расспрос, но в комнату влетел возбужденный Мануйлов и громко произнес:

– Пойдемте скорее! Техники обнаружили в подвале потайные комнаты!

Все трое сбегали вниз по лестнице на цокольный этаж, в который вела дверь, скрытая под стеновой панелью. За дверью располагалось винное хранилище. Одна из стен была раскрыта, и с торца виднелся замок. За хранилищем открывалась просторная комната.

– У всех есть перчатки? – спросил майор и, убедившись, заглянул в комнату, нашел выключатель и включил свет.

Внутри они обнаружили техническое помещение, оснащенное компьютерным оборудованием. Так же в комнате стоял кожаный диван и платяной шкаф для одежды.

Осмотрев шкаф, майор почесал затылок.

– Странно.

– Что именно? – спросил Герман.

– Складывается ощущение, что одежда для двоих разных мужчин. Один, высокий, другой среднего роста.

Экраны мониторов были все выключены, а на столе лежали недокуренная сигара и чашка с остывшим кофе на дне. Герман понюхал сигару и сказал:

– Ее курили примерно сутки назад.

– По показаниям прислуги мы знаем, что хозяин дома планировал уехать с водителем в девять вечера, но никто этого подтвердить не может, все были в это время в гостевом домике. Сам водитель эту информацию не подтверждает, говорит, что шеф не пользовался машиной.

– Я проверил. Из этой комнаты есть дверь, которая ведет на маленькую кухню и подземный туннель, – сказал Мануйлов, показывая на две узкие двери.

– А чего один поперся?! – недовольно спросил майор. – А если бы ты наткнулся на преступника?

– Да не было здесь никого, – пожал плечами Мануйлов, понимая, что Терентьев, в сущности, прав – сунулся, никого не предупредив.

Следователи осмотрели кухню и выход в туннель. Когда они вернулись в комнату, Герман посмотрел на оборудование.

– Технику не трогать. Мне нужно сделать пару звонков. Я шас...

Поднявшись на первый этаж, он набрал номер телефона шефа, а слышав его голос, поздоровался и спросил:

– Я могу использовать для оперативной работы Ефима?

– Исключено, – ответ прозвучал решительно, но любопытство взяло верх, и генерал спросил: – Что там у тебя?

– Да мы технику кое-какую нашли но, боюсь, спецы из управления с ней не справятся.

Шеф задумался и через несколько секунд изрек:

– Хорошо. Но условие: его никто не должен видеть рядом с этой вашей техникой.

– И как вы это себе представляете? – Герман вскинул правую бровь. – Я не могу разгонять или приказывать сотрудникам не смотреть на него!

– Тогда ограничь круг людей до минимума и заранее их проинструктируй.

– Понял, сделаю, – ответил Герман и поспешил в подвал, заранее предвидя реакцию майора.

&&&

Герман шел по опустевшим коридорам коттеджа и представлял Лурье. Вот он запирает после семи вечера дом, и обходит, словно сторожевой пес, свои владения. Убедившись, что дом пуст, он спускается через винный погреб в потайные комнаты и с этого момента начинается его вторая жизнь, сокрытая от прислуги и знакомых. Туннель явно был проложен для секретных встреч и скрывал его ночных гостей от посторонних глаз. С кем он встречался? Что обсуждал? Приходил ли сюда Рогов? Что вообще может быть общего у такого

стратега и аналитика, образованного человека с инженерным складом ума и маньяка без чувства сострадания, убивающего беззащитных женщин?

Герман вошел в потайную комнату.

– Миша, тут такое предложение, ты пока повремени с техниками из управления, ладно? Я вызову своего человечка, он здесь быстро разберется.

– Белены объелся?! А что я Логинову скажу? – мгновенно вскипел Терентьев, красноречиво покрутил пальцем у виска и удивленно уставился на напарника.

– Придумай что-нибудь, – холодно ответил Герман, – я уверен, что там ловушек не счесть, Лурье свою картотеку на обозрение всем не оставит. Здесь нужна работа ювелира, а не мясника.

Майор чертыхнулся и на минуту задумался. Он прекрасно понимал ход мыслей напарника и тоже не хотел рисковать.

– Связался с чертом – пеняй на себя! – майор с осуждением взглянул на Патрикеева, затем повернулся к коллеге. – Кирилл, кто еще знает про эту комнату?

– Иван, – Мануйлов показал на стоящего у входа в подвал паренька – и вы. Больше никто.

– Вот и держите рот на замке, – грозно произнес Терентьев и, обращаясь к Герману, добавил: – Когда Логинов уедет, так и быть, позовешь своего ювелира.

Все вышли из потайной комнаты и закрыли дверь. Кирилл и Иван остались закладывать подход к двери ящиками с вином, воссоздавая первоначальный вид.

– Кирилл проследи, чтобы прислуга никуда не расходилась и когда соберут все показания, принеси мне копии протоколов. И дай знать, когда уедет Логинов.

– Хорошо, – кивнул Мануйлов.

Поднявшись по лестнице на первый этаж, майор и Герман выпустили подоспевших коллег из винохранилища, закрыли скрытую дверь и вернулись в кабинет. Терентьев, сжав кулаки, встал посреди комнаты и внимательно оглядел интерьер. По напряженному лицу казалось, он искал не улики, а повод, чтобы разбросать и растоптать содержимое стеллажей. Майор сел за рабочий стол Лурье и стал просматривать содержимое выдвижных ящиков. Это были канцелярские

товары, оплаченные коммунальные счета, паспорта бытовой техники, и ни одного мало-мальски важного документа.

– У него должен быть сейф в доме... и не один, – задумчиво произнес Терентьев.

– Вряд ли мы здесь найдем что-нибудь, – холодно отозвался Герман.

– Почему?

– Он не дурак. Здесь, на виду у всех – сомнительно.

– И где тогда искать?

– Учтем его склонность к потайным комнатам.

Терентьев обыскал все стеллажи, затем снял пиджак и, протерев рукавом рубашки взмокшее от пота лицо, сел на диван.

– Итак, – многозначительно сказал он и посмотрел на Германа, – подытожим. Видео с последнего места преступления передавалось через спутник в этот дом, мы уже примерно понимаем куда именно. С этого же адреса, раз в три месяца, кто-то заходит на таинственный сайт и размещает информацию, предположительно, видео. После размещения видео, трафик посещения сайта зашкаливает.

– Они размещали видео, которое могло заинтересовать определенных людей. Возможно это некое сообщество по интересам...

– Мы знаем, что это не порнография, – поспешил вставить майор, – ею никого сейчас не удивишь, и цикличность трафика говорит, что интерес к сайту проявлялся только раз в три месяца. Значит это убийство.

– Согласен, – Герман кивнул и сложил руки домиком. – Это может быть убийство жертв Паука.

– Но Паук убивал не каждые три месяца, случались беременности и тогда трехмесячный цикл рушится, – напомнил Терентьев и докрасна растер ладонями уши.

Герман кинул на напарника пытливый взгляд. Майор был прав, тут было что-то другое.

– Значит, если мы сможем загрузить видео на этот сайт, мы узнаем, кто просматривает запись в онлайн режиме? – продолжил свою мысль майор.

– Не совсем так. Мы узнаем IP-адреса, а вот куда они нас выведут, уже второй вопрос.

– Но шанс есть? – с надеждой в голосе спросил майор.

– Возможно.

В комнату вошел Мануйлов и, протянул копии протоколов допроса.

– Логинов только что уехал.

– Отлично! – воскликнул майор и, обращаясь к Герману, добавил: – Звони «ювелиру».

Герман вышел в коридор и набрал номер Ефима, через три гудка связь прервалась и после минутной паузы Ефим перезвонил.

– Фима. Ты мне срочно нужен.

– Слушаю, – с готовностью отозвался Ефим, послышался хруст, видимо парень разминал пальцы.

– Ты не понял, ты мне нужен в доме по тому IP-адресу, который ты раскопал.

– Только если пошлете за мной машину с охраной, – ответил Ефим через пару секунд раздумий.

– Зачем тебе охрана? – удивился Герман.

– Чувак, я многим дорожку перебежал, – с нарочитой наглостью выпалил Ефим, – говорю тебе, если я нужен, присылай водителя с машиной и охрану.

– Хорошо, будет тебе карета и эскорт, говори адрес, – хакер одновременно интриговал и раздражал Германа своей таинственностью.

Ефим продиктовал адрес, Герман вернулся в кабинет и протянул его майору.

– Ему нужен водитель с машиной и охрана. Думаю, пару человек будет достаточно.

– А он кто? Не тот ли смельчак, что на днях взломал переписку «Белого дома»? – с усмешкой спросил Терентьев. – Говорят, это был хакер из России.

Герман кивнул головой.

– Типа того.

– Ладно, – Терентьев пожал плечами, – группа быстрого реагирования подойдет в качестве охраны?

– Вполне, – Герман только представил лицо хакера при виде такого эскорта и не сдержался от ехидного смешка.

Михаил вышел из дома и застал младшего брата говорящего по мобильному телефону. В ожидании майор закурил и когда взгляды братьев встретились, сделал еле заметный кивок в сторону центральных ворот и медленно пошел по дорожке.

– Что ты хотел? – спросил Вячеслав нагоняя брата. – А то мне с группой нужно возвращаться на базу.

– Подожди пока с базой. Есть еще для тебя работенка, – майор огляделся по сторонам и добавил: – Нужно по-тихому привезти сюда одного зашифрованного айтишника, а после того как он сделает работу, отвезти назад.

– Он что, тоже с разведки? – Вячеслав с интересом смотрел на брата. – Вижу, работа с Германом...

– Нет, – недовольно перебил его Михаил, – дело не в Германе, хотя это его человек. Мы в подвале обнаружили комнатку, натканную разными шпионскими штучками. Никто про нее пока не знает. Так вот, чтобы вскрыть такое оборудование, нужно сильно попотеть. Мы хотим привлечь хакера к работе, он типа теневого. Сечешь?

– Ты сильно рискуешь, – поморщился Вячеслав и почесал затылок, – Логинов, конечно же, не знает, иначе ты бы со мной не шушукался.

Терентьев отвел глаза в сторону.

– Мне кажется, вам этот домик принесет больше вопросов, чем ответов, – Вячеслав кивком показал на коттедж.

– Ты как всегда прав братишка, но я справлюсь. Не сомневайся.

– Ладно, давай адрес. Сам за ним поеду. Остальных нужно отпустить, – и посмотрев на открывающиеся ворота, добавил: – А вот и ваша гвардия приехала.

Майор оглянулся на скрип ворот и увидел, как на территорию въехали две машины из следственного управления.

– Да и вот еще, – Терентьев оглянулся и, понизив тон, сказал: – Слав, когда привезешь его, встань на месте сбора за квартал отсюда.

– Зачем? Давай я ему на башку черный мешок нахлобучу!

– Ты в своем уме? Так ты еще больше к нему внимания привлечешь!

– Добро, когда приедем позвоню, – ответил Вячеслав и двинулся к воротам, по рации отзывая своих бойцов...

Глава пятая

Паутина

Через открытую дверь напарников обдало холодное затхлое дыхание темного туннеля. Ледяной ветер вырвался наружу и взъерошил им волосы. Гнетущую тишину нарушал шум промышленного вентилятора, прикрепленного где-то под сводчатым потолком – Герман так и не смог рассмотреть место крепления. Терентьев нащупал выключатель в стене, и узкая вереница ламп дневного света помигала, словно сомневаясь, а затем осветила узкий бетонный туннель. Первые метры напарники двигались вдоль правой стены, стараясь хорошенько осмотреться на предмет ловушек. Далее туннель изогнулся дугой. Терентьев нащупав кобуру на поясе, расстегнул и вынул пистолет. Еще пятьдесят метров и дневной свет сменился одинокими почерневшими лампами, словно предвещая наступление кульминации мрачных пристрастий хозяина дома. Расстояние между лампами все увеличивалось, и Герман вынул из кармана фонарик. Туннель изгибался то вправо, то влево, неустанно заглатывая тьму. Впереди идущий Терентьев замедлил ход.

– Мне кажется или мы поднимаемся вверх? – спросил майор.

– А черт его знает, – раздраженно буркнул Герман и посветил вокруг фонариком, – вроде, поднимаемся.

Его одолевало предчувствие, что этот туннель не сулил им ничего хорошего. Он гадал, за каким же поворотом их настигнет тайный ход или ловушка и они не заставили его долго ждать. Сделав следующий шаг, Терентьев услышал щелчок под ногами и замер.

– Ты слышал? – испугано спросил он.

– Да, – тут же отозвался Герман и посветил им в ноги.

Лоб майора покрылся испариной, он не сомневался, что угодил в расставленную Лурье для непрошенных гостей западню. Плитка под ногой майора была резко очерчена трещинами по швам. Герман освятил пол по периметру и, ухватив напарника за пояс, швырнул его что было сил вперед. Как только нога

майора соскользнула с места, секция из четырех плиток рухнула вниз, издавая жуткий грохот. В туннеле мгновенно потух свет. Луч фонарика Германа запрыгал в темноте и осветил в полу черную зияющую дыру, из которой наружу, словно подземный змей, вырвался тошнотворный запах гниения.

– Черт, что там?! – потрясенным голосом воскликнул майор.

Герман подполз к дыре и, освятив раскрывшуюся перед ним пропасть, сказал:

– Похоже, мы не одни проявили интерес к этому туннелю.

Майор придвинулся к краю пропасти, похожей на колодец и увидел лежащий на дне полуразложившийся труп в полицейской униформе.

– Ядрена вошь! Да он же из наших!

Терентьев хотел включить рацию, но Герман напомнил:

– Только после того как сработает хакер.

– Черт бы тебя побрал! – выругался майор со злостью.

Задерживаться на месте желания ни у кого не было. Герман осторожно обошел зияющую в полу дыру и они продолжили путь. Медленно двигаясь вперед по туннелю и пройдя еще метров пятьдесят, напарники уперлись в тупик.

– Отлично! И куда теперь?

Фонарик осветил выступ, к которому был подведен провод и Герман нажал на выступающую часть стены. Проход в конце коридора открылся, и фонарь осветил помещение похожее на гараж.

– Сюда, – ответил Герман и первым шагнул через высокий порог.

Через несколько секунд оба услышали, как часть бетонной стены за их спинами снова со скрежетом вернулась в прежнее положение, скрывая от посторонних глаз жуткий туннель. Они оказались в просторном кирпичном помещении. Вдоль боковых стен были установлены металлические стеллажи, на которых лежали инструменты и полупустые банки с краской.

– Замок врезной, сувальдный, пять ригелей, – осмотрел Герман замок на входной металлической двери и, покопавшись, открыл его отмычкой. Распахнул дверь настежь и вышел из гаража.

Майор вышел за ним следом и увидел соседнюю улицу, на которой они собирались с группой перед захватом.

– Когда мы ждали конца операции, отсюда выезжала машина?

Немного подумав, майор ответил:

– Нет.

Герман прошел вперед и увидел прилегающий к гаражу небольшой двухэтажный дом. Он дал знак Терентьеву, и они медленно побрели вдоль кирпичного здания, всматриваясь в окна.

У майора зазвонил телефон.

– Терентьев.

– Это Долгин, – слышалось в трубке, – только что звонили из вырезателя, – Долгин сделал короткую паузу и выдал на одном дыхании: – Скороходов младший убит.

– Что?! – Терентьев замер как вкопанный и растерянно посмотрел на Германа.

– Заколот прямо в сердце. Логинов уже отправил в вырезатель криминалистов и двоих из вашей группы.

– Ясно, – сказал Терентьев, делая знак Герману, что хочет сообщить нечто важное, – держи меня в курсе.

Майор сообщил напарнику новость и чертыхнулся.

– Концы рубят, – философски изрек Герман, – значит, мы на верном пути. И после этого ты продолжаешь верить, что Паук – одиночка?

– Черт его знает, во что теперь верить!

Герман помрачнел и отвел глаза, молниеносная догадка проскользнула в голове и крепко засела в сознании, словно надоевшая мелодия. Как он раньше до этого не догадался? Ведь первые сомнения появились еще в начале расследования, когда он узнал, как именно устроилась на работу Сорокина. Майор заметил перемену настроения напарника и вопросительно поднял брови.

– Думаю, у них есть свой человек в следственном управлении.

– Не-е-ет, ты рехнулся? – майор мгновенно вскипел от гнева.

Глаза Терентьева лихорадочно бегали из стороны в сторону, дикое предположение резануло до боли, хотелось крепко приложиться кулаком к смазливой мордахе Патрикеева, но майор из последних сил сдержался. Где-то

глубоко внутри он понимал, что наличие в управлении стукача все объясняет, но как же не хотелось в это верить!

– Говорю тебе, у них с самого начала был кто-то, кто сливал информацию. Этот человек работал у вас еще до Сорокиной. Именно он сказал ей о вакансии главного бухгалтера.

– Допустим... но как узнать кто именно? Эта вакансия не была тайной за семью печатями, о ней знали все, кто имел дело с бухгалтерией, а с ней контактируют все наши сотрудники.

– Ладно, об этом потом. Что сейчас-то делать будем? – спросил Герман и жестом указал на дом.

– Давай подождем Славика, он скоро уже должен подъехать, – предложил майор и в этот же момент у него зазвонил телефон. Посмотрев на номер, Михаил уныло улыбнулся. – Помяни черта.

Майор объяснил брату куда ему нужно подъехать и через минуту машина опергруппы затормозила у ворот гаража. Подойдя к джипу, напарники увидели на заднем сиденье зажатого между двумя широкоплечими бойцами худощавого паренька с бледным лицом.

– Ну, здоров, – нарочито грозно сказал Патрикеев, протягивая раскрытую ладонь, и представился: – Герман.

Ефим вяло пожал руку и с опаской посмотрел на своих телохранителей. По его сконфуженному виду, было заметно, что парень никак не ожидал такого сопровождения.

– Оставь мальчика в машине, – негромко сказал Терентьев брату, – давай пока, обследуем этот дом.

Втроем они подошли к деревянному крыльцу. Терентьев громко постучал в дверь, но на стук никто не отозвался. Несколько секунд они прислушивались к звукам, но в доме стояла звенящая тишина. Майор постучал громче, после чего сделал знак брату. Вячеслав уже приготовился выбить дверь но Герман тронул его за рукав:

– Дай-ка я. Не нужно шума. Набегут соседи, нам это ни к чему.

Вячеслав отошел назад, загоразивая остальных своей внушительной фигурой, и огляделся вокруг. Герман вынул из кармана пиджака набор отмычек.

Поколдовав с минуту над замком, он открыл дверь и проскользнул в маленький холл первым. С оружием наизготове они рассредоточились по комнатам. Стены холла были отделаны высокими деревянными панелями из ореха, похожими на кабинеты государственных учреждений советского периода. Командир поднялся по лестнице на второй этаж, а Герман и Михаил свернули в просторную кухню-гостиную.

Терентьев остановился у камина, разглядывая расставленные в линию фотографии.

– Ты глянь, так это ж сомелье, – он показал на крайнюю фотографию.

– И водитель, – Герман ткнул на соседнюю фотографию, на которой были запечатлены сомелье и водитель вместе.

Не зря эта парочка привлекла его внимание. Он мысленно восстановил в памяти картинку допроса – сомкнутые в замок руки сомелье, водитель все время посматривал на часы. Туннель выходил к их дому, значит, о ночных гостях хозяина они были хорошо осведомлены. А что если он смотрел на часы не из-за хозяина? Возможно, ему зачем-то нужно было контролировать туннель.

Майор внимательно осмотрел фотографии и глубокомысленно изрек:

– Фамилии у них разные, но они точно родственники. Отец и сын?

Герман сопоставил внешнее сходство водителя с женщиной лет пятидесяти и предположил:

– Скорее отчим.

– Надо же! Какие молодцы! Никто из них даже словом не обмолвился, что живут в одном доме и являются родственниками, причем близкими!

– И прислуга промолчала, – напомнил ему Герман.

В эту минуту в комнату вошел Вячеслав и шепотом произнес:

– В спальне на втором этаже спит пожилая женщина. Насколько я понимаю, она больна... и чем-то серьезным – комната заставлена медицинским оборудованием.

– Как же они ее оставили одну? – Терентьев посмотрел на брата, затем перевел взгляд на Германа.

– Не знаю, – ответил Вячеслав и пожал плечами, – на кресле рядом с окном лежат журнал и женские очки. Нужно искать сиделку.

– У нас нет основания для обыска. Нужно сваливать...

– Поздно, – прервал прения Герман и показал на женщину подходящую к дому.

– За мной, – скомандовал Вячеслав и вывел их в сад, через кухню.

Все трое бесшумно обогнули дом и замерли у торцевой стены. Дождавшись, когда женщина зашла в дом и поднялась на второй этаж, они быстро вышли на улицу. Герман огляделся по сторонам, припаркованных машин нет, а значит, они никого не спугнули. Тогда почему так нервничал водитель? А что если у них был план на такой случай? В очередной раз неприятное предчувствие защемило в груди.

Майор набрал номер Задорнова и сказал:

– Задержите водителя и сомелье.

В трубке послышался нервный кашель.

– Сомелье почувствовал себя плохо, – встревоженным голосом доложил Задорнов, – его увезла «Скорая». А водитель в сопровождении двух наших машин поехал в аэропорт встречать хозяина. Мы же с вами согласовали этот вопрос.

– Черт! – ругнулся майор. – Хорошо, как только встретите Лурье, сразу везите всех в управление и не спускайте с них глаз до моего приезда.

Убрав телефон в куртку, майор посмотрел на Германа и сказал:

– Ну, выйти-то мы смогли, а как войти?

– Не бойсь, зайдем.

Герман дал знак Ефиму выйти из машины. Бойцы разомкнули ряд, и Ефиму со второй попытки удалось покинуть джип. Он прикрыл дверь, огляделся по сторонам, будто боится слежки и размял затекшие ноги. Это был парень лет двадцати, среднего роста, худощавый, с сильно оттопыренными ушами и крупным вытянутым носом. Волосы длинные, модно подстриженные. Куртка и джинсы в стиле милитари висели на нем как на вешалке, придавая его тщедушной фигурке еще более чудаковатый вид.

Идя к гаражу, он с опаской поглядывал на Вячеслава.

– Ну, вы блин даете! Прислали за мной Кинг Конга. Маму мою перепугал!

– Никого я не пугал, – басисто запротестовал Вячеслав, – мы мило поговорили, и она его отпустила, даже печенье дала в дорогу.

– Мама? – переспросил майор и расплылся в ехидной улыбке. – Ты живешь с мамой?

– Принц Чарльз тоже живет с мамой, и никто его за это не осуждает, – огрызнулся Ефим.

Терентьевы переглянулись и затряслись от беззвучного смеха. Герман с осуждением посмотрел на коллег, давая понять, чтобы оставили мальчишку в покое.

– На, возьми, – сказал Герман, и протянул перчатки Ефиму. – Добро пожаловать на оперативную работу.

Михаил и Герман открыли дверь гаража и вошли внутрь.

– Куда вы меня привезли? – разочарованно спросил Ефим, разглядывая банки из-под краски на стеллажах.

– Тихо! – буркнул на него майор.

Напарники осмотрели каждый сантиметр стены и не нашли ни кнопки, ни рычага.

– Ищем что-то, что откроет замок потайной стены, – тихо сказал он, глядя на озадаченный вид вновь прибывших.

Герман заметил на полу протертые круги, оставленные от перемещения крайнего стеллажа, чуть отодвинул полупустой стеллаж, стена поддалась, отъехала на десять сантиметров и остановилась. Вячеслав схватился за оружие, а Ефим пригнулся и машинально отскочил за его спину.

– Без нервов, мы уже все там проверили, – успокоил их майор.

Герман повернул стеллаж на девяносто градусов, и бетонная шершавая стена с глухим скрежущим звуком, откатилась на ширину проема. Движущая стена произвела на Вячеслава сильное впечатление, он присвистнул и заглянул внутрь туннеля.

– Идем тихо, без лишнего шума. Там метров триста не больше, – скомандовал Герман и, включив фонарик, тоже заглянул в туннель. – Правда там будет один неприятный момент, надеюсь, мы сможем его преодолеть таким путем... – в руках Германа появились два полутораметровых деревянных бруска.

Ефим и Вячеслав пошли за Германом, а майор недовольно проворчав что-то себе под нос, замкнул процессию. Обратный путь был менее тревожным.

Нервозность проявлял только Ефим, он шел вслед за Вячеславом, который своей богатырской фигурой закрывал весь обзор и не увидел, как Герман укладывал доски над колодцем.

– Вниз не смотри, – услышал он басистое предупреждение командира, который уже по запаху понял, что где-то внизу на дне колодца разлагается тело.

И только когда тот, не касаясь досок, преодолел одним прыжком зияющую дыру в полу, у Ефима на лбу от волнения проступили капельки пота. Майор легонько подтолкнул парня, не давая ему возможности заглянуть внутрь пропасти, и хакеру ничего не оставалось, как с криком перепрыгнуть. Герман поймал его руку и помог удержаться на краю зияющей дыры.

Патрикеев двинулся вперед и затылком почувствовал дыхание Вячеслава, ускорил шаг, и луч его фонаря снова запрыгал в темноте. Мысли роились вокруг адвоката Рогова, он «примерял» к ней сотрудников управления в надежде найти наиболее вероятный тандем. Демидова бы стала сотрудничать только с тем, кто владел проверенной информацией – следователи, начальники отделов. После нескольких неудачных попыток, он понял, что это мог быть любой из двух групп.

Когда они дошли до конца туннеля, Герман нажал на уже знакомый выступ в стене, и открыл потайную дверь.

Увидев открывшуюся дверь, Мануйлов прижал пистолет двумя руками к груди, прислонился к стене и замер. Когда из темноты в комнату шагнул Герман, он облегченно вздохнул и сказал:

– Уф! Это вы, а я подумал, что нагрязнул хозяин.

Майор рассказал Мануйлову о находке в колодце, о доме рядом с гаражом и попросил протоколы допроса водителя и сомелье.

Ефим вошел в мрачную комнату с бетонными стенами и, увидев компьютерное оборудование, воскликнул от удивления:

– Мать моя Одесса! Да это ж целый арсенал!

– Фима, тебе нужно аккуратно вскрыть эту технику и не попасться на всякие уловки, а то, что они есть, я даже не сомневаюсь, – сказал Герман.

– Для этого мне нужен мой чемоданчик, – весомо выдал Ефим и в предвкушении увлекательной борьбы с невидимым противником потер руки от удовольствия.

– Ну и где он? – Герман упер руки в бока.
– В машине, – беззаботно ответил Ефим и махнул рукой в сторону туннеля.
– Так почему ты сразу его с собой не взял?! – негодуяще воскликнул майор.

– Потому что он тяжелый, – непринужденно бросил Ефим и сел за стол перед компьютерами.

Майор злобно сплюнул и сказал брату:

– Возьми Мануйлова и отведи его к машине, отдашь ему чемодан, потом закрой за ним все и уезжай. Встретимся завтра у матери.

– Добро, – ответил Вячеслав и, подойдя к Герману, добавил: – Надеюсь, еще увидимся.

Герман кивнул бывшему ученику и пожал протянутую руку. Когда потайная дверь снова закрылась, майор одарил Ефима недовольным взглядом и язвительно спросил:

– У меня к вам чисто русский вопрос: вы еврей?

– А у меня для вас чисто еврейский ответ: я русский! – недолго думая визгливо парировал Ефим.

Герман снова с укором посмотрел на майора.

– Что?! – негодуяще воскликнул Терентьев и передразнил Ефима: «Он тяжелый». У нас, что тут, по его мнению, институт благородных девиц!? В следующий раз пусть берет с собой маму. Она будет нести ему чемоданчик и печенье.

– О, мою маму таки лучше вам не трогать. Она вас заговорит до смерти.

Герман недовольно покачал головой.

– Как что раскопаешь, звони, – сказал он Ефиму. – С тобой останется Кирилл Мануйлов – это тот, что принесет твой чемодан.

– Вы что меня здесь одного оставляете?! – испуганно воскликнул Ефим и вскочил как ужаленный.

– Что? Страшно без мамы? – уколол его майор и двинулся за Германом к винному хранилищу.

&&&

Когда Герман и Терентьев поднялись на второй этаж и вошли в просторную столовую, за окном бушевал внезапно налетевший ураган. Порывистый ветер заставлял деревья сгибаться чуть ли не до земли. Яркие всполохи молнии разрезали ночное небо, а присутствующих людей в комнате то ли дело оглушали раскаты грома. Свет в столовой был приглушен светорегуляторами, которыми был напичкан весь дом. В полумраке вокруг овального стола сидели уставшие, сбившиеся в небольшие группки, служащие.

Герман отвел в сторону Задорнова и спросил:

– Кто из женщин самая разговорчивая?

Следователь обвел присутствующих критическим взглядом и кивком показал на высокую худощавую женщину.

– Холодова..., Людмила. Горничная.

– Приведи ее в кабинет.

– Что ты задумал? – спросил Терентьев, когда напарники вошли в кабинет.

– Хочу задать ей пару вопросов о сомелье.

– Ей? – удивился майор. – Она ведь из прислуги меньше всех здесь работает.

– И это нам на руку. Не успела прикипеть...

Договорить Герману не дал зазвонивший телефон. Он быстро вынул его из кармана джинсов и ответил на звонок. В динамике послышался сердитый голос Алины:

– Вы за мной следите?

Герман опешил.

– В каком смысле?!

– Машина похожая на вашу стоит у соседнего дома уже три часа.

– Кто там живет? – напрягся Герман.

Пауза, дыхание Алины замерло на вдохе.

– Бабка Варвара. Она уехала к внуку в Новомосковск, а дом пустой, – насторожено ответила она, затем нервно откашлялась и спросила: – Так это не вы?

– Нет, – резко ответил Герман, – я сейчас в Москве.

– Извините. Уф, какая же я дура, что подумала на вас, – быстро произнесла Алина и связь разъединилась.

Герман растеряно посмотрел на дисплей телефона.

– Кто это? – Терентьев с интересом смотрел на реакцию коллеги.

– Знакомая. Думает, что за ней следят.

– Сколько ей лет?

– Девятнадцать.

Майор рассмеялся и с видом знатока провещал:

– Это она так твое внимание привлекает.

В кабинет заглянул Задорнов и коротко доложил: «Холодова». Терентьев кивнул и показал вошедшей женщине на кресло перед столом. Миловидная брюнетка лет тридцати пяти с убранными в хвостик волосами устало опустилась в кожаное кресло и сложила руки на коленях.

– Меня зовут Михаил Матвеевич Терентьев, – еще раз представился майор и, показав на Германа, добавил: – А это мой помощник, Герман Всеволодович, он задаст вам несколько вопросов.

Герман внимательно осмотрел женщину и дружелюбно спросил:

– Устали, наверное?

– Да уж, не скрою, – ответила женщина и умоляюще посмотрела на следователей, – тяжелый день.

– Может, чаю?

– Нет, нет, спасибо, – поспешно отказалась горничная и нервно затеребила складки на подоле фартука, – хочется поскорее уехать домой.

– Скоро уедите, – Герман пристально изучал собеседницу. – Людмила, скажите, какой у вас график?

– Сутки через двое.

– Вы ведь не живете здесь в усадьбе?

– Нет. Как странно, – горничная улыбнулась, – кроме вас только хозяин называет этот дом усадьбой.

Герман проигнорировал ее комментарий и задал следующий вопрос:

– Значит в доме три горничных? И вы работаете сутки через двое. Получается, что вы целые сутки не спите?

Женщина кивнула головой.

– Но если хозяин после семи часов отпускает прислугу, куда же вы уходите? – спросил Герман и подался корпусом вперед.

– В домик для прислуги.

– Значит, у вас там есть своя комната?

– Да, комната для горничных. Мы там переодеваемся, сортируем белье и спим на диване.

– И вы спите до утра, а утром приходите в дом?

Она снова кивнула головой. Майор бросил красноречивый взгляд на напарника, он не понимал смысл заданных вопросов. Куда клонит Герман? Зачем ему график работ горничных?

Герман встал, заложил руки за спину и с задумчивым видом стал расхаживать по кабинету. Вопросы он задавал наобум, интуитивно чувствуя, что от наблюдательных глаз горничных ничего не утаишь. Они должны были что-то видеть или хотя бы догадываться, а сейчас он готов был ухватиться за любую соломинку.

– Что-то не сходится. Давайте еще раз повторим. Вы работаете сутки через двое. И вас всех отпускают по домам после семи часов. Вместо того чтобы уехать домой, и приехать утром, вы остаетесь на ночь в домике для прислуги. Что это за сутки такие?

Женщина улыбнулась, поправила форменный фартук и терпеливо начала объяснять:

– На самом деле в семь часов вчера у меня заканчивается работа в хозяйском доме. После часового перерыва я начинаю работу на участке работа, а после ужина продолжаю работу в домике для прислуги. Так же я отвечаю за ужин для работников. После ужина, я мою посуду. Иногда мне помогает водитель или дворецкий, но чаще я справляюсь со всем сама.

– Во сколько же вы ложитесь спать?

– Заканчиваю работу ближе к часу ночи..., пока приму душ..., а встаю в пять утра, готовлю завтрак для сотрудников. Согласитесь, ехать домой на четыре часа среди ночи неразумно.

Герман кивнул и задал следующий вопрос:

– Как часто уезжает ваш хозяин?

Сидевший вполоборота майор тут же напрягся и подался корпусом вперед.

– Часто, – ответила женщина.

– Раз в месяц, раз в неделю? – уточнил Герман.

– Я бы сказала, что раз в две недели.

По тону и манере повествования, Герман сделал вывод, что Холодова не видела опасности в хозяине.

– И долго он обычно отсутствует?

– По-разному. Может месяц, а может, всего три дня.

– Еще пара вопросов. Вы рассказывали про гостей, – Герман ободряюще посмотрел на Людмилу. – Как часто они приходили?

– Я уже говорила, не часто. Где-то раз в два-три месяца и не больше пяти человек.

– Что это за люди?

– Ну... политики, бизнесмены..., люди искусства..., разные люди.

У Германа промелькнула мысль, а не таким ли образом преступная группа вычисляла новую жертву?

– Среди них были молодые женщины?

После заданного вопроса, он красноречиво посмотрел на Михаила, тот понял его с полуслова и метнулся в коридор, где попросил Задорнова принести фотографии жертв Паука.

– Были, но редко, в основном он общался с теми, кому было за сорок пять.

– Когда хозяин принимал гостей, вы тоже уходили в семь часов?

– Нет, конечно, – быстро ответила горничная и метнула кроткий взгляд на вернувшегося в кабинет майора, – в такие дни все было по-другому. Мы работали пока, не уходил последний гость.

– Кто-нибудь из гостей оставался в доме на ночь?

Женщина опустила голову и тихо ответила:

– Мы все подписали договор о неразглашении информации.

Герман с Терентьевым в недоумении переглянулись, и майор ту же отреагировал упреком:

– Что-то поздно вы об этом вспомнили.

– Не вся информация относится к договору.

– А что именно не подлежит разглашению? – уточнил Герман.

– Мы не должны говорить о служебных и личных звонках, гостях. И о системе безопасности, – она чуть помялась, – ну, коды там всякие, пароли.

– Понятно, – произнес майор и многозначительно посмотрел на Германа.

– Но о вашей работе мы говорить можем? – Герман вновь подбодрил горничную одной из своих улыбок.

– Если она не касается тех трех пунктов договора, – уточнила женщина.

– Хорошо, – согласился Герман, – а о других сотрудниках мы можем поговорить?

Холодова кивнула и снова начала теревить фартук.

– Расскажите о них, пожалуйста, все что знаете, – сказал Герман.

Женщина устала в пол и на минуту задумалась.

– Управляющий, или как его называл сам Соломон Яковлевич – дворецкий – Павел Алексеевич, работает у хозяина дольше всех.

Герман вынул из кармана пиджака блокнот и ручку и стал делать короткие зашифрованные пометки.

– Я его не очень хорошо знаю. Он замкнутый, семьи нет, постоянно живет в доме для прислуги. О! – вспомнила Людмила, подняла указательный палец и улыбнулась. – Он у хозяина на особом счету, поэтому пользуется всеми привилегиями.

– Что еще за привилегии? – полюбопытствовал майор.

– Нужно прослужить не меньше десяти лет, и не иметь нареканий. Есть общие привилегии, и есть индивидуальные. Общие – это оплачиваемый отпуск, сокращенная рабочая неделя и бонусы от хозяина.

– Что за бонусы?

– Да что угодно. Это может быть новый костюм или билеты в театр.

– А индивидуальные? – напомнил Герман.

– Я только знаю, что они есть.

– Ну, хоть намекните, – усмехнулся майор.

Горничная одарила его вымученным взглядом.

– Ну, например, повар Екатерина Львовна, имеет сокращенный рабочий день и не работает совсем, если хозяин в отъезде.

– Понятно, – сказал майор.

– Екатерина Львовна очень общительный человек. Она помогает новеньким обустроиться на новом месте, может подсказать, что да как. У нее есть сын, моряк, – при упоминании сына, Людмила расплылась в томной улыбке и продолжила: – Он живет во Владивостоке, и она постоянно высылает ему деньги. Однажды, хозяин даже помог ему устроиться на работу на какой-то крутой корабль.

– А сомелье? Что вы про него можете сказать? – как бы, между прочим, спросил Герман.

– Аарон Моисеевич работает в особняке со дня его постройки. Я слышала, что он даже помогал в строительстве дома. Он отвечает за все технические системы на территории усадьбы.

Герман бросил на Терентьева многозначительный взгляд. Слова горничной подтверждали его догадку – сомелье был при делах с самого начала. Теперь Германа интересовал вопрос: а что еще он делал для хозяина?

– Так он же, вроде, сомелье? – удивился майор.

– У каждого сотрудника есть дополнительные обязанности. Аарон Моисеевич большую часть времени проводит в винном погребе, туда к нему спускаются поставщики и другие посетители.

Холодова замолчала, и Герман тут же жестом дал ей понять, что ждет продолжения рассказа.

– Он вообще у хозяина на особом счету. Как-то раз мы с ним сильно повздорили, и я хотела пожаловаться хозяину и сказала об этом Екатерине Львовне. Но она отговорила меня, объяснив, что после того, как я расскажу хозяину, меня уволят на следующий же день.

Герман поддался корпусом вперед и заинтересовано спросил:

– А из-за чего вы повздорили?

– Даже вспоминать неприятно, – поморщилась Людмила.

– А придется, – назидательно произнес Патрикеев и прожег ее пронизательным взглядом.

Холодова шумно вздохнула, лицо исказилось в болезненной гримасе, пальцы снова затеребили подол фартука.

– В мои обязанности входит уборка всего дома, винный погреб не исключение. Так вот, начала я там убираться, вдруг в погреб спускается Аарон Моисеевич с каким-то неприятным типом, раскричался на меня и выгнал оттуда. Я пыталась объяснить, что уже заканчиваю и скоро уйду, но он разозлился, прям, не знаю, как демон! А тут еще этот тип, – горничную аж передернуло при воспоминании, – схватил меня за руку, говорит: «Пошла вон, курица!».

Горничная оголила запястье и показала заживающий синяк.

– Как он выглядел? – спросил Герман и нахмурился.

– На нем была кепка темно синего цвета и черная стеганая куртка. Синие джинсы и туфли с острым носом. Взгляд у него был очень неприятный, как у ястреба, да и сам он был какой-то дерганый, как будто его что-то постоянно раздражало. После этого я видела его через день за квартал от дома, когда шла на работу. На нем была темная толстовка с капюшоном, но походку я сразу узнала. Замедлила шаг, пропустила его вперед, не хотела, чтобы он меня видел.

Майор и Герман снова переглянулись. Описание нервного посетителя полностью совпали с человеком на записи с камер видеонаблюдения с Большого Кисельного переулка.

– Вы случайно не слышали их разговор?

Майор понял, что сейчас они напали на след убийцы полковника и еле сдерживался, чтобы не вскочить.

– Да не говорили они, а ругались, – весомо произнесла горничная, – я уже поднималась по лестнице, когда услышала обрывок фразы: «...мы так не договаривались, оплату нужно пересмотреть». Когда я все рассказала Екатерине Львовне, она решила, что речь шла о каком-то дорогом вине, которое поставщик должен был выкупить на аукционе.

Герман прищурился, одарил горничную недоверчивым взглядом, затем встал и, сделав знак Терентьеву, вышел из кабинета.

– Мы на минутку, – сказал майор и поспешил за напарником.

Герман окликнул Задорнова и попросил остаться с горничной в кабинете, пока они не придут.

– Почему прервал допрос? – недовольно спросил майор. – Мы подбираемся к убийце!

– Она врет, – резко кинул Герман, и пошел к лестнице.

– С чего ты взял? – удивился Терентьев, еле поспевая за напарником.

– Ты был в погребе. Там такая акустика, что рядом будешь стоять и переспрашивать.

Они спустились на первый этаж и вошли в винный погреб.

– Ты останься на лестнице, а я пойду за ящики и буду там громко говорить, – предложил Герман и побежал по деревянной лестнице вниз.

Вернувшись через две минуты, Герман спросил:

– Ну что? Что-нибудь слышал?

– Слышал, но ни слова не понял, – признался Терентьев, – сплошное бормотание.

– Говорю же, врет она.

Следователи вернулись в кабинет, майор угрожающе навис над горничной и с ходу обрушил на нее свой гнев:

– Либо ты говоришь всю правду, либо мы увозим тебя в управление! А там после двухчасового допроса как миленькая запоешь! Говори, как дело было!

Женщина вжалась в кресло, вскинула на него испуганные глаза и быстро затараторила:

– Не надо в управление! Я все скажу! Я мыла пол в погребе, а они зашли, и стали сразу орать. Мне было плохо слышно и я подошла поближе.

По щекам горничной покатались слезы.

– Что они говорили? Подробнее! – воскликнул майор.

– Тот тип сказал: «Мы так не договаривались, вы мне не сказали кто он, оплату нужно пересмотреть», а Аарон Моисеевич ему ответил: «Не кипиши, это ничего не меняет». Тогда тип в кепке сказал: «Да меня полгорода искать будет! Не, я на такое не подписывался!» Аарон Моисеевич свою линию гнет: «Если сделаешь все правильно, никто тебя искать не будет. А сумму удвоим». Тогда кепка сказал: «Бабу не надо втягивать, я сам справлюсь», а Аарон Моисеевич сказал: «Она даст нужные показания».

– И все?

– И все. Потом в погреб вошла Екатерина Львовна и позвала меня. Мне пришлось выйти из укрытия и тогда эти двое сорвались на меня, как бешеные. Меня спасла Екатерина Львовна, сказала, что даже если я что-то и слышала, то буду держать язык за зубами. А после ужина она подошла ко мне и сказала, что они разговаривали о не совсем законной поставке элитного вина и что я должна забыть об этом недоразумении. Но разговор был точно не о покупке вина.

В кабинет вошел Задорнов и протянул конверт Терентьеву. Майор вынул из конверта фотографии и разложил перед горничной.

– Узнаете кого-нибудь из этих женщин?

Несколько минут Холодова пристально разглядывала фотографии, шмыгала и сморкалась в платок. Потом подняла испуганные глаза на майора и отрицательно помотала головой. С нескрываемым недовольством Терентьев собрал фотографии в стопку и откинулся на спинку кресла.

– Вернемся к ночевкам гостей, – воспользовался разговорчивостью горничной Герман, – кто-нибудь оставался на ночь в доме?

– Нет. Горничные меняют простыни каждое утро. Мы бы заметили, что у него кто-то был, но нет... Хозяин всегда спал один. Гостевые спальни иногда занимали. Судя по мусору и запаху, это были мужчины.

– Хорошо, на этом пока все, – вскакивая с места, сказал майор и попросил Задорнова изолировать свидетельницу от остальных работников коттеджа и вызвать к ней художника для создания фоторобота описываемого ею незнакомца.

Когда Задорнов увел заплаканную свидетельницу, Терентьев сказал:

– Начнем копать глубже, прислуга спрячется под договор о неразглашении.

– И отпускать нельзя, – согласился Герман, – хозяин приставит к ним адвоката, и их проинструктируют.

У майора зазвонил телефон. Он ответил на звонок, минуту слушал, затем поблел и опустился в кресло. Закончив разговор, он повернулся к Герману.

– Звонил коллега, который следил за врачом Рогова. Сегодня утром в его офисе побывал Гулямов.

Имя ничего Герману не говорило, поэтому он спросил:

– Кто такой?

– Киллер, по кличке Мономах. Очень осторожный и неуловимый тип.

– Не такой уж он выходит и осторожный, раз не заметил слежки за врачом Рогова. Что ты о нем знаешь? По каким делам он проходил?

– Да на него целая картотека наберется. Я дам ребятам задание подготовить для тебя материалы. Работает всегда один и очень чисто. Долго готовится и все тщательно рассчитывает. Не оставляет никаких улик, а если попадает в поле зрения всегда предьявляет стопроцентное алиби. И раз он пришел к врачу Рогова, значит, не боялся, что об этом узнают.

– А не он ли на записи и здесь в доме Лурье отмечился?

– Я тоже сейчас об этом подумал. По росту он подходит, вот только Гулямов не худощавый. Распечатаю его фотографию и покажу Холодовой.

Терентьев поник, опустил плечи, спина изогнулась колесом. Новость о причастности Мономаха к делу Паука потрясла майора и совсем не обрадовала.

– Зачем же он приходил к врачу?

– Не знаю, но, по словам коллеги, покинув офис, он пообедал в ресторане и отправился в больницу на Садовом кольце.

Герман резко повернулся и впился взглядом в напарника.

– Это не в больницу Склифосовского, куда отвезли час назад сомелье?

Майор поднял глаза, несколько секунд испугано смотрел на напарника, затем выбежал в коридор и громко прокричал:

– Софиев! Задорнов!

Когда следователи подошли к нему, он вполголоса проинструктировал:

– Андрей, езжай в управление и собери всю информацию о киллере по кличке Мономах. Роман, бери машину и пулей в больницу Склифосовского. Найди там наших ребят и не спускайте глаз с сомелье – есть подозрение, что его хотят отправить к праотцам.

У Терентьева снова зазвонил мобильник. Кивнув следователям, чтобы те отправлялись, Терентьев вернулся в кабинет и ответил на звонок.

– Какие новости? – услышал он в трубке голос Логинова.

– Я выезжаю в управление. Похоже, у нас намечился прорыв.

– Хорошо, жду тебя с докладом.

Майор взглянул на Германа и сказал:

– Ты иди в потайную комнату, после завершения работы выйдите с хакером через туннель.

– Хорошо. Я здесь закончу и приеду в управление.

– Езжай в отель и выспись.

– Нет, майор, мы теперь с тобой в одной упряжке официально. Если Мономах приехал к врачу Рогова, полковник уже не открестится от объединения двух дел в одно и должен продлить сроки расследования.

– Надеюсь, – сказал майор и одобрительно похлопал Германа по плечу, словно прорыв в деле это его заслуга.

&&&

К полуночи хозяин дома так и не объявился. От неприятного предчувствия у Германа сжимался желудок. После отъезда Терентьева он еще раз осмотрел дом и не найдя ничего нового спустился по лестнице в погреб. Отодвинул винный ящик и зашел в потайную комнату.

– Какие новости? – спросил он с ходу Ефима.

– Остался последний комп.

– Он гений! – не скрывая своего восхищения, воскликнул Мануйлов и, показав на третий компьютер, добавил: – Вот только этот ему никак не дается.

Ефим начал сыпать объяснениями:

– Он использовал здесь необычную операционную систему! Когда-то она казалась перспективной, но потом компания обанкротилась и разработки прекратились. Обычные ключи и пароли здесь не проходят, но, к счастью, я когда-то интересовался этими разработками, пытался даже их улучшить, и у меня остались исходники, дайте мне еще несколько минут, и я запущу эмулятор...

– Хорошо-хорошо, – сказал Герман, поднимая руки, – не грузи меня. А что на тех, что уже вскрыл? Только скажи простым человеческим языком.

– На первом компе установлена программа, куда передаются изображения со всех камер наблюдения в доме и прилегающих территорий. Есть пустующие точки выхода, то есть неработающие камеры, – Ефим включил монитор и на экране Герман увидел несколько изображений с камер, на которых были видны работающие эксперты и работники дома.

Глядя на пустые секции, Герман подумал, что именно на них время от времени передавали изображение с мест преступлений.

– На втором – что-то типа картотеки, – продолжил Ефим и, показывая на монитор, на котором был выведен список длинных названий, – имена файлов закодированы, если мы на них кликнем, то увидим видео с всякими непристойностями.

– Что там?

– Да много чего. Есть записи с мест преступлений Рогова, – Ефим кивнул на Мануйлова, – Кирилл узнал помещения. Есть записи в саунах, ресторанах и гостиничных номерах. Возможно, это компромат на клиентов Лурье. Хотя мне кажется, это его настоящая фамилия.

– Я тоже так думаю, – одобрительно вставил Герман.

– Скорее всего, это видео для шантажа. Мы не все успели просмотреть, но здесь много компромата – переговоры, гулянки, интимные сцены.

– А здесь что? – спросил Герман, показывая на иконку со знаком доллара.

– Банковская система переводов в онлайн режиме. Вообще я только начал, так что информации по нему пока мало.

– Продолжай, – Герман одобрительно похлопал по плечу парнишки и сел рядом с Мануйловым на диван.

– Эй, не молчи! – проворчал Ефим и кинул укоризненный взгляд на Кирилла.

– Он не может работать в тишине, – пояснил Мануйлов Герману и начал рассказывать очередной анекдот: – Безопасного секса не бывает по определению. Даже резиновая женщина может лопнуть в самый неподходящий момент и оставить тебя зайкой на всю жизнь.

Герман и Ефим улыбнулись.

– Однажды многодетный отец, шахтёр-стахановец Петров, в течение всего выходного дня наблюдал за образом жизни своего кота, и к вечеру, чтобы не задушить его от зависти, вышвырнул на улицу, – продолжил Мануйлов.

Герман вспомнил о трупе в колодце и почувствовал неприятный укол совести.

– Кирилл, как-то нехорошо, что вы тут анекдоты травите, когда в это время тело погибшего сослуживца дожидается окончания вашей работы.

– Извините, – виновато процедил Мануйлов и потупил взгляд.

– Какое еще тело?! – воскликнул Ефим, оторвав взгляд от монитора.

Патрикеев махнул рукой, мол, долго объяснять, и попросил его поторопиться. В комнате на несколько минут воцарилась тишина, чем тут же воспользовался Герман, откинулся на спинку дивана и вытянул ноги на журнальный столик. Мозг работал на полную мощность, пытаясь связать воедино все улики и действующих лиц преступной группировки.

– Я вошел! – воскликнул Ефим и махнул рукой Герману.

Герман подошел к компьютерам. На третьем мониторе отразился список, похожий на цифровой код.

– Что это?

– IP-адреса. Можно войти в каждый, и откроется целая переписка и обмен данными.

– Что за данные?

– Пока скажу только то, что здесь есть текстовые сообщения и загруженные файлы.

– Сможешь их вскрыть?

– Не все, только текстовые сообщения. Над файлами придется попотеть.

– Дай хоть что-нибудь, – умоляюще произнес Герман.

Через несколько секунд Ефим вывел на монитор первое сообщение.

– Что это за абракадабра? – нахмурился Герман.

Ефим, пожал плечами и вскрыл следующий текстовый файл. К нему подошел Мануйлов и присел рядом с Ефимом с другой стороны. Он внимательно посмотрел на экран и присвистнул.

– Это шифр, – нога хакера начала нервно отбивать чечетку.

– Расколдуешь? – спросил Мануйлов с надеждой в голосе.

– Попробую, – Ефим нервно потер высокий лоб.

– Сколько адресов в списке?

– Двести шестьдесят три.

– Если шифром пользуется столько людей, то он не должен быть сложным,
– предположил Герман.

– Смотрите, перед каждым сообщением стоит стрелочка и цифра и она всегда разная, – сказал Мануйлов, – в первом сообщении это три, во втором два. Что это значит?

– Стрелка показывает либо влево, либо вправо, – сказал Ефим, показывая на цифры.

– А ну-ка попробуй текст сместить на три буквы вправо, – предложил Герман и показал на первую шифровку.

Хакер тут же вывел на экран текст: «Клиент перевел аванс на указанный вами счет. Остальное получите после эфира. Пожелания те же».

– Попробуй применить это и к другим сообщениям, – сказал Герман, глядя в монитор.

Ефим приступил к расшифровке. Список сообщений пополнялся на глазах.

– Люди из управления уже закончили свою работу в доме? – Герман посмотрел на Мануйлова.

– Пока нет, – ответил Кирилл и показал на первый монитор с изображениями с камер наблюдения, которые в онлайн режиме передавали все, что происходило в доме, – смотрите, у нас гости.

На экране было видно, как молодая женщина зашла в холл дома и столкнулась с сотрудниками следственного управления.

– Знаешь ее? – спросил Герман.

– Это адвокат Рогова, Наталья Демидова, – пояснил Мануйлов и озадаченно нахмурился, – но что она здесь делает?

– Интересно, – сказал Герман и, посмотрев на камеры, начал рассуждать вслух, – она пришла, потому что мы здесь, или потому что думала, что хозяин дома в это время должен был уже приехать?

Ефим прокрутил назад запись с камер расположенных у ворот. На повторе было четко видно, как адвокат открыла ворота своим ключом.

– Попалась птичка. Кирилл попроси, чтобы нашу гостью задержали до приезда Терентьева, – сказал Герман и набрал номер мобильного телефона майора.

Услышав голос напарника, он усмешкой выдал:

– Угадай, кто явился в дом Лурье в час ночи.

– Я что тебе гадалка? – раздраженно рявкнул майор.

– Адвокат Рогова. Наталья Демидова, собственной персоной. Так что, можешь приехать и допросить.

– Что?! – изумился майор, ругнулся и после короткой паузы добавил: – Послушай, я приехать не смогу, у нас проблемы...

– Что еще?

– Сначала сбежал водитель. Наши ребята потеряли его из виду, как только он выехал на МКАД. Лурье на самолете не было, и мы не нашли никаких данных о его вылете. Но это все ерунда! Только что из больницы звонил Софиев, – Терентьев выдержал паузу, и добавил: – Сомелье найден в палате мертвым – убит ударом ножа в сердце.

Германа это не удивило, он предполагал такой исход событий.

– Подробности?

– Было сильное задымление, включилась пожарная сигнализация, и началась эвакуация больных с этажей. Двое ребят пошли помогать медперсоналу, а Софиев остался охранять сомелье. Этаж, на котором они находились, быстро наполнился дымом и Софиев вышел в коридор, чтобы позвать кого-нибудь на помощь, вернулся, а старик уже истекает кровью. В больнице была суматоха и когда врачи прибежали в палату, сомелье уже умер.

– Мономах?

– А черт его знает! Никто не заходил и никто не выходил из палаты!

– Ты говорил с полковником?

– Да, – мрачно ответил майор, – три убийства за такой короткий срок по одному делу – такого у меня еще никогда не было. Все управление на ушах. Я сказал полковнику о твоих подозрениях, что кто-то из наших причастен к сливу информации, он сначала кричал матом, потом вспоминал твоих родственников, а когда успокоился, попросил принести ему личные дела всех сотрудников и приказал зайти к нему завтра утром.

– Да уж, обнадеживает, – задумчиво произнес Герман.

– А по поводу Демидовой... я позвоню ребятам, пусть ее задержат и привезут в управление. Постараюсь перекинуть ее на шефа, типа важный и юркий свидетель. Черт, мне только сейчас этой сучки не хватало! Все, отбой!

&&&

Герман сохранял на лице выражение задумчивости – мысли о кроте не давали сосредоточиться на деле. Выпрямив спину, он сделал несколько глубоких вдохов и выдохов. Успокоился, взял листок бумаги, карандаш и нарисовал пирамиду. В ее основание он написал фамилии Сорокиной, Демидовой и Гулямова, и назвал их исполнители. В середине пирамиды он написал фамилии Рогова и Грозового. Этой парочке, он отвел более значимую роль – партнеры. В самый верх пирамиды, следовательно поставил загадочную фигуру Лурье и написал «мозг». Затем посмотрел еще раз на рисунок, сложил листок вчетверо и убрал в карман.

– Кирилл, будь добр, добудь мне кофейку.

– А мне кефира, – вставил Ефим.

Мануйлов остановился в проеме кухни и бросил на Ефима ошарашенный взгляд.

– Что? – отреагировал тут же Ефим. – Я люблю кефир.

– Здесь тебе что, супермаркет?! – недовольно пробурчал Мануйлов и скрылся на кухне.

Когда Кирилл принес кофе, Герман оценивающе вдохнул аромат и спросил:

– А скажи-ка мне Кирилл, все ли вы здесь проверили?

– В каком смысле? – не понял Мануйлов.

– Видишь ли, здесь явно чего-то не хватает, – Герман огляделся вокруг.

– Что вы имеете в виду? – спросил Мануйлов с непонимающим видом.

– Картотека. Где она? Мне кажется такой человек, как Лурье, не стал бы доверять компьютеру свой капитал. Он, наверняка, сделал копию записей и, может, даже не одну.

– Когда мы нашли эту комнату, то я сразу здесь все осмотрел, картотеки нет.

– Должен быть тайник с собранным компроматом. На верхних этажах все чисто, техники проверили, значит, картотека где-то здесь... и это логично...

Герман отхлебнул кофе и вместе с чашкой поднялся с дивана. Проходя вдоль стен, он осматривал каждый сантиметр кирпичной кладки.

– А как вы открыли предыдущую дверь? – спросил Ефим, не отрываясь от компьютера.

– Передвинули ящик с вином, – ответил Мануйлов.

– Дверь в туннель открылась после того как сдвинули стеллаж, а значит, вся система в доме и на прилегающей территории работает по одному и тому же принципу, – резюмировал Ефим.

Мануйлов и как укушенный соскочил с дивана.

– Надо кое-что проверить... я еще в прошлый раз заметил царапины на полу, но подумал, что просто холодильник недавно ремонтировали.

Влетев на кухню, он подбежал к холодильнику и отодвинул его в сторону. Заинтригованный Герман последовал за ним. Стена, рядом с которой стоял стол и стулья, с шумом поддалась и медленно открылась. Из комнаты вырвался сладковато-гнилостный запах разложения.

– Ух, – с чувством произнес Герман, поставил чашку с кофе на стол и прикрыл нос ладонью, – знакомый запахок...

– Тут... это... Герман Всеволодович... – Мануйлов стоял за сдвинутым в сторону холодильником, растерянно поглядывая то внутрь открывшегося в стене проема, то на приближающегося к нему Германа.

Подойдя ближе к проему, Герман осветил фонариком внутрь открывшейся перед ними комнаты и замер. В центре небольшого квадратного помещения на веревке висел труп хозяина дома, остекленевшие глаза которого, казалось, смотрят прямо на них. На полу под мертвецом валялся стул. Герман нащупал выключатель в стене и зажег свет. Мануйлов судорожно сглотнул, стараясь подавить рвотный рефлекс.

– А-а-а! Это еще что такое?! – испуганно заверещал Ефим за спиной Германа и прикрыл рот ладонью.

– Всем назад! – скомандовал Герман. – Ничего не трогать!

– Да я за миллион долларов ни к чему не притронусь! – с потрясенным видом Ефим вернулся к компьютерам.

Работать после увиденного он уже не мог и просто спрятался за безопасное укрытие. Выйдя из кухни, Герман набрал номер Терентьева.

– Не хотелось тебя огорчать, но придется. У нас свежий..., – Герман сделал паузу, – ... ну, может, и не совсем свежий, но труп!

Терентьев громко выругался и спросил:

– Еще один?

– Угу. Хозяина, то бишь, господина Лурье, – ответил Герман.

– Убит?

– Висит в петле в потайной комнате за кухней. Похоже на самоубийство, но...

– Но ты так не считаешь, – перебил его Терентьев.

– Именно. Зачем убивать себя так, чтобы найти могли только по запаху, да и то сомнительно, учитывая скрытность помещений на цокольном этаже? Если бы я решил покончить с собой, то сделал бы это в спальне или гостиной.

– Почему? – непонимающе спросил Терентьев, его внимание было все еще привлечено к происшествию в больнице.

– Вид из окна лучше, – мрачно пошутил Герман.

– Тьфу ты, умник! Я сейчас приеду! Черт! Черт! Ну что за день?! – в отчаянии прокричал майор и отключил связь.

Убрав мобильник в карман куртки, Герман взглянул на хакера.

– Фима, у тебя ровно десять минут, чтобы скачать всю информацию. Затем уходите по туннелю на соседнюю улицу, там вас ждет машина. Скоро сюда спустятся эксперты из управления и начнут работу.

– Десяти минут не хватит! – возмутился Ефим.

– Значит, будем работать с тем, что сможешь скопировать. Кирилл помоги ему. У нас мало времени.

– А может, унесем технику, и в спокойной обстановке..., – предложил Мануйлов, но Герман категорично его перебил.

– Нельзя. Фимы здесь не должно быть. Долго объяснять.

Ефим установил десятиминутный таймер на наручных часах. Пальцы быстро застучали по клавиатуре, первую минуту он еще посматривал с опаской в сторону кухни, но потом полностью погрузился в работу.

Герман натянул перчатки и шагнул в потайную комнатку. Обошел висящий труп и встал перед стеной, разглядывая нарисованное генеалогическое древо. Минут он стоял, замерев, пытаясь понять и осознать масштаб увиденного. Внизу у мощных корней дерева был изображен паук-птицеед. От ствола во все стороны простирались изогнутые ветви, на которых были прикреплены фотографии портретов женщин и рожденных детей. Герман насчитал сорок три ветви. Рядом с фотографиями стояли даты рождения – все женщины и дети были разных возрастов и национальностей. Некоторые рамки фотографий были обведены черным маркером, а рядом с датой рождения стояла дата смерти, причем как женщин, так и детей. Судя по датам, он сделал вывод, что после смерти ребенка мать жила не больше месяца.

Сделав несколько фотографий с разных ракурсов, следователь еще несколько минут разглядывал стену, а затем услышал за спиной торопливые шаги. Повернувшись, он увидел запыхавшегося Мануйлова.

– Я проводил Ефима, – выдохнул с облегчением Кирилл, – что дальше?

– Поднимись через винный погреб и скажи, что мы нашли потайные комнаты и туннель, а так же про два трупа. Пусть сюда спустятся эксперты.

&&&

Терентьев и Герман сидели в конференц-зале за столом, разложив перед собой фотографии дома Лурье. Ночную тишину нарушал ритмичный ход настенных часов, которые показывали два часа ночи. За последние сутки дело пополнилось тремя трупами и одним свидетелем, скрывшимся от слежки. Майор, плотно сомкнув челюсти, мысленно прокручивал в голове предстоящую утреннюю планерку. Единственной хорошей новостью, которой он мог ублажить шефа – горничная Холодова опознала по фотографии киллера по кличке «Мономах». Этот факт автоматически объединял дело Архангельского с делом Паука в одной делопроизводство.

Эксперты все еще работали в потайных комнатах и туннеле. Труп в колодце удалось быстро идентифицировать по документам, найденным в форменных брюках, им оказался участковый Романюк Дмитрий. У следователей так и не нашлось ни одной версии, по какой причине участковый пробрался в туннель и угодил в ловушку. На работе он числился в отпуске, из семьи только престарелая мать, которая не видела его больше месяца. Коллеги заверили следователей, что никаких сведений связанных с этим районом Романюк не передавал и не о чем подозрительном не докладывал.

Компьютеры передали в управление на «откуп» местным технарям. Ефиму удалось скопировать только малую часть информации, и он периодически отзванивался Герману и докладывал об уцелевших данных.

– Что за цирк с этим хакером? Почему мы не можем задействовать его официально?

– Потому что все твои улики адвокат Демидова поставит под сомнение, когда узнает что хакер проходит по нескольким делам как обвиняемый.

– Что он натворил?

– Легче сказать, чего *не* натворил...

Герман посмотрел на доску, на которой висела схема пирамиды, нарисованная им в доме Лурье.

– Я думал, Лурье мозг группы и главарь, но его смерть никак с этой идеей не стыкуется.

– А что если главарь все-таки Рогов? – предположил майор и поскреб обросший щетиной подбородок.

– Не тянет он, – с сомнением ответил Герман.

– Откуда знаешь? Ты ведь даже не говорил с ним.

– Ну, так может уже пора нанести ему визит?

– Я собирался к нему завтра после утреннего доклада поехать. Давай вместе. Но думаю, проедем порожняком.

Герман кивнул и спросил:

– Как думаешь, для чего Гулямов приходил к врачу Рогова?

– Ну, если учесть, что он сразу после этого убил сомелье, то ответ напрашивается сам собой. Врач, скорее всего, передал ему указание Рогова по зачистке свидетелей.

– Он приходил к нему только сегодня?

– Был еще разок три дня назад, но тогда ребята не смогли его опознать, а сегодня он раскрылся будто майская роза. Кепончик снял, перед входом застыл на минуту.

– Значит, Паук мог дать ему указание убить Лурье еще три дня назад.

– Мог, – майор закинул ноги на соседний стул. Вздох облегчения вырвался наружу. Красные глаза от недосыпа устало смотрели на напарника.

– Есть новости о Грозовом? – спросил Герман и последовал примеру майора, затем закурил и выпустил струю дыма.

– Да. Ребята звонили, когда ты был в доме Лурье, – ответил майор и вынул блокнот из пиджака, – Грозовой обхаживает новую жертву – Полякову Маргариту Павловну. Замужем за предпринимателем, двадцать восемь лет, детей нет. Проследивший за ней оперативник установил, что она была в клинике, посещала ряд врачей, в том числе и гинеколога. В ее карте записано, что она перестала пить противозачаточные таблетки, и врачи готовят ее к беременности. Ей назначили на завтра полное обследование у терапевта. Ведет активный образ жизни, – Терентьев поднял глаза и многозначительно добавил: – Увлекается поэзией.

– Грозовой планирует взять ее тепленькой, – усмехнулся Герман.

– Точно.

– Пойдем, выпьем настоящий кофе, а не твою растворимую гадость, – предложил Герман.

– Кофе так кофе, – согласился майор, поднялся со стула и поплелся усталой походкой за напарником.

Они вышли из конференц-зала и спустились по лестнице на первый этаж, где им навстречу попался Долгин. Увидев коллег, он сначала растерялся, но потом быстро собрался и подошел с натянутой улыбкой.

– Я думал, что в управлении уже никого нет.

– Сроки горят, – буркнул майор и вышел на стоянку.

Герман внимательно посмотрел на лейтенанта и, прищурив глаза, усмехнулся. Он слышал, что сегодня у Долгина был выходной. Так что он делал в управлении, да еще так поздно?

– Как продвигается дело? – спросил Долгин, как бы, между прочим.

– Продвигается, – бросил на ходу Герман и тоже вышел на стоянку.

Проводив его взглядом, Долгин нервно потер губы, достал мобильник и быстро набрал номер. Услышав мужской голос, он взволнованно произнес:

– Встречу нужно перенести.

Несколько секунд в трубке стояла тишина, затем стальной голос провозгласил:

– Слышь... контуженный... я тебе перенесу! Да так, что на всю свою поганую житенку запомнишь! Сказал – встреча через десять минут. Повторять не буду! Иначе, сам знаешь, что будет!

&&&

Герман и Михаил пересекли пустую стоянку, повернули за угол и вышли на безлюдный переулок. Не спеша двинулись по мокрому асфальту в сторону садового кольца. Ураган закончился пару часов назад и оставил после себя поваленные деревья и неглубокие лужи. Герман вздохнул полной грудью наполненный озоном воздух и почувствовал, как с плеч сходит напряжение. Прохладный ветерок приятно обдувал лицо. Ночное небо немного развиднелось и между нависшими над мегаполисом тучами проявились редкие мерцающие звезды.

Напарники вошли в полупустой зал клуба-ресторана, в котором обычно после полуночи собирались меломаны, чтобы послушать начинающих исполнителей. В такой поздний час хороший кофе можно было выпить только здесь. Заняв столик у окна, Терентьев заказал два эспрессо и коньяк. Герман закурил сигарету и посмотрел на оживленную ночную улицу за окном.

– Такое ощущение, что Москва только проснулась.

– Москва никогда не спит, – с неудовольствием произнес майор, – когда засыпают трудяги, у золотой молодежи начинается день. Как у вампиров.

Ироничный смешок сорвался с губ майора. Герман тоже усмехнулся сравнению, но ничего не ответил, продолжая смотреть в окно...

На тускло освещенную сцену вышла молодая девушка с длинными белокурыми волосами. Ее глаза тщательно скрывала нависшая на лицо челка. Она перекинула ремень гитары через плечо, длинные пальцы взяли первый аккорд. Мелодичный и немного грустный голос поплыл между столиками и редкие посетители устремили на нее свои изучающе пытливые взгляды.

Официант принес заказ. Отхлебнув ароматный, дымящийся кофе, Терентьев заметил идущего по улице Долгина. Стукнул ботинком по ноге Германа и показал в сторону проходящего мимо окон коллеги. Долгин остановился на обочине. В руке он крепко сжимал телефон, словно боялся его потерять и пытливо вглядывался в салоны проезжающих мимо машин.

– Он всегда так поздно уходит домой?

– Первый раз вижу. Если он не на дежурстве, то бежит после работы из управления, как швед под Полтавой.

– Он сегодня выходной. Зачем вообще приходить в управление?

– Не хочу играть в догадки, – сказал майор и привстал, собираясь выйти на улицу.

– погоди, – Герман придержал его за рукав, – лучше понаблюдаем за ним. Похоже, он кого-то ждет. А если это девушка? Ты смутишь его...

Майор медленно опустился на стул, не отрывая глаз от сослуживца. Долгин нервно закурил, но почти сразу же к нему подъехал черный «Мерседес» и, бросив не раскуренную сигарету, он торопливо сел в машину. Майор вскочил со стула и подбежал к другому окну, откуда «Мерседес» был лучше виден и записал регистрационный номер в блокнот.

– Скажи номер, я позвоню Ефиму.

Терентьев вернулся за столик, и протянул Герману вырванный из блокнота листок. Набрав номер телефона хакера, Герман подождал три гудка, сбросил вызов и стал ждать. Ефим перезвонил почти сразу:

– Пока новой информации нет, – голос был недовольно сонным.

– Я не за этим. Номерок можешь пробить? – Герман продиктовал номер «Мерседеса».

– Ща, – прохрипел Ефим, – ждите.

Герман подмигнул Терентьеву и, прикрыв трубку ладонью, сказал:

– Разбудили человека.

Ефим отозвался через минуту:

– Машина зарегистрирована на Демидову Наталью Владимировну. Черт, это же адвокат Рогова!

– Спасибо, Фима и, это..., прости, что дергаю по ночам.

– После ваших покойничков это не самое страшное, – ответил Ефим и прервал связь.

– Ну? – с нетерпением спросил Терентьев и нахмурил брови.

– И снова Демидова, – Герман смотрел на удивленное лицо напарника.

– Да сколько их у нее?! В прошлый раз она была на другой машине!

– Ты с ней говорил сегодня?

– Логинов говорил.

– И как она объяснила свое присутствие в доме Лурье?

– Сказала, что Лурье ее клиент и назначил ей деловую встречу.

– Черта с два он ее клиент. Такой человек как Лурье не стал бы нанимать девчонку-несмышлениша своим адвокатом. А ключ? Зачем адвокату ключ от дома клиента, если только она не его любовница?

– Логинов тоже этим поинтересовался, она ответила, что клиент доверял ей, потому и вверил ключи от собственного дома. Она всегда приходила на встречу после девяти часов вечера и открывала ворота сама. В дом ее запускать сам хозяин. В общем, насколько я понял, на допросе она вела себя уверенно и спокойно. Логинов сказал, что она была расстроена смертью Лурье и не верит в его самоубийство.

– Даже так? – Герман изогнул бровь.

– А может, она и правда, просто адвокат? – с надеждой в голосе предположил Терентьев и посмотрел на часы.

– Адвокат у двух участников преступной группы?

– Не знаю, – Терентьев потер воспаленные глаза, – ладно, давай по домам.

Утро вечера, сам знаешь..., а мне к девяти на доклад к Логинову.

Они расплатились по счету и вышли из клуба.

– Да, чуть не забыл! Сорокину арестовали в Люксембурге. Если не будет никаких проволочек, то завтра вечером ее доставят в управление.

– Завтра будет тяжелый день, – констатировал Герман.

Они дошли до стоянки и друг за другом выехали на Садовое кольцо. По свободным дорогам Герман приехал в отель уже через десять минут. С усилием воли прошел мимо бара – завтра с утра ему нужно быть во всеоружии, но как же хотелось пропустить пару стаканчиков виски! Поднялся в номер, открыл дверь и... услышал голос бывшей жены.

– Не включай свет.

От приятной неожиданности Герман улыбнулся. Обида на Леру тут же улетучилась. Главное, что пришла! Сняв куртку, он бросил ее на пол и шагнул в номер. Сердце бешено заколотилось. Чтобы унять дрожь в руках, он начал расстегивать пуговицы на рубашке. В сознании не укладывалось, как Лера, преодолевая свою гордость и обиды снова решила приехать к нему в отель. Когда глаза привыкли к темноте, он увидел очертания ее гибкого тела в кресле.

– Что ты здесь делаешь? – осторожно спросил Герман, не желая ее спугнуть.

– Жду тебя, – дрожащим от волнения голосом отозвалась она.

– И давно?

– Почти час.

– А почему не предупредила?

– Сюрприз, – почти шепотом ответила Лера, поднимаясь с кресла.

Комната пропахла ее духами. Голос был томным и чувственным, и красноречиво говорил о намерениях. Подойдя к Герману, она прижалась к нему всем телом и произнесла:

– Не хочу снова тебя потерять. Слышишь? Не хочу. Знаю, что потеряю, но не хочу.

– А как же муж? – спросил Герман, глядя ей в глаза.

– Его нет в Москве.

– А где твоя охрана?

– Не знаю, спят, наверно, – уклончиво ответила она, медленно раздеваясь под пристальным взглядом бывшего мужа, – я снова улизнула от них. Твоя школа!

– Ты сумасшедшая, – тихо простонал Герман.

– Нет, я просто хочу быть с тобой. Хотя бы сегодня, хотя бы несколько часов.

Он быстро снял с себя одежду и с силой притянул ее к себе.

– Почему ты уехал из клуба? Я ждала тебя там до глубокой ночи. Думала, ты остынешь и вернешься.

– Молчи, – нежно приказал он, – не хочу все испортить глупой болтовней...

Глава шестая

Финишная прямая

Проснувшись утром, Герман потер глаза и посмотрел на часы. Почти восемь. Ощупал кровать и понял, что Лера снова беззвучно ускользнула. Он прошел в ванную комнату и неспешно принял горячий душ. Растирая торс намыленными ладонями, Герман вспомнил прикосновения и поцелуи Леры и приятный озноб окатил все тело. Еще три года назад ему казалось, что никто и ничто не может их разлучить, а теперь от одной мысли, что ему приходится рассчитывать на короткие встречи тайком из груди вырвался мучительный стон.

«Больше так не может продолжаться, – подумал он. – Нужно что-то предпринять, но прежде нужно поговорить с шефом – он не любит самодеятельность».

После душа он встал перед запотевшим зеркалом и протер его рукой. Первым что подметил Герман, когда увидел свое отражение, его перестала доставать выдуманная личность. Похоже, теперь он чаще о ней вспоминал, чем она о нем. Нет, он не ностальгировал по прошлой жизни в Венесуэле, просто думал, что период адаптации будет не таким кратким. А может все это только на время, пока его сознание поглощает расследование и Лера? Что будет, когда они поймут убийцу Архангельского? И что будет с ним, когда начнутся проблемы с Лерой? А они ведь начнутся и очень скоро, в этом он был уверен на все сто процентов.

Седина на висках отвоевала еще один сантиметр. Несмотря на недосып и загруженность последних дней, его лицо разгладилось и приняло здоровый оттенок. Он похлопал себя по щекам, намылил их пеной и приступил к бритью. Затем спустился в ресторан и заказал завтрак. Когда официант принес ему яичницу с беконом, зазвонил мобильный телефон. В трубке он услышал встревоженный голос Ефима:

– Доброе утро! Вы просили разузнать о Комбаровых.

– О ком? – не сразу понял Герман.

– О девушке, Алине Комбарово́й.

– Ах, да! – вспомнил Герман. – Ну, что узнал?

– Рано утром ее брат и сестра поступили в ожоговое отделение районной больницы.

– Та-а-ак, – мрачно протянул Герман, – что случилось?

– Как я понял, был пожар и двое детей пострадали.

– Кто именно?

– Евгений и Варвара.

– Ясно, – перед взором Германа мелькнули два детских личика, – спасибо, Фима.

– Да за что тут спасибо, – рассудительно ответил Ефим, и отключил связь.

Быстро прикончив завтрак, Герман поспешил к машине. К семейству Комбаровых он испытывал смешанные чувства, с одной стороны был уверен, что судьба свела их не просто так, от него ожидалось какое-то участие в жизнях сирот. С другой стороны на данный момент, он сам не знал, что ему предстоит даже в ближайшем будущем. На какое время он задержится в Москве? После расследования его могут перебросить на другой континент. Опасно и подло дать детям надежду, а потом внезапно исчезнуть.

Сев в машину, он выехал со стоянки и позвонил Алине. После девятого гудка, послышался ее взвинченный голос:

– Алло! Герман это вы?

– Я. Что у вас случилось? – спросил он и услышал детский плач.

– У нас дом сгорел! – с надрывом ответила Алина.

– Где ты сейчас?

– Я в Истре, в больнице. Варю и Женьку с ожогами положили в детское отделение.

– Еду к вам! – коротко бросил Герман.

– Да? – Алина громко всхлипнула, и еле слышно добавила: – Спасибо.

Герман набрал номер Михаила, тот ответил после первого гудка.

– Миша, мне надо съездить в Истру. Срочное дело... личное. Как освобожусь, позвоню.

– Что-то случилось?

– Потом расскажу.

– Помощь нужна?

– Справлюсь. Все... приеду как смогу.

Выехав из Москвы, Герман на предельной скорости помчался в Истру. Ему вспомнился обветшалый дом Комбаровых, не мудрено, что произошел пожар. Проводка старая, могла коротнуть. Но потом он вспомнил про звонок Алины, за ее домом кто-то следил. Она осторожная, но не параноик, не стала бы преувеличивать свои страхи. Если это поджог, то кто мог такое сотворить с многодетной семьей, а главное зачем?

Когда он подъезжал к больнице, его телефон снова ожил.

– Я получил несколько IP-адресов, с которых заходили на сервер Лурье, – услышал он деловитый голос Ефима в трубке.

– И?

– Ничего конкретного. Те, кто ими пользовался, учли все последствия – в списке отели, рестораны и даже большие супермаркеты, разбросанные по всему миру.

– Много из России?

– Примерно, треть списка.

– Вышли российские адреса Терентьеву.

– Сделаю, – бодро произнес Ефим.

Герман залетел в приемное отделение и стал искать Алину в толпе. Она заметила его, вскочила со стула и со слезами бросилась ему на шею. Ее плечи покрывал обгоревший по краям плед, лицо в нескольких местах перепачкано копотью. Волосы слиплись, местами обгорели и свисали сосульками вдоль лица.

– Польшнуло в гостиной. А там спят Женька и Варя!– всхлипывая, произнесла девушка.

Герман осторожно высвободился из ее цепких объятий и взял под локоть.

– Пойдем к детям.

Они поднялись на третий этаж в детское отделение. Алина шла медленно, и только сейчас он заметил, что она прихрамывает. Зайдя в палату, Герман увидел Варю.

– Ей больше всего досталось..., бедная, – Алина одарила сестренку жалостливым взглядом.

Девочка лежала на кровати, руки были перевязаны, на лице виднелись замазанные белой мазью места ожогов. Варя спала, и Герману не хотелось ее будить.

– А Женька где?

– Он в процедурном кабинете.

Герман вышел из палаты и увидел идущего по коридору врача. Алина сказала, что именно он будет лечащим врачом брата и сестры и Патрикеев решил с ним переговорить. Сделал Алине знак оставаться в коридоре и зашел за врачом в тесный кабинет.

После беседы он вышел с озадаченным лицом, увидел сидящего рядом с Алиной Женьку и натянуто улыбнулся. У него была перевязана правая нога. Прижавшись к сестре, он периодически всхлипывал. Мальчуган интересовался у сестры, где теперь они будут жить, на что Алина тяжело вздыхала и пожимала плечами.

Герман присел перед Женькой на корточки, взял за руку и спросил:

– Ну что, мужик, когда плясать будем?

– До свадьбы заживет... – совсем по-взрослому ответил Женька, утирая предательскую слезу.

– Молоток! – похвалил его Герман. – Тебе надо остаться в больнице и приглядеть за Варей. А я пока остальных пристрою. Ну, что, присмотришь за сестрой?

– Присмотрю, – Женька кинулся Герману на шею и заплакал.

От неожиданности и детского напора Герман еле удержался на ногах.

– Ну, ну, все уже позади, – он одобряюще похлопал мальчугана по спине. – Ты лучше скажи, вы больше чужую машину возле дома не видели?

– Видели, – ответил Женька, вытирая слезы.

– Зачем ты врешь? – с укором пригрозила пальцем Алина.

– Не вру я! После того как ты их спугнула они стояли на соседней улице, я сам видел, когда с пацанами играл!

– В машине был кто-нибудь? – спросил Герман и нахмурился – придется еще и с этим разбираться.

– Два мужика. Один выбросил сигарету, я заметил его руку. На нем был белый пиджак с золотыми пуговицами.

Алина и Герман переглянулись. Такой пиджак носил Жан.

– А мне почему не сказал? – упрекнула Алина брата.

– Так они же не возле нашего дома стояли...

– У Жана была причина к тебе приезжать? – Герман пристально смотрел на девушку.

Она отвела взгляд и призналась:

– Я «на работу» не вышла. И вообще, сказала ему, что больше не приду.

– Он угрожал?

– Не сам. Мне позвонили и сказали, что меня ждут большие неприятности.

– Понятно. Где остальные дети?

– У соседки.

– Поехали, заберем их, – Герман поднялся на ноги.

– А за мной когда? – испуганно спросил Женька, не отпуская руку Германа. Было видно, как ему не хочется оставаться в больнице.

– Врач сказал, что тебя можно выписывать хоть завтра. А пока остаешься здесь за старшего. Всего одна ночь. Договорились?

– Договорились, – после короткой паузы ответил Женька и тут же добавил:

– Только вы про меня не забудьте!

– Тебя забудешь, пожалуй, – с улыбкой съехидничал Герман.

Когда Герман и Алина вышли на улицу и подошли к машине, он подметил, что девушка сильно изменилась. От прежней самонадеянности и самоуверенности ни осталось и следа. Вид у нее был такой растерянный и несчастный, что у

Германа от жалости сжалось сердце. Если бы не его внезапное появление, все в ее жизни шло бы по-старому. Неожиданно для себя, он погладил ее по плечу и потечески поправил волосы. В глазах Алины блеснули накатившиеся в очередной раз слезы, и она поспешила отвести взгляд.

Герман сжал с силой челюсть, завел мотор и утопил педаль газа в пол, направляя машину к дому Алины, а точнее к тому, что от него осталось. Нагретый в салоне воздух произвел должный эффект, сознание и тело Алины наконец-то расслабились. Страх и чувство ответственности за братьев и сестер не отпускал ее на протяжении пяти последних лет. А теперь, впервые в жизни, она испытала «чувство локтя», не понимая почему, но ее сознание наполняла уверенность, что внезапно появившийся покровитель на улице их не оставит.

Приехав в поселок, Герман увидел рядом с пепелищем служебную машину пожарной инспекции. Он представился инспектору и показал удостоверение.

– Из-за чего произошло возгорание?

– Поджог, – уверенно заявил немолодой инспектор, – мы уже вызвали следователя из прокуратуры, он внутри.

Герман зашел в дом, от которого остались лишь обгоревшие внешние стены. На месте, где раньше была детская, находился мужчина в черном костюме, похожий на работника похоронного агентства. Такое сравнение Герману показалось символичным, еще вчера в этом доме кипела жизнь, а за ночь огонь выжил все живое и превратил комнаты в могильник.

Заметив Германа, следователь поднял голову и строго спросил:

– Вы родственник погорельцев?

– Друг семьи, – вкрадчиво поправил Герман и, предъявив удостоверение, поздоровался со следователем за руку, – так что, есть подозрения, что это поджог?

– Поджог, без сомнений, – уверенно ответил следователь и показал на место возгорания, – пожар начался со стороны улицы, катализатором послужило горючее вещество, экспертиза еще не завершена, но думаю, что это бензин.

– У меня в машине Алина Комбарова. Наверное, вы хотите задать ей вопросы?

– Нет, мы уже переговорили со всеми детьми, я приезжал к ним в больницу.

– Они рассказали, что заметили чужую машину возле дома?

– Да, я уже в курсе.

– Женя может описать одного из пассажиров. Кроме того, машина стояла возле дома не один день, возможно, кто-нибудь из соседей тоже обратил на нее внимание.

– Я как раз собирался обойти ближайшие дома.

– Хорошо, если у вас возникнут вопросы, вот мой номер, – Герман протянул визитку, – звоните в любое время.

Следователь внимательно изучил визитку и положил ее в карман куртки. Герман попрощался и вышел на улицу. Алина стояла около машины с младшими детьми.

– И что теперь? – растерянно глядя на пепелище, спросила она.

– Поедем в отель, где я остановился.

Девушка оторопела.

– Ты живешь в отеле?

– Это временно... – Герман подтолкнул ее к машине.

Она села на заднее сиденье и посадила детей по обе стороны от себя. Дети прижались к старшей сестре и с опаской поглядывали на Германа. Алина хранила молчание, и Герман, понимая ее состояние, не приставал к ней с расспросами.

В отель они приехали через пару часов. Герман взял на руки уснувшего в пути самого младшего из детей и дал знак Алине с Машей идти за ним. Подойдя к стойке администратора, он обворожительно улыбнулся и сказал:

– У меня возникли непредвиденные обстоятельства и мне нужен еще один номер с двумя спальнями.

Краем глаза Герман засек как один из охранников отойдя в сторону, что-то докладывал по рации. Герман не сомневался, что уже в течении часа шеф будет знать все о семействе Комбаровых.

– Одну минуту, – с деланной улыбкой отозвалась миловидная женщина в сером костюме и посмотрела на монитор компьютера, – есть номер на четвертом этаже, с двумя спальнями, но его можно забронировать только на три дня.

– Давайте на три, – согласился Герман и протянул свою банковскую карту.

Девушка кинула изучающий взгляд на Алину и детей, и продолжила оформление. Протянула электронный ключ и вернула банковскую карту.

– Отель может предложить для детей детскую игровую комнату, которая находится на втором этаже. В ресторане есть детское меню. Так же по вашему желанию мы можем предоставить вам няню.

– Спасибо, учту, – сказал Герман и, повернувшись к Алине, кивнул в сторону лифта.

Номер в конце коридора, состоявший из просторной гостиной и двух спален, сразу понравился Герману своей лаконичностью и комфортом. Он прошел в одну из спален, положил на кровать Антона и укрыл его одеялом. Малыш сразу повернулся на бок и сладко засопел. Алина сполоснула соску в раковине и вложила в руку братишке.

– Ты располагайся, искупай детей, приведи себя в порядок. Деньги на карте остались?

– Да. Я успела прихватить свой паспорт и кредитку.

– Вот и хорошо. В отеле неплохой ресторан, можешь сделать заказ по телефону, и тебе принесут еду в номер. В интернет магазинах можешь заказать себе и детям одежду с доставкой. Я приеду, как освобожусь.

– А что будет через три дня? – с тревогой в голосе спросила Алина.

– В смысле? – не понял Герман.

– Администратор сказала, что номер свободен только три дня.

– Придумаем, что-нибудь, не в пустыне ведь живем. До вечера, – сказал Герман и быстро вышел из номера.

&&&

Терентьев проводил совещание со следственной группой в конференц-зале. После влажной уборки были ликвидированы следы многочасовой работы напарников. Через жалюзи проникали бодрящие полуденные лучи и искаженной тенью падали на ламинат с древесной текстурой. Монотонный голос не выпавшегося Софиева возвещал о результате слежки за Грозовым.

Когда Герман открыл дверь, все присутствующие посмотрели в его сторону. По утомленным лицам он понял, что новостей много, но не таких, что могли бы повлиять на ход расследования.

– ...Мы так же установили место, куда Грозовой привезет намеченную жертву, – продолжил доклад Софиев, – это поселок Старки Калужской области. Там он купил дом и только что закончил ремонт. По словам строителей, с которыми нам удалось переговорить, он полностью переделал подвальный этаж. Внешне дом выглядит как недострой, но на крыше новенькая спутниковая антенна.

– Ясно. Задорнов, что у тебя? – Терентьев посмотрел на молодого следователя, который не отрывал напряженного взгляда от протокола вскрытия.

– У меня заключение патологоанатома. Причина смерти Лурье – насильственная смерть от удушья. Покойного пытали, затем задушили и только потом повесили. На теле множественные ушибы и ссадины. Эксперты указали в протоколе, что одевали покойного посмертно.

– Зачем пытали Лурье? – Терентьев задумчиво оглядел присутствующих.

На минуту в комнате воцарилась тишина, Терентьев перевел взгляд на Задорнова и спросил:

– Что с компьютерами? Удалось получить хоть какую-нибудь информацию?

– Пока ничего, – Задорнов виновато развел руками.

– А что будем делать с Грозовым? – спросил майора Софиев.

– Только следить, – приказал Терентьев и пояснил: – Пока он на свободе у нас есть шанс узнать больше. Без своей команды он как без рук, уже сделал первую ошибку – оформил покупку дома не себя.

– А если дело затянется? – спросил Софиев.

– Это дело и так уже побило все временные рекорды. Грозового возьмем с поличным. Чтобы уже не отвертелся.

– А что с допросами прислуги? – спросил Герман. – Удалось разговорить?

– Их как в управление привезли, так все сразу запросили адвоката, – с усмешкой ответил Задорнов, – видать, кто-то проинструктировал.

– А этот адвокат случайно не Демидова? – по тону вопроса можно было предположить, что Герман почти не сомневается в ответе.

– Да. А как вы узнали? – удивленно спросил Задорнов.

– Ну, ты глянь! Еще вчера Рогов – ее единственный клиент, а сегодня целый отряд.

Герман хмыкнул и многозначительно посмотрел на майора, но тот при сотрудниках не стал развивать тему и отвел взгляд.

– Полковник Логинов подтвердил, что сегодня вечером привезут Сорокину, – напомнил всем Софиев.

– Вот и отлично, – сказал Терентьев, – еще новости есть?

Задорнов и Софиев дружно выдали «Нет» и майор сказал:

– Тогда на повестке дня обед.

Когда Герман и Михаил вышли из здания управления и пошли в сторону кафе, майор спросил:

– Что там в Истре случилось?

– Да я одной девчонке помог пару дней назад, а ночью у нее дом сгорел.

Майор присвистнул и спросил:

– Это та, которая звонила тебе, когда мы обыск в доме Лурье делали?

– Ну, да. У нее четверо братьев и сестер. Родителей нет, жили в старом доме, а теперь и его нет.

– Сначала она говорит, что за ней следят, а потом у нее сгорает дом.

Подвоха не чуешь?

– О чем ты? – Герман нахмурился.

– Странное дело, в расследовании ты сам себе не доверяешь, а как коснулось личных отношений, не можешь распознать, как тобой манипулирует молодая девица

– Зачем ей это? – искренне удивился Герман.

– Как зачем? Холостой, видный, образованный. Ты, наверное, ей уже и денег подкинул, – улыбаясь, произнес майор и сочувственно похлопал напарника по плечу.

– А что я должен был сделать? Сунуть тысячу рублей ей в руку и сказать, как мне жаль? – разводя руками, раздраженно спросил Герман.

– Ладно, не кипятись. Это твоя жизнь, делай то, что считаешь нужным, – успокоил его майор.

– У тебя нет риэлтора на примете? – спросил Герман после паузы.

– Есть, а что?

Герман подставил лицо солнцу и сощурился.

– Давно планировал домик прикупить где-нибудь в хорошем местечке. Речка, лес ну и все такое. Да все никак не решался, а тут видимо сама судьба меня подталкивает.

– Постой, так ты что для сирот дом покупаешь? – глаза майора расширились от удивления, он не верил своим ушам. – Да сдались тебе эти дети! На всех тебя не хватит. Что у них близких или дальних родственников нет?

– Может и есть, – Герман покачал головой, – только никому они не нужны.

Проницательный взгляд Терентьева прожег напарника. От брата он слышал о трудных почти невыполнимых заданиях, с которыми приходилось справляться Патрику, о котором в ГРУ ходили легенды. Поговаривали, что у него и родители были в разведке, и что природа на сыне не отдохнула – он достойно продолжил семейное дело. Но вот мотивацию его поступков майор никак не мог понять. В каких-то моментах он был беспощаден, циничен, а теперь покупает дом для детей, которых знает без году неделя.

– Номерок я тебе, конечно, дам. Проходил у меня один риэлтор по делу. Он с тебя ничего не возьмет. Мы ему тогда здорово помогли – парень на краю срока стоял.

– Спасибо, а то, сам знаешь, времени на поиски хорошего агента нет.

Они вошли в кафе и сделали заказ.

– Я не стал спрашивать при всех. Ты с Долгиным не говорил? – спросил Герман, вспоминая загадочную ночную встречу. – Как он объяснил близкое знакомство с Демидовой?

– А он на работу не вышел.

– То есть, как это, не вышел? – опешил Герман и нервно сглотнул.

– Да вот так. Я звонил ему на мобильный, домашний. Тишина.

– Он один живет?

– Да. После обеда пойду в кадры, возьму телефон родственников. Кстати, Демидова утром заявила о пропаже машины. Того самого Мерседеса. Говорит, что не ездила на нем уже два дня, и автомобиль стоял на служебной стоянке.

– Вот оно как?! – ехидно подметил Герман. – Как бы нашего Долгина не того..., – Герман недоговорил, выразительно уставившись на Терентьева.

– Зачем ты меня вчера удержал? Если бы я подошел к нему, возможно, он не сел бы в машину.

Герман хотел ему ответить, но увидев подошедшего к их столику официанта, промолчал. Официант расставил на столе заказанные блюда и, пожелав приятного аппетита, удалился.

– Есть еще одна новость. Так сказать не для посторонних ушей, – майор дождался, когда Герман придирчиво изучив блюдо, поднял на него глаза. – В списке покупателей видео, который прислал твой человек, есть IP-адрес, зарегистрированный там же, где когда-то проживала сестра Логинова.

– Час от часу не легче! – тяжело выдохнул Герман.

– Я бы никогда не догадался о связи, если бы сам не подвозил его по этому адресу. Мы с ребятами помогали занести пианино, которое он купил племяннице.

– Что будешь делать?

– Пойду после обеда к нему и все выложу.

– Может, пока попрिдержать эту информацию?

– Шутишь? Мы бьемся над догадками, за каким чертом они все заходили на сервер Лурье, а он оказывается, к этому причастен.

– Ты это... поосторожнее там...

– У меня с полковником лады. Мы не раз помогали друг другу.

– Возможно, только сейчас дело громкое и запутанное. К тому же, придется как-то объяснить, откуда у тебя эти данные. Ведь ваши техники пока не дали никакой информации. Одно дело вытащить список перед подчиненными, другое – перед полковником.

– Я все равно пойду к нему, – упрямо заявил майор.

Герман вопросительно поднял одну бровь, но решил не давить на напарника.

После обеда, они вышли из кафе и направились в управление. Герман вдохнул воздух полной грудью. Ему вдруг вспомнилось, как он на протяжении трех лет мечтал о московской весне.

– А что у тебя с женой? – неожиданно спросил Терентьев.

– Все так же.

– Она опять приходила?

Герман кивнул и от нахлынувших воспоминаний разнервничался и закурил сигарету.

– Что будешь делать?

– Не знаю. Когда она рядом я даже думать об этом не могу, а когда уходит, то голова взрывается от мысли что идет к другому.

– Нда... мерзопакостно, – согласился Терентьев.

– Вся жизнь одна большая несправедливость, – негромко сказал Герман, открывая дверь управления.

– А я все уже для себя решил!.. – нарочито весело выдал майор и вошел за Германом в здание.

Им навстречу один за другим попадались работники прокуратуры, которые здоровались с майором за руку и бросали как бы между прочим стандартное "как дела?», а затем просачивались на служебную стоянку. Недосказанная фраза Терентьева повисла в воздухе и Герман спросил:

– Так что ты решил?

– С бывшей покончено окончательно и бесповоротно, – ответил Терентьев и, почувствовав двусмысленность фразы, исправился, – в хорошем смысле покончено. Начинаю новую жизнь и тебе советую. Разбитую чашку не склеить, – сказал майор и бодро побежал вверх по лестнице.

– Легко сказать, – тихо произнес Герман.

Логинова на месте не оказалось, и Терентьев попросил секретаря дать ему знать, когда полковник вернется в кабинет, после чего они с Германом прошли в конференц-зал.

Зайдя в ставшую их штабом комнату, Терентьев сел за стол и разложил перед собой список IP-адресов.

– Надо поручить ребятам, проштудировать список. Пусть пробьют по адресной базе, может, удастся выйти на покупателя видеозаписи, – сказал он Герману, который расположился рядом.

– И каков план?

– Для начала допросим, а там по ситуации.

– Напрасная трата времени. Ну, допросишь ты их, дальше что? Доказать, что именно тот человек сидел перед компьютером в момент передачи данных, ты не сможешь. Любой адвокат разобьет твои доводы в пух и прах. Нет. Мне кажется, что список к делу приобщать не надо. Сейчас надо сконцентрироваться на Сорокиной, Грозовом и Рогове. А если Долгин не появится на работе до вечера, в чем я лично почти не сомневаюсь, то на нем и адвокате.

– Это ты так дело повернул, чтобы я к Логинову не ходил? – предположил майор и усмехнулся.

– Факт покупки видео Паука мы доказать не сможем.

Майор заскрежетал зубами, но все же убрал список в кожаный портфель.

– А по поводу видео, Ефим сказал, что это чистой воды компромат. Скорее всего, Лурье по надежному каналу сообщал о наличии записи, далее показывал отрывок из видео и устраивал аукцион. Когда торги заканчивались, он указывал счет, по которому нужно перевести деньги. И что-то мне подсказывает, что эту деятельность он развернул сам... один. Ни Рогов, ни Грозовой к ней непричастны. Он, конечно, им помогал с шантажом жертв, но основная часть видео будет его собственная картотека, которая никакого отношения к Пауку не имеет. И вот к той самой деятельности и причастен наш участковый Романов. Он помогал ему в поиске и сбыте компромата.

– Может ты и прав. Посмотрим, что твой маминькин сынок раскопает, – майор потер шею и вернулся к теме видео: – Если все, так как ты говоришь, тогда почему в списке, только треть российских адресов? Зачем местный компромат понадобился кому-то за кордоном?

– А может это наши? Сидят, греются на солнышке и по ходу, свои дела решают. Много ума, чтобы воспользоваться вай-фаем отеля не надо, сейчас любой дурак это умеет делать.

– Да уж.

В комнату вошла секретарь и, глядя на майора, сказала:

– Полковник ждет вас.

Терентьев поднялся, взял портфель и, провожаемый неодобрительным взглядом Германа, вышел из конференц-зала...

&&&

Устойчивый запах паркетного лака напоминал любому входившему в приемную и кабинет начальника управления, что здесь недавно проводился ремонт. Мебель, перевезенная полковником со старого здания, была почти антиквариатом и тоже подверглась значительной реставрации. Светло-зеленые стены придавали хозяину кабинета нездоровый цвет лица и уже через две минуты вгоняли майора в депрессию.

Логинов посмотрел на входящего в кабинет Терентьева, и молча кивнул, указывая на ближайший стул. Майор пересек кабинет, опустился на стул и выжидательно уставился на шефа, который с особой скрупулезностью начищал полированную столешницу.

– Что у тебя? – наконец-то недовольно пробормотал полковник после короткой паузы.

– Александр Васильевич, нужно кое-что обсудить.

– Выкладывай.

Майор подметил, что шеф в хорошем настроении и это вселяло надежду в то, что разговор не закончится его выдворением из кабинета. Демонстрируя перед Германом уверенность в своем шефе, он осознавал, что это мальчишеская бравада. На самом деле, узнав адрес сестры полковника, он испытал жгучую боль и предательские сомнения, неужели его шеф замешан в деле Паука? Это объясняло бы его желание лично допросить Демидову и прием на работу Сорокиной. Именно Логинов проводил с ней собеседование и подписал приказ о приеме на работу.

Открыв портфель, Терентьев стал перелистывать одну страницу списка за другой. Найдя нужный абзац, он обвел его ручкой и показал полковнику.

– Что это? – в недоумении спросил шеф, голос его был ровным и спокойным.

– Мы получили данные по IP-адресам, с которых заходили на сервер Лурье и скачивали файлы, предположительно для последующего шантажа.

– Так, хорошо. И что там? – в глазах полковника Терентьев увидел нечто похожее на тревогу.

– Посмотрите адрес, который я обвел ручкой.

Полковник прочитал обведенный абзац и поднял удивленные глаза на майора.

– Это адрес моей сестры. Правда, сейчас она там уже не живет.

– Но жила в то время, которое указано в списке.

Несколько секунд полковник внимательно вглядывался в лицо майора, пытаясь предугадать последующий ход беседы. Терентьев виновато опустил глаза, как бы извиняясь за недоверие.

– Вот значит как, – напряженно произнес полковник, брови взметнулись вверх, верхняя губа судорожно дрогнула, – что нам это дает в свете общей картины?

– То, что в квартире вашей сестры кто-то воспользовался компьютером и зашел на сайт шантажиста Лурье.

– Факт шантажа пока не доказан, – отрывисто напомнил полковник с хмурым лицом.

Тяжело поднявшись с кресла, Логинов размеренными шагами подошел к окну и стал всматриваться в урбанистический пейзаж. Майор знал, когда шеф сильно нервничает он всегда подходит к окну – так он пытался успокоиться.

– Помню вы, когда-то говорили, что ваш племянник очень смысленный в компьютерах.

– Так и есть, – не отрывая взгляда от дороги, согласился полковник.

– Может, это его рук дело?

– А кто ж его знает? Это у него надо спрашивать.

Всем своим видом Логинов давал понять, что разговор ему неприятен, но глубоко внутри был благодарен майору за то, что тот, не делая поспешных выводов, пришел и напрямую задал вопрос. Вернувшись к столу, он взял мобильный телефон и набрал номер сестры.

– Вера, здравствуй, это я. Пашка дома? Дай ему трубку, – пока происходила передача трубки, полковник постукивал костяшками пальцев по столу и не сводил взгляда с семейных фотографий, – Паша привет. Слушай, мне срочно нужна твоя помощь по очень важному делу, можешь приехать ко мне в управление? Хорошо, бери такси и сейчас же дуй ко мне.

С тяжелым вздохом полковник опустил в рабочее кресло и сказал:

– Пашка, конечно, тот еще сорванец, сестра постоянно на него жалуется. Но я уверен, что в криминал он не полезет. Знает, что с ним будет. Я ему еще год назад сказал: «Попадешься – отмазывать не стану».

– На первый взгляд эта информация могла и не вызвать никаких подозрений, – предположил Терентьев, словно давая полковнику место для маневра.

– Хорошо, я разберусь, а ты пока иди, занимайся делом. Я тебя позову, когда он приедет, – сказал полковник и взялся за телефон внутренней линии.

Майор взял список со стола, положил его в портфель и вышел из кабинета. Войдя в конференц-зал, он увидел Германа стоящего в задумчивости перед доской с уликами.

– На что смотришь?

– Да вот, сделал одно предположение, и после этого у меня вся схемка-то и сложилась, – сказал Герман, глядя на Терентьева горящими глазами.

– Какое предположение?

– А что если Паук – это Грозовой?

Майор отмахнулся от слов, словно от назойливой мухи и скривился в ухмылке.

– Скажешь тоже.

– А что? «Мокрухи» на нем нет. Всю грязную работу за него делают другие. А он развлекается с бабами и собирает деньги. Чистая работенка. И ты подумай, если даже возьмем его с поличным, что мы ему предъявим?

– Как что? – Терентьев загнул большой палец. – Во-первых, похищение и насильственное удержание, во-вторых, – в дело пошел указательный палец, – сговор в целях вымогательства и шантажа, в-третьих, подстрекательство к убийству.

– А женщина, скажет, что она сама к нему пришла. Шантаж доказать сложно, для этого нужны жертва и ее показания. Факт подстрекательства ты тоже не докажешь, потому что Рогов взял всю вину на себя. Он ведь сказал, что он убил всех этих женщин, и никакого сообщника у него не было, так?

Терентьев неохотно кивнул, против воли соглашаясь с железными доводами Германа.

– И что ты предлагаешь? – Терентьев посмотрел на Германа, и не удержался. – Умник.

– Предлагаю сосредоточиться на поиске Гулямова, – парировал Герман, не обращая внимания на ехидство напарника, – и закрыть дело полковника, Лурье и сомелье. Затем всерьез приняться за Рогова, это ты уже без меня сделаешь. Ну, а потом, когда все дела будут закрыты, может тебе повезет, и в отсутствие Гулямова и Рогова, Грозовой пойдет на убийство сам или попытается нанять убийцу. Вот тогда ты подставишь ему своего человека-киллера и докажешь факт найма убийцы. Но случится это не раньше чем через три месяца, и при условии, если женщина не забеременеет.

– Черт! – Терентьев стукнул по столу кулаком. – Достало меня это дело! До самой печенки достало!

Майор подошел к окну, заложил руки за спину, его взгляд бесцельно блуждал между проезжающими машинами и спешащими прохожими.

– Где сейчас Гулямов? Вот в чем вопрос, – задумчиво произнес Герман и поскреб подбородок.

– Отсидживается где-то.

– Почему он пришел к врачу Рогова в открытую, не таясь?

Дверь открылась, и на пороге вновь появилась секретарь Логинова.

– Михаил Матвеевич, Логинов снова просит вас зайти в его кабинет.

&&&

Терентьев вернулся в кабинет полковника и увидел парнишку лет семнадцати в кожаной куртке-косухе. Ни испуга, ни беспокойства на его лице не было, из чего майор сделал вывод, что полковник к делу не причастен, и

мгновенно испытал глубочайшее облегчение. Сев за стол, Терентьев вопросительно посмотрел на полковника. Тот кивнул и сказал:

– Он уже в курсе дела, так что задавай свои вопросы.

Майор пристально посмотрел на юношу и спросил:

– Павел, зачем ты заходил на тот сервер?

– Я не помню, – с вызовом ответил племянник полковника.

– Пашка, не юли! Не хватало, чтобы я из-за твоих делишек своих погон лишился! – не выдержал Логинов, и резко стукнул ладонью по столу.

Парнишка вздрогнул и от испуга закричал:

– Я ничего такого не делал! Мне предложили пару баксов срубить, вот я и подписался!

– Кто предложил? – холодно спросил Терентьев.

– Знакомый!

– Как зовут? Где живет? Кто такой? – с каждым вопросом голос Терентьева становился все жестче.

– Кожухов Димка. Мы учились в одном классе. Потом он куда-то переехал! Куда – не знаю!

– Что ты должен был сделать? За что деньги?

– Ну, он сказал, зайдешь на сервер в определенное время и скачаешь файл. Сказал, чтоб я не смотрел, что там, просто скачал на флешку и отдал одной женщине.

– И ты, как последний идиот, так и сделал?! – было заметно, что полковник с трудом удерживается от более крепких выражений.

– Да! Эта тетка пришла в колледж, отдала мне деньги, а я ей флешку.

– Она или Димка знали, что у тебя дядя служит в органах?

– Нет, – Паша искоса глянул на дядю, – я об этом не распространялся, что я дурак что ли?

– А, по-моему, дурак, каких еще поискать! – Логинов покраснел от злости, глядя на беспутного племянника.

– Что с файлом, Паша? Ты видел, что в нем?

Павел, нервно кашлянул и потупил взгляд.

– Ну, попытался я открыть – ни хрена не получилось. Запросили пароль доступа. Я сделал несколько попыток, чтобы его взломать, но все впустую.

– Ясно, – сказал Терентьев, – так..., а что за женщина, опиши ее.

– Молодая, лет двадцать пять, длинные рыжие волосы, симпатичная такая. Рассказала пару анекдотов.

Майор испуганно уставился на парнишку и шумно сглотнул. Полковник перехватил его обеспокоенный взгляд и спросил:

– Что?

Вместо ответа, Терентьев быстро вышел из кабинета. Через минуту он вернулся, держа в руках фотографию, которую вынул из досье на адвоката.

– Она? – спросил Терентьев, показывая фотографию Демидовой.

– Да, это точно она, – ответил Павел и с опаской покосился на родственника.

Логинов оторопело смотрел на племянника, за считанные секунды он понял действия пронырливого адвоката, играющую не по правилам. Сопоставив временные отрезки, Логинов понял, что адвокат привлекла его племянника уже через три дня после задержания Рогова, а значит, в разработке у преступной группы был не только Архангельский.

«Быстро действуют», – подумал Логинов, а вслух сказал:

– Паша, ты иди, будешь нужен, я позвоню. О нашем разговоре никому ни слова. Даже маме. Ты понял?

– Понял, – недовольно пробубнил племянник, надвинул бейсболку козырьком назад и вышел из кабинета, по-стариковски шаркая ногами.

Когда полковник и майор остались в кабинете одни, Логинов сказал:

– Выходит адвокатша подстраховалась...

– Выходит, что так.

– Какая ушлая, отыскала моего племянника, нашла точки соприкосновения и без всякого нажима уговорила зайти на сервер сообщников, тем самым обеспечивая себе туз в рукаве.

– И не один у нее туз...

Полковник изучающее замер и через минуту спросил:

– Мне показалось или тебе есть, что сказать об этой Демидове?

– Не показалось, – Терентьев посмотрел полковнику в глаза.

– Опять с дамочками на работе фокусничаешь? – догадался полковник. – Тебе мало прежних инцидентов?

– Да я... она... – глаза майора блеснули, брови сомкнулись в одну сплошную линию, он шумно сглотнул и потянулся к графину с водой. Напившись воды, он вытер ладонью губы и начал объяснять: – Она подошла ко мне на похоронах Архангельского... я был в расстроенных чувствах... предложила выпить по рюмочке.

– Ты ведь тогда уже знал, что она адвокат Рогова?

– Знал, – обреченно выдохнул Терентьев.

– Идиот! Дальше?

– Выпили и хотели уже разойтись, но она предложила послушать у нее музыку. Я зашел...

– Наслушался?

– Так точно, – Терентьев опустил голову, – на всю жизнь.

– А ты не подумал, Миша, – начал полковник, делая ударение на имени, – что зная, какое дело ты ведешь, эта адвокатша специально заманила тебя к себе, и сделала для страховки видеозапись ваших... «прослушиваний»?!

Майор качнул головой:

– Как-то не подумал.

– Так подумай! – рявкнул Логинов и стукнул по столу. – Она подставила моего племянника, чтобы при первой же возможности разыграть эту карту. Думаешь, ты такой неотразимый и она примостилась рядом с тобой на похоронах, чтобы утешить? Она может приберечь видеозапись с вашими кувырканиями для того чтобы снять с дела ведущего следователя и поставить под сомнение все собранные тобой улики.

– Да уж, с нее станется, – вынужден был признать Терентьев.

– А заодно придумай, как это обойти! Ее арест не за горами и такая изворотливая проныра без боя не сдастся. Надеюсь, это ты понимаешь?!

Терентьев молча кивнул.

– Все! Можешь идти и начни шевелить мозгами, а не... тьфу! – полковник указал майору на дверь.

С понурой головой майор, словно нашкодивший мальчуган, вышел из кабинета и, постояв немного в задумчивости в приемной, спустился по лестнице на второй этаж и вошел в свой кабинет. Сейчас ему не хотелось никого видеть. Ну как он мог так вляпаться? Стыдно было признавать, но его, как школьника обвела вокруг пальца рыжеволосая бестия.

Тем временем, сидя в конференц-зале, Герман говорил по мобильному телефону с Ефимом.

– У меня есть новости.

– Слушаю, – сказал Герман и положил перед собой блокнот.

– Я вскрыл последний скопированный диск – там просто жуть! Это без содрогания смотреть нельзя... год без сна мне обеспечен!

Герман откинулся на спинку стула и раздраженно осадил расчувствовавшегося хакера:

– Фима, давай без эмоций. Только факты, что там?

– Это издевательства над женщиной! У меня мурашки по коже..., э-э-э, в общем, ее заживо расчленили!

– Вези сюда все, что удалось вскрыть.

– Один?!

– Прислать Кинг Конга?

– Нет! Только не его!

– Ну, тогда воспользуйся такси. Все. Жду тебя в управлении.

– Вот черт! – Ефим помолчал пару секунд, и обреченно добавил: – Ладно, постараюсь приехать через час.

Отбив звонок Герман прислушался, в приемной был слышен голос Логинова, он говорил секретарше, что уезжает на встречу и вернется через два часа. Майор после беседы с полковником в штаб так и не вернулся, поэтому Герман набрал номер его мобильного.

– Ты где?

– У себя, – сухо ответил Михаил.

– Сейчас приду, – Герман вышел в коридор через приемную и пошел к лестнице.

Патрикеев преодолел два лестничных пролета, спустился на второй этаж и вошел в кабинет майора. Открыв дверь, он увидел, что следователь сидит в темноте за своим столом, обхватив голову руками.

– Ты чего? Один, в темноте... что-то случилось?

– Думаю.

– Да неужели?! – Герман попытался пошутить, но мрачный вид Терентьева смел с лица так и не успевшую родиться улыбку.

– Я рассказал полковнику про Демидову, – глухо произнес Терентьев, – он сказал, что я должен быть готов к тому, что она попытается отстранить меня от дела.

– Ну, это мы еще посмотрим, – неунывающе ответил Герман, – скоро Ефим привезет видео, которое ему удалось скопировать с компьютера Лурье. Насколько я понял, на них запечатлена казнь жертвы.

– Достало все, сил нет, – ответил майор и закрыл лицо руками.

– Эй, ты чего? Скис, как простокваша.

– Я по уши в дерьме! До сих пор не пойму, как я мог так вляпаться!

– Ох уж эти бабы..., – начал было Герман, но осекся и, уже другим тоном, продолжил: – Придумаем что-нибудь, не впервой!

Майор нервно откашлялся, вынул сигарету из пачки и закурил. Сделав пару глубоких затяжек, он с шумом выдохнул и сказал:

– А если Логинов прав и она записала, как мы того... кувыркаемся?!

– Ты говорил что-нибудь, что может тебе навредить?

– Нет. Это был просто секс.

– Вот и успокойся. Секс в нашей стране теперь есть, и не является уголовным преступлением. И потом, еще неизвестно, существует ли вообще эта запись. А проблемы будем решать по мере их поступления.

– Мне нужно на воздух. Пойдем, подышим.

– Свежезагазованный московский смог – это то, что сейчас нужно! – снова попытался пошутить Герман, но шутка вновь осталась неоцененной.

&&&

За последние три месяца Ефим впервые вышел из дома один. Обычно его сопровождал охранник из ГРУ. Но три дня назад его отозвали, мотивируя тем, что опасность миновала. На управление Ефим начал работать около полугода назад, после того как из праздного любопытства вскрыл федеральную базу Пентагона и попал в поле зрения внешней разведки. В результате его действий под угрозой оказалась приватная информация сотен тысяч сотрудников американского военного ведомства. Серьезность последствий своего бездумного поступка он смог ощутить после того как заметил слежку за собой и другими членами семьи. После короткого расследования выяснилось, что следит за ним вовсе не наша разведка. Именно этот фактор сыграл решающую роль и Ефим был вынужден принять предложение о сотрудничестве с ГРУ, которое ранее неоднократно отклонял.

Хакер нахлобучил капюшон на голову, а лицо скрыл под медицинской маской. От страха мороз пробивал все тело, и даже теплая зимняя куртка не могла его согреть. То и дело оборачиваясь, он дошел до стоянки такси и сел в третью по счету машину, чем вызвал разноязычное негодование водителей впереди стоявших такси.

– На Малый Кисельный переулок! – нервно бросил он светловолосому коротышке с добродушным лицом.

Водитель вырулил со стоянки и выехал на шоссе Энтузиастов. Минут десять Ефим следил через боковое зеркало за дорогой и, убедившись, что слежки нет, скинул капюшон и снял маску. Водитель опасливо покосился на странного пассажира и прижался к дверце, словно готов был выпрыгнуть на ходу в любой момент.

Ефим вынул из кармана телефон матери и начал просматривать настройки мобильных приложений. Своего мобильного у него по понятным причинам не было, слишком большой риск, поэтому он уговорил мать снабдить его телефоном на пару часов.

Приехав в управление, Ефим поднялся в конференц-зал и открыл дверь. За столом сидели Герман, Терентьев и Мануйлов.

– Не прошло и года, – недовольно пробурчал Герман, глядя на сконфуженное лицо хакера.

– Сказал же через час, – Ефим прикрывая за собой дверь.

Поздоровавшись со всеми за руку, он присел к единственному компьютеру, вставил флешку и открыл несколько файлов.

– Без потерь удалось сохранить только три видеозаписи. Остальные сильно повреждены. На первой болтовня блатных, – словами сопровождал свои действия Ефим, запуская видео.

На черно-белой записи отчетливо были видны трое сидящих в ресторане мужчин. Между ними шел оживленный разговор. Майор сразу узнал одного из собеседников, ткнул пальцем в экран и сказал:

– Этого прыща я знаю! Заноза в заднице!

– Кто он? – осведомился Герман.

– Бахреев Руслан. Владелец охранного агентства «Легион».

– А почему заноза? – Герман сделал знак Ефиму приостановить запись.

– Мутный, как болото, а прижать не получается. Каждый раз выкручивается!

Герман кивнул Ефиму, и тот снова включил воспроизведение. Один из мужчин, тот что сидел к камере спиной, громко сказал: «Денег я дам, но остальное без меня». Бахреев говорил с кавказским акцентом: «Есть на примете один человек. Уберет «Литву» чисто, без шума и пыли. А валить козла нужно за кордоном – меньше подозрений на банк».

– О чем это они? – спросил Мануйлов.

– Кажется, я понял, – просиял Терентьев, – пару лет назад в Таиланде был убит некто Литовский, банкир по прозвищу «Литва». Он был соучредителем одного из московских банков, который отмывал деньги всякой нечисти – торговцев наркотой, оружием. Думаю, речь о нем.

– Не поделили бабло? – предположил Мануйлов.

– А хрен его знает, что они там не поделили! – Терентьев даже поморщился от безразличия. – Ладно, крути дальше.

Мужчины на записи еще немного поспорили, а в конце разговора Бахреев сказал: «Через три дня Литва летит в Тайланд, там все и сделаем». Третий собеседник спросил: «Сколько возьмет твой человек?». Бахреев придвинулся ближе и ответил вполголоса: «В доле пятеро, так что с каждого по двадцатке».

Ефим открыл вторую запись.

– Здесь разговор между женщиной и мужчиной.

Сначала на экране было размытое изображение, потом картинка прояснилась и все увидели роскошно обставленную комнату. Интерьер в классическом стиле, в центре большая кровать с балдахином, на кровати лежали красивая молодая блондинка и Грозовой. Лежа на груди поэта, женщина расточала ему комплименты: «Дорогой, это было как во сне. В какой-то момент мне показалось, что я от наслаждения теряю сознание. А мой придурок даже не знает, где у меня эрогенные зоны».

Мануйлов резко вскочил со стула и рванул к доске, сорвал увеличенную фотографию, на которой было запечатлено генеалогическое древо Паука.

– Вот она!

Все подняли глаза и увидели фото женщины, а рядом с ней фотографию девочки лет пяти.

– Блондинка родила от него дочь, – резюмировал майор.

– Говорю тебе Паук и есть Грозовой, – настойчиво произнес Герман.

– Похоже, ты прав, – нехотя признался Терентьев и в задумчивости потер подбородок.

Далее на записи женщина ласкала Грозового и нежилась в его объятиях. Затем он отстранился и встал с кровати. Накинув халат, он подошел к бару, который был расположен ближе к видеокамере, налил вина и добавил женщине в бокал белый порошок. Женщина лежала на кровати и что-то напевала вполголоса.

Грозовой: «Бокал вина?».

Она привстала, взяла бокал и сделала пару глотков. Поэт лег на кушетку, напротив кровати и как бы, между прочим, спросил: «Ты говорила, твой муж чиновник. Где конкретно?».

«Он большая шишка, член совета федерации», – ответила она после паузы.

«А ты что не могла мне об этом раньше сказать?! – нарочито возмущенно спросил Грозовой и как ужаленный вскочил с кушетки.

«А в чем дело? – в недоумении спросила женщина. – Что бы это изменило между нами? Я может, даже боялась этого и не хотела тебе говорить. Предполагала, как ты отреагируешь».

Грозовой сделал вид, что смягчился: «Хотя это даже придает нашим отношениям немного интриги. Известный поэт и писатель уводит жену члена совета федерации».

Он театрально расхохотался и, поставив свой бокал на прикроватную тумбу, лег рядом с ней и сдернул с нее одеяло. Поглаживая ее обнаженное тело, он слащаво улыбнулся и сказал: «Знаешь, дорогая, мне кажется, что ты недооцениваешь своего мужа. Мы ведь не сможем долго скрывать свои отношения. Он может нанести вред не только мне, но и моей семье. А ты ведь знаешь, в каком я положении – жена при смерти, на моих руках четверо детей».

– Вот урод! – не удержался Мануйлов. – Его жена здорова как космонавт! По утрам делает забег на десять километров вдоль набережной Москвы-реки!

– Классический прием, – ответил майор, – ты подожди, я пока развестись не могу, моя жена умирает или смертельно больна. Мы с ней не живем. Наш брак просто фикция, ну и так далее. Вариантов – море.

Тем временем, Грозовой продолжал ласкать и расспрашивать женщину: «Расскажи мне о нем. Какой он?»

«Он нудный и скучный финансист. Ни о чем кроме политики и экономики говорить не может. Илюша, я одинока и предоставлена самой себе. Ему дела до меня нет. Я как красивая кукла, которую нужно выводить в свет и показывать. В постели он просто невыносим», – ответила она томным голосом, язык стал у нее немного вялый.

«А чем он конкретно занимается?» – спросил Грозовой и стал целовать женщине грудь. Она застонала и отрывисто произнесла:

«Он... он решает вопросы с землей... и недвижимостью».

– Сейчас снова будет секс, – сказал Ефим, прокрутил немного запись вперед и остановил, – здесь, самое интересное, – добавил он, нажав на воспроизведение записи.

Женщина была сильно пьяна, язык уже заплетался, разговор крутился вокруг все той же темы, видно Грозовому было важно собрать как можно больше информации, чтобы выжить максимум выгоды. Блондинка лежала на груди у Грозового и говорила:

«...Был какой-то разговор, связанный с приватизацией завода, вроде его сначала обанкротили, а потом он и еще один его друг, через подставную фирму выкупили за копейки. Был организован аукцион для видимости, но его проводили тайно и все участники были фиктивными. Вообще он так много чего прибрал к рукам».

Женщина стала перечислять объекты недвижимости, среди них были офисные здания, торговые центры и производственные предприятия, в основном по выпуску продовольственных товаров.

Грозовой внимательно выслушал ее и сказал: «А он у тебя не промах. Смелый парень. Другой бы побоялся».

«А чего ему бояться? Он со всеми делится. Никому не мешает. Прибирает к рукам только то, что плохо лежит», – сказала она.

«Так все думают», – сказал Грозовой, и запись закончилась.

– Интересно, они выставили на аукцион эту запись или сами ею воспользовались? – спросил майор.

– Мне кажется что сами. Эта же клад для шантажиста, – сделал вывод Мануйлов.

– Не все так просто, – вступил в прения Герман, – недвижимость приобреталась через подставных лиц, нигде свою подпись муж жертвы, наверняка, не ставил. Доказать его вину будет очень трудно. Да и не наше это дело. Ставь следующую, Фима.

Глаза Ефима испуганно вспыхнули, дрожащими пальцами он запустил третью запись. Увидев первые кадры, все в комнате напряглись. На записи Рогов издевался над молодой женщиной, связанная по рукам и ногам она извивалась на полу и орала во все горло. Сначала Рогов ее сильно избил, потом изнасиловал, и в конце взял электропилу и подошел к обезумевшей от страха женщине.

– Выключи, – сказал майор.

Ефим выключил запись и сказал:

– Остальные записи я не смог восстановить.

– На сегодня и этого достаточно, – Герман обессилено опустился на стул.

В комнате воцарилось гнетущее молчание. Никто не горел желанием комментировать только что увиденное на экране. Ефим решил, что его миссия закончена, встал и пошел к выходу.

– Флешку я вам оставил. Звоните, если что...

Никто даже не поднял головы. После просмотра последней записи у всех на душе было мерзко и тягостно. Наполненные ужасом глаза и замогильный крик жертвы надолго отпечатались в сознании следователей. Герман и Михаил в унисон закурили. Комната стала быстро заполняться удушливым дымом.

Дверь конференц-зала резко распахнулась и в комнату вбежал Задорнов.

– Сорокину привезли! Ее адвокат тоже здесь! Сейчас оформляют!

– Ее адвокат Демидова? – поинтересовался майор.

– Нет, – покачал головой лейтенант и назвал фамилию известного адвоката, который в основном вел громкие дела, широко освещаемые прессой.

Выпустив струю дыма, майор посмотрел на Германа и спросил:

– Пойдешь со мной?

Допрос Сорокиной Герман планировал с особой тщательностью, но как только услышал фамилию адвоката, понял, что его присутствие в комнате для допроса нежелательно. Расследование он должен был вести в тени, не привлекая к своей персоне излишнее внимание, а адвоката Сорокиной он знал лично – сокурсник по юридическому факультету, в котором Герман проучился два года, а потом понял, что это не его путь и перевелся в другое учебное заведение. Поэтому он сочувственно похлопал напарника по плечу и сказал:

– Сам справишься. Я пока займусь Гулямовым.

Терентьев тяжело поднялся со стула и неспешно вышел в коридор. Когда дверь за ним закрылась, Герман посмотрел на Мануйлова.

– Надо найти Мономаха.

– Проверяем все точки, где он может объявиться, а у дома его подружки круглосуточное наблюдение. Придет, никуда не денется.

– У него есть подружка? Почему раньше об этом не сказал?

– Мы определили телефон, по которому он звонил после врача. Это его старая подруга. Она обеспечила ему алиби в деле об убийстве. Видимо, он опять обратился к ней за помощью.

– Зачем он ей звонил?

– Оперативник, следящий за Гулямовым, слышал что-то про новые документы...

– Новые документы? – Герман на мгновение умолк. – Но почему только сейчас, почему раньше не подготовился к отходу?

– Вы намекаете на то, что его что-то удерживает здесь?

– Вывод сам собой напрашивается. Гулямов в прошлый раз улетел в Сочи по поддельным документам в день совершения преступления. Почему сейчас он так рискует? Думаю, у него есть еще одна цель.

– Кто? Как вы думаете?

Герман подошел к доске и нарисовал новую пирамиду. На самую верхушку он прикрепил фото Грозового. Под ним, Рогова и Лурье, еще ниже Демидову, Сорокину, Гулямова, сомелье и водителя.

– Рогов нанимает Гулямова для убийства Лурье, сомелье и полковника Архангельского, – Герман по очереди ткнул в каждого из названных, – он пытается убрать свидетелей, которые могут дать показания против него. Вопрос – что знает Демидова и Сорокина? Представляют ли они для него угрозу? В списке остался еще водитель, но его я даже рассматривать не хочу.

– Почему?

– Водитель был сыном сомелье и, скорее всего, выполнял мелкие поручения хозяина. Лурье не стал бы посвящать его в детали.

– Значит, остаются Демидова и Сорокина?

– Да. Слушай, а ты часом не знаешь, где Долгин?

– Нет. Его с утра никто найти не может. Он сегодня обещал мне деньги вернуть, поэтому я его с утра ищу.

– И много он тебе должен?

– Половину оклада.

– А зачем он у тебя занимал?

– Сказал, что матери на лекарства нужно. А что случилось? Почему вы им интересуетесь?

– Она больна? – осторожно поинтересовался Герман, не обращая внимания на вопрос коллеги.

– У нее рак, – тяжело вздохнул Мануйлов, – последняя стадия. Она сейчас в хосписе.

– Терентьев знает об этом? – Герман сощурился.

– Не думаю. Вовка мало с кем делится. А почему вы спрашиваете?

– Хотел с ним переговорить и не могу найти. А у тебя есть телефон его родителей или подруги?

– Нет у него подруги. Все свое свободное время они с сестрой уделяют матери.

– А номер сестры есть?

– Нет, но могу дать телефон хосписа, он у него под стеклом на столе лежит.

– Будь добр позвони по этому телефону и узнай адрес. Затем поезжай в больницу и найди его сестру. Если увидишь там Долгина, скажи, чтобы позвонил мне. А если его там нет, то расспроси сестру, когда она его видела в последний раз, где и все такое.

– Что случилось? – встревожился Мануйлов и взлохматил волосы.

– Сотрудник полиции не является на службу, дома его нет, телефон молчит, – Герман пристально посмотрел на Мануйлова, – тебе ничего тут не кажется странным?

– Может, с его матерью что-то..., – недоговорил Мануйлов.

– Вот и узнай, так ли это, – убедительно вставил Герман.

Мануйлов надел куртку, взял свою папку со стола и с озадаченным видом вышел из конференц-зала...

&&&

В центре тесной комнаты, освещенной люминесцентными лампами стоял металлический стол, по одну сторону которого сидел известный на всю страну адвокат и его экстрадированная властями Люксембурга клиентка, а по другую майор Терентьев и лейтенант Софиев. Допрос шел второй час и пока не прояснил ни одного аспекта дела. В коротком перерыве майор выяснил, что адвоката Сорокиной нанял муж, допрос которого был назначен на утро следующего дня. Видимо бизнесмен все еще наивно верил в невиновность жены.

Сорокина выглядела очень спокойной, словно была уверена, что ей ничего не угрожает, а вот сотрудники управления уже еле сдерживали свои эмоции.

– Значит, вы отрицаете свою причастность к убийству полковника Архангельского? – в который раз повторил свой вопрос майор.

Сорокина кивнула головой.

– Не слышу! – прикрикнул на нее майор и показал на микрофон.

Женщина неторопливо заправила за ухо выбившуюся из прически прядь волос, примкнула ярко накрашенными губами к микрофону и спокойно произнесла.

– Да, я отрицаю.

Адвокат тут же сделал следователю замечание, после чего майор вынужден был понизить тон.

– Тогда как вы объясните эту запись? – Терентьев развернул ноутбук и включил воспроизведение.

На записи Гулямов садился в машину к Сорокиной на стоянке управления. Казалось, что женщина совсем не удивлена. Закатив наигранно глаза, она ответила:

– Этот парень приставал ко мне несколько раз на улице. Я его отшила.

– Отшили? Хм... а по записи не скажешь. Он был все еще в салоне вашей машины, когда вы выехали со стоянки.

Адвокат медленно повернул голову и стал внимательно изучать лицо клиентки. Конечно, он не знал, кто такой Гулямов и какое отношение он может иметь к ее экстрадиции.

– Ну и что из этого? – невозмутимо парировала подозреваемая. – Он сказал, что выйдет на садовом кольце... и вышел.

Майор прищурился и оценивающе посмотрел на бывшую сослуживицу. Перед глазами промелькнули первые минуты после убийства Архангельского. Как она искусно притворялась! Плакала, заламывала руки, имитировала остекленевший взгляд и дрожащие губы. Даже сейчас Терентьеву трудно было поверить, что он наблюдал хорошо отрепетированную роль. Своей безупречной игрой она одурачила его и половину управления. Вот если бы он тогда ее

раскусил! По горячим следам можно было бы найти Гулямова, и Лурье был еще жив и смог дать столько информации, что хватило бы на десять томов.

Налитые свинцом глаза майора прожгли Сорокину ненавистью. Он подался корпусом вперед и вкрадчиво переспросил:

– Для протокола: правильно ли я вас понял гражданка Сорокина? Вы утверждаете, что за день до убийства полковника Архангельского к вам в машину на служебной стоянке сел киллер по кличке Мономах с целью познакомиться с вами и завести роман. Вы его отшили, но, несмотря на этот факт, любезно подбросили до соседней улицы, чтобы он ножки не промочил.

Сорокина кивнула, майор тут же напомнил ей о микрофоне и она выпалила короткое: «Да!».

– Вы понимаете, как это будет выглядеть в суде?

– Плевать, как это выглядит, – прошипела как змея Сорокина. – Я не виновна. Если у вас есть другие доказательства моей причастности – предъявите или отпустите, – после паузы она твердо добавила: – У вас на меня ничего нет.

Кривая улыбка расплзлась по лицу майора. Он сформулировал так предложение не случайно, ему хотелось, чтобы адвокат понимал, во что на самом деле втянута его клиентка. И посыл был ненапрасным. Адвокат нервно затеребил мобильный телефон, словно готов хоть сейчас в присутствии следователей набрать номер клиента. Бросив оценивающий взгляд на майора, он спросил:

– Вы обвиняете мою клиентку в причастности к убийству полковника Архангельского? – изо рта адвоката пахнуло терпким сигарным ароматом. – В повестке вы указали, что она задержана как важный свидетель. Я наивно полагал, что мы оказываем вам содействие и были готовы закрыть глаза на совершенно незаконную и варварскую экстрадицию, но теперь... Боюсь, нам придется дать этому делу ход...

Вместо комментария, Терентьев развернул папку с делом и придвинул к адвокату.

– Ознакомьтесь, – вежливо предложил он и встал у стены, – здесь все собранные улики по делу об убийстве полковника Архангельского и маньяка по кличке Паук. Надеюсь, вы слышаны об этом деле?

– А при чем тут дело Рогова? – изумился адвокат и нервно заерзал на стуле, ему не хотелось, чтобы его имя связывали с делом серийного убийцы.

– Киллер, убивший полковника, действовал по приказу Рогова. Тот самый киллер, что садился в машину к вашей клиентке за день до убийства.

Несколько минут адвокат изучал дело, майор отдал ему должное, лицо оставалось непроницаемым. Затем он поднял глаза и сухо произнес:

– Я прошу отсрочки допроса, нам с клиенткой нужно ознакомиться с материалами дела.

Но к удивлению Сорокиной с ней он больше ничего не обсуждал. На этом допрос был прерван. Стороны сделали несколько пасов, примеряясь к серьезности настроения противника, и разошлись на короткий перерыв. Из комнаты для допроса майор вышел первым и направился в приемную шефа, чтобы доложить о ситуации. Вслед за ним выскочил адвокат Сорокиной и стремительной походкой двинулся в сторону центрального входа, где у подъезда его ожидала машина. Терентьев не сомневался, как только муж Сорокиной узнает об имеющихся у следствия уликах, высокооплачиваемого адвоката снимут с дела. Это было первым ударом в череде многих других, которые майор намеревался нанести бывшей сослуживице.

&&&

Поднявшись на лифте на четвертый этаж отеля, Герман подошел к двери номера, в который поселил Комбаровых и тихо постучал. За дверью послышались торопливые шаги, и Герман услышал голос Алины.

– Кто там?

Он назвался, Алина открыла дверь ипустила его в номер.

– Дети уже спят?

– Только уложила.

Герман устало опустился на диван. Беглым взглядом окинул комнату, по пакетам из бутика отеля и раскиданным игрушкам он восстановил передвижения Комбаровых, но как бы, между прочим, спросил:

– Чем занимались?

– В основном здесь сидели. Дети весь день смотрели мультики. Обед и ужин я тоже сюда заказывала. Ненадолго отводила их в игровую комнату, пока покупала себе вещи, – ответила Алина и опустилась в соседнее кресло.

Герман оценил ее вид. Алина привела себя в порядок: приняла душ, срезала обожженные пряди волос, нанесла неброский макияж. На щеках пылал здоровый румянец, но из-за перенесенного стресса вид у нее был все еще растерянный.

– Как они пережили пожар? – Герман кивком показал на спящих в одной из спален детей.

– Я их первых унесла к соседке. Они толком-то ничего не поняли. А Варя должна была вывести Женьку, вот только надышалась дыма и отключилась в коридоре.

– Следователь уверен, что это поджог.

– Да, он мне звонил сегодня два раза. Задавал вопросы.

– Какие?

– Ну, спрашивал, кто мог за нами следить, кто из моих знакомых носит белые пиджаки.

– И что ты ему сказала?

– Что у меня нет врагов.

– А Жан?

– Он звонил мне сегодня...

Глаза Германа блеснули в полутьме комнаты.

– И что он сказал?

– Я не взяла трубку.

– Молодец. Слушай, Алина, я завтра с утра поеду в больницу в Истру. Ты оставайся с малышами в отеле. Трубку пока не снимай, кто бы тебе ни звонил. Кому надо я дал свой номер.

Алина кивнула.

– Тот, кто поджог твой дом, на этом не остановится, – продолжал Герман, – видимо ты приносила неплохой доход своей тете.

– Она не причастна к этому. Я уверена.

– Тогда кто и почему это сделал? – спросил Герман и прожег ее пронизательным взглядом.

Алина поежилась и ответила скороговоркой:

– Жан. Он и его дружки заманивают девочек в публичный дом для элитных клиентов. Работа в отеле для него хорошее прикрытие. Он там набирает клиентскую базу. У меня была подруга, Ольга, они ее соблазнили большими деньгами, а потом через месяц ее нашли всю истерзанную в дачном поселке. Жан знает, что я догадываюсь, что он причастен к этому.

– Понятно, – протянул Герман, – как, говоришь, его фамилия?

– А я не говорила, – усмехнулась она.

– Так как его фамилия?

– Икрамов Жаныбек. Но все его Жаном называют.

– Разберемся, – хмуро произнес Герман. – На обратном пути заеду завтра в отделение полиции.

– Ну, ну – ехидно произнесла Алина и сложила руки на груди.

– Что?

– У него все и везде схвачено! – глаза Алины увлажнились, задрожал подбородок. – Думаешь, среди полицейских нет его клиентов? Да он им лучших девочек поставляет.

– Я разберусь, не волнуйся, больше тебя никто не тронет, – поспешил успокоить ее Герман.

Алина вытерла накатившие слезы и с вызовом посмотрела на новоиспеченного покровителя.

– А что взамен?

– В каком смысле? – он непонимающе посмотрел на девушку.

– Как я рассчитаюсь с тобой? Останусь твоей вечной должницей?

Герману вдруг стало не по себе.

– Ты прям как я, никому не доверяешь. Но у меня работа такая, а ты почему так к людям относишься?

– Это не я. Это они так ко мне относятся.

– Давай договоримся, – сказал Герман и пристально посмотрел ей в глаза, – ты обязательно отработаешь, но ничего такого мне от тебя не нужно.

– А что мне придется делать?

– Много чего, но сначала поступишь на бухгалтерские курсы.

– Не хочу быть бухгалтером! – скуксилась Алина и громко высморкалась в носовой платок.

– И не будешь, но чтобы выполнять работу, которую я тебе буду поручать, ты должна знать бухгалтерию.

– Что за работа? – Алина с недоверием посмотрела на Германа.

– Да так, бумажки будешь перебирать, счета оплачивать и мои разовые поручения выполнять. Что-то вроде секретаря.

– Ну, это я могу, – Алина улыбнулась и облегченно выдохнула.

– Вот и замечательно, – Герман поднялся с дивана, – я пойду, ты, наверно, тоже устала.

Алина кивнула.

– Я перевезу Варю утром в Москву, а Женьку привезу в отель, – выходя из номера, поведал Герман и пожелал девушке спокойной ночи.

Спустившись на этаж ниже, он вошел в свой номер и снял куртку. Достал из холодильника маленькую бутылочку скотча и лед. Вылил скотч из бутылочки в стакан и положил в него пару кусков льда. Сделал два больших глотка, поставил стакан на столик и сел в кресло перед телевизором. Хотел потянуться за пультом, но в этот момент раздался телефонный звонок. В трубке послышался голос Мануйлова.

– Я в хосписе. Долгина здесь не было со вчерашнего обеда. Сестра в слезах, она говорит, что он так надолго никогда не пропадал. Она считает, что с ним что-то случилось. И вы видимо тоже, раз послали меня поздним вечером в больницу.

– Значит, мои подозрения подтвердились.

– Что происходит, Герман Всеволодович?

– У Долгина крупные неприятности. Он вляпался по самое не могу. Вчера мы видели его садящимся в машину адвоката Демидовой Натальи. А утром она заявила, что ее машину как раз в это время угнали.

– Так вы считаете, что он угнал ее машину? – не понял Мануйлов.

– Нет.

– А что? – в голосе слышался вызов.

– Я думаю, что он выполнял какое-то поручение для Демидовой, а выполнив, стал лишним, и его решили убрать.

– Этого не может быть! Я Вовку знаю лет пять. Чтобы он... да в каких-то махинациях... не верю!

– Так найди его! – Герман почувствовал, как его охватывает раздражение. – А как найдешь, тащи в управление – там и узнаем, прав ты или нет!

– Легко сказать – найди. Мы с его сестрой обзвонили всех родственников, друзей и подруг – никто ничего не знает.

– Поезжай к нему домой. Расспроси соседей. Вскрой квартиру с участковым и понятыми.

– Хорошо. Я еще позвоню вам.

Герман отбросил телефон в сторону, включил телевизор и стал смотреть новости. Из головы не выходил разговор с Алиной. Он понимал, что должен вмешаться в расследование поджога и что-то предпринять, но шеф не любил самодеятельность и строго за это наказывал. Немного поразмыслив, он потянулся к телефону и набрал номер генерала. Через три гудка в трубке послышался его сонный голос.

– Шеф, я разбудил вас?

– Да.

– Извините. Я перезвоню...

– Ладно, я уже проснулся, – было слышно, как шеф кряхтит, видимо, вставая с кровати. – Разница во времени, у нас уже глубокая ночь.

– Не понял? – спросил Герман. – Вы не в Москве?

– И даже не в России, – издали усмехнулся Николай Иванович.

– Я могу перезвонить завтра...

– Ничего, говори, хоть русскую речь послушаю, а то весь день одна тарабарщина.

– У меня тут знакомая в сложную ситуацию попала. У нее сгорел дом, с четырьмя сестрами и братьями она осталась на улице. Дом поджег один хмырь.

– Кто такой?

– Мелкая сошка. Я хотел сам разобраться, но моя знакомая утверждает, что у него свои люди в полиции. Кроме того, возможно, он замешан в убийстве...

– Фамилия? – перебил его шеф.

Герман выложил всю информацию, что узнал от Алины.

– Записал. Разберусь, – отозвался шеф после паузы и спросил: – Как там дело полковника продвигается?

– Норма. Мы на финишной прямой.

– Это хорошо.

– Да, шеф, вот еще что. В том пожаре пострадала одна девочка. Я хотел ее перевезти из Истры в Москву. Посоветуйте мне хорошую клинику.

– Я сам этим займусь, а ты сконцентрируйся на деле полковника. Дай мне ее координаты.

Герман продиктовал ему все данные.

– Завтра мои люди этим займутся и доложат тебе. Я вернусь через два дня. Надо будет нам встретиться, и обсудить твое будущее.

После разговора с шефом Герман снова уставился на экран телевизора. В новостях рассказывали о происшествиях в столице за последние сутки. Аварии, кражи, а в конце: «В районе станции метро Петровско-Разумовская найден неопознанный труп молодого мужчины. Документов при нем не найдено, личность не установлена». Диктор сказал, что в кармане джинсов была обнаружена визитка с номером телефона московского хосписа.

Набрав номер Мануйлова, Герман торопливо спросил:

– Кирилл, где ты сейчас?!

– Я захожу в подъезд Володькиного дома.

– Его там нет...

– А вы откуда знаете? – удивился недовольный Мануйлов.

На экране мелькнуло покрытое простыней тело.

– Я смотрю на его труп...

&&&

Рано утром Германа разбудил телефонный звонок. Он снял трубку и недовольно рявкнул:

– Патрикеев.

– Я вас разбудила? – послышался извиняющийся голос Алины.

Герман посмотрел на часы. Восемь часов десять минут.

– Да, я уже встаю. Что-то случилось?

– Нет, просто хотела вас предупредить, что мы заказали завтрак в номер на вас тоже. Так что как умоетесь, поднимайтесь к нам.

– Предпочитаю завтракать в ресторане, – категорично произнес Герман и положил трубку.

Через минуту он уже корил себя за грубость. По утрам у него всегда было скверное настроение, а если учесть тот факт, что полночи ему пришлось провисеть на телефоне, и спать он лег только в четыре часа утра... Герман поймал себя на мысли, что это все отговорки, что Алина здесь совсем не причем, и вымещать на ней свое раздражение глупо и некрасиво.

Он поднялся с кровати и пошел в ванную комнату. Приняв душ и почистив зубы, он голым вышел из ванны и направился к шкафу с одеждой. Открыл дверь с зеркалом, выдвинул ящик с бельем, выбрал трусы и быстро надел. Закрывая створку, он увидел отражение Алины, застывшей у входной двери. Он резко обернулся и сконфужено на нее уставился.

– Ты как сюда попала? – спросил он и тут же вспомнил, как ловко она украла у него часы. Такой «мастерице» проникнуть в чужой номер не составит особого труда.

Его голос привел ее в чувство, сначала она смутилась, потом взяла себя в руки и грозно выпалила:

– Завтрак! У нас в номере! Дети ждать не будут.

Дверь хлопнула, Герман потянулся за джинсами.

«Вот упертая!», – ухмыльнулся он.

Надев рубашку и пиджак, Герман вышел из номера и поднялся этажом выше. Дети уже сидели за столом и ели манную кашу. Алина показала ему на свободный стул и когда он сел поставила перед ним тарелку с геркулесовой кашей и яичницу с беконом.

– Я спросила в ресторане, что обычно ты заказываешь, так что... – Алина разлила апельсиновый сок по бокалам и расставила перед тарелками, намазала тосты сливочным маслом, персиковым джемом и протянула детям.

Он не сводил все это время с нее оценивающего взгляда. Судя по красным припухшим глазам, девушка провела ночь в слезах.

– Варю сегодня перевезут в московскую клинику, – Герман решил немного растопить угнетающую атмосферу, – а за Женькой я сейчас поеду, пусть со мной побудет остаток дня, а вечером привезу его в отель.

– Только не поздно, ему в девять надо быть уже в кровати. Я купила ему вчера одежду. Пакет у двери.

Герман покончил с кашей и вытер рот салфеткой.

– Мне сегодня дадут телефон риэлтора, тебе нужно с ним встретиться и договориться о покупке загородного дома, – Алина замерла и уставилась на Германа. – Я много лет копил деньги, хотел купить дом в тихом районе, чтобы рядом была речка, лес и недалеко инфраструктура – школа, магазины. Ты мне поможешь?

Алина улыбнулась и кивнула. Пока он пил кофе, она задумчиво смотрела в одну точку и мысленно представляла, как может выглядеть дом Германа.

– Сколько этажей должно быть в доме? Мне нужно больше данных.

– Этажность не важна, главное чтобы было минимум четыре спальни.

Алина взяла гостиничный блокнот с комода и стала записывать.

– Бассейн?

Герман задумался и кивнул. Затем подвинул тарелку с яичницей и подцепил на вилку хрустящий бекон.

– Внутри дома?

– Лучше в пристройке, но чтобы вход был из дома.

– Баня?

– Неплохо бы.

– Отдельно стоящая? Или в доме?

– В доме. Хочу, чтобы она была рядом с тренажерным залом.

– Спортивная площадка?

– Хорошая идея, – ответил Герман и подмигнул Маше, которая доела кашу и с любопытством следила за их разговором.

Девчушка улыбнулась ему в ответ и показала пустую тарелку, ожидая похвалы. Герман не одобрительно закивал.

– Кабинет? – продолжала выпытывать Алина.

– А как же. Короче, я тебе полностью доверяю. Ты справишься, – резюмировал Герман, покончил с завтраком и поднялся со стула.

– Гараж должен быть в доме или отдельно стоящий?

– А как ты думаешь? – Герман пошел к двери.

– Думаю, в доме он точно не нужен. На две машины?

– Как минимум, – ответил он и потянулся к ручке.

– Подожди! Гостиная и столовая совмещены?

– Угадай с трех раз, – улыбнулся он, схватил пакет с вещами для Женьки и вышел из номера.

– Стой! – закричала Алина и выскочила за ним в коридор.

Герман обернулся.

– Ну что еще?

– Чуть не забыла, – Алина протянула листок бумаги.

– Что это?

– Доверенность. Без нее тебе не дадут согласие на перевод Вари и не отдадут Женьку.

Герман хотел ей возразить, но потом решил не вдаваться в подробности. Когда он зашел в лифт, Алина наградила его благодарной улыбкой и закрыла дверь номера.

&&&

В коридоре детского отделения Герман увидел одиноко сидящего на стуле Женьку. Тот тоже его заметил, соскочил со стула и, забыв про обожженную ногу, бросился навстречу. Через несколько шагов он оступился и чуть не упал.

– Не беги! – крикнул ему Герман.

– Дядя Герман, Варьку увозят в другую больницу! А вы мне даже телефон не оставили! Я хотел позвонить от постовой медсестры, но она не разрешила! – запричитал Женька в панике.

– Все в порядке. Это я договорился. Мы не сможем к ней ездить каждый день из Москвы, к тому же там за ней будет более квалифицированный уход.

– А что такое квалицированный? – еле выговорил Женька.

– Это когда врачи грамотные и опытные, – ответил Герман и взял его за руку, – пойдем, тебе нужно переодеться.

– Мне не во что переодеться, – смущенно отозвался мальчуган, – все сгорело.

Герман показал на пакет.

– Алина купила новые вещи.

– Круто!

Через несколько минут Женька гордо вышел из палаты в новеньких джинсах, толстовке и кроссовках. Мальчик так был доволен своим внешним видом, что Герман не удержался и потрепал его за волосы. Затем крепко сжал его руку и повел к врачу.

Через час они уже ехали в Москву. Женька сидел на переднем сиденье и с довольным видом поглядывал в окно. Всю дорогу он безумолку болтал о пожаре, о Варе, и о больнице.

Когда они уже подъезжали к управлению, Герман увидел на стоянке Терентьева, разговаривающего с молодой женщиной. Он сжимал ее за плечи и пытался утешить. Потом попрощался и вошел в здание. Герман припарковал машину на стоянке и повернулся к Женьке.

– Здесь я работаю. Тебе придется сегодня до вечера побыть со мной. Но у меня есть правила, которые ты не должен нарушать. Первое, не говори, пока тебя не спросят. Второе, захочешь пить, есть или в туалет подними руку. Понял?

– Понял, – закивал Женька, довольный уже тем, что сможет побыть еще какое-то время с Германом.

Войдя в здание, они поднялись на четвертый этаж, и зашли в конференц-зал. Терентьев уже сидел за столом и говорил по телефону. Вид у него был

уставший, под глазами набухли мешки. Взглянув на его помятую одежду, Герман понял, что он ночевал в управлении.

Герман посадил Женьку за стол перед компьютером и включил игру. Мальчик сразу увлекся процессом, вынул из кармана купленные новым покровителем сладости и, мурлыча себе под нос какую-то песенку, защелкал мышью.

Терентьев закончил разговор, повернулся и, вопросительно посмотрел на мальчугана.

– Что ж там за девчонка, что ты ради нее так расстарался?

– Скоро отвезу его в отель, – ушел от прямого ответа Герман. – Есть новости?

– Почти всю ночь допрашивал Сорокину, а утром приехал полковник и все началось по новой.

– Что она говорит?

– Сначала она ничего не говорила, отрицала какие-либо знакомства и строила из себя порядочную домохозяйку. Пока не приехал на допрос ее муж и через адвоката передал ей большое адю с кисточкой. Адвокат тут же слился. Вот тогда-то я ее и взял в оборот. Пришлось сказать, что подельники сдали ее с потрохами. Только тогда она заговорила. По ее словам, Грозовой начал ухаживать за ней много лет назад, но быстро понял, что она годится совсем для другой роли. Он сделал ее своей сообщницей, и она здорово ему помогала. Находила потенциальных жертв, следила за ними, иногда даже становилась подружкой. Хитрая, изворотливая и очень расчетливая.

– А как она попала на уловку «с потрохами»?

– Да все просто, я сказал, что мы взяли Лурье, и он сдал нам всю их шайку-лейку. Так же сказал, что Рогов сознался в убийстве Мансуровой и рассказал о ребенке, который остался в Люксембурге. После чего она поведала мне очень занятную историю. Помнишь, ты говорил, что не можешь понять, зачем Пауку столько детей?

– Ну?

– Оказывается, у Грозового редкое генетическое заболевание. Лечения от него не существует. Есть только один способ – пересадка костного мозга. Болезнь

передается только мальчикам, а девочки являются просто носителями. Он и его единственный законнорожденный сын, периодически ложатся на такую операцию. Донора найти очень сложно и сама операция дорогостоящая. Ради этого все и задумывалось, а уж потом он собрал команду и развернул деятельность.

– Значит, ему от детей нужен был костный мозг?

Майор утвердительно кивнул и разразился смачным зевком.

– А что она рассказала о полковнике? Зачем они его убили?

– Рогов выдал ему «новость», что он его биологический отец.

– Но это ведь не так?

– Этого она не знает. Она сказала, что понятия не имеет, кому конкретно принадлежали те двадцать восемь образцов. Я думаю, что это были образцы детей Грозowego. Рогов предложил полковнику вывести его на следственный эксперимент и дать возможность для побега. Он заявил, что много лет назад изнасиловал его мать, и расскажет всем его коллегам о том, что он его сын. Полковник сказал, что ему это не интересно. Затем Рогов пообещал за побег солидное вознаграждение. Полковник снова отказался. Когда он вышел на стоянку, Сорокина дала знак Гулямову и тот сел в машину сзади полковника, и совершил выстрел в висок из его же оружия, как раз тогда, когда мусорщики грузили контейнер.

– Значит, все наши догадки подтвердились?

– Да.

После паузы, Герман спросил:

– Извини, я тебя перебил. Так что там с костным мозгом?

– Своим жертвам Грозовой не говорил про свое заболевание. Только когда у ребенка начинались проблемы со здоровьем, он признавался. Мальчикам он находил донора, а из девочек как понимаешь, делал доноров. Поэтому рождению девочек он был чрезвычайно рад и уделял матери особое внимание.

– Как же матери позволяли брать костный мозг у дочерей?

– Сорокина сказала, что с этим у него проблем никогда не было. Видимо у Грозowego были рычаги давления на каждую жертву.

– Ты плохо выглядишь, – сделал вывод Герман и похлопал по плечу майора.

– Осталось последнее, взять Гулямова и Грозового.

– Кстати, что с Гулямовым? Не объявлялся?

– Нет, но мы продолжаем наблюдение за его подругой. Оперативники провели с ней подготовительную работу, она согласилась сотрудничать. Документы для Гулямова уже готовы, так что передача состоится очень скоро. Мануйлов сказал, что ты думаешь, будто Мономах может убрать Сорокину или Демидову?

– Да. У меня такое впечатление, что его работа не закончена. А что сказала Сорокина про Демидову?

– Сказала, что не знает ее. Я ей верю, – ответил майор и потянулся. – На данном этапе прикрывать других участников группы ей нет резона.

– Вопрос в том, кто из них может больше нанести вреда Рогову?

– Сорокина уже дала показания. Если бы они хотели ее убрать, то постарались бы это сделать до допроса.

– А если Грозовой был в ней уверен?

– Нет, – замотал головой майор, – она не создает впечатления надежной, а Грозовой очень хорошо разбирается в женщинах. Посылая ее в Люксембург, он явно хотел от нее избавиться, хотя бы на время зачистки.

– А что она намеревалась делать с ребенком Мансуровой?

– По указанию Грозового, она должна была организовать переправку мальчика в Германию для последующей пересадки.

– Ясно. Что с телом Долгина? – спросил Герман.

Терентьев тут же помрачнел. Между бровями залегла глубокая складка.

– Официально мы еще ждем результата теста ДНК, но труп уже опознала сестра. Татуировка на руке, родинки и шрам на ноге – все совпало. Жалко парня. Сорокина говорит, что в деле полковника действовала с Гулямовым в паре, но от Долгина категорически открещается.

– Значит, Долгин просто снабжал информацией Демидову? Так они узнали, что Скороходов был в вытрезвителе. Может он и не знал, зачем ей эта

информация, а когда запахло жареным, решил объясниться и позвонил, а она устранила проблему.

– А может он не передавал ничего? Может тут что-то другое? – предположил Терентьев и выругался. – Твою мать, я хватаюсь за любую версию, которая может его оправдать!

Герман взглядом показал на Женьку.

– Не выражайся при ребенке.

– А тут не место для детей, – возмутился майор, но потом улыбнулся и добавил: – Многодетный папаша, ой я не могу. Умираю, хочу посмотреть на эту девчонку, что тебя выводком своим наградила.

– Еще посмотришь, – огрызнулся Герман и снова перевел разговор на другую тему. – Ты обедал?

– Я со вчерашнего вечера крошки в рот не брал. На одном кофе держусь.

– А где все твои ребята?

– Мануйлова я приставил к группе, которая расследует дело Долгина, раз уж он с самого начала его поиском занялся. Софиев после допроса Сорокиной ищет сведения для подтверждения ее показаний. Задорнов занимается машиной Демидовой. Экспертиза и все такое.

В кабинет постучали, дверь открылась, и на пороге появился Задорнов. Он удивленно посмотрел на Женьку и поздоровался с Германом за руку.

– Не знал Герман Всеволодович, что у вас есть сын, – потом повернулся к майору и доложил: – Я проследил за передвижениями «Мерседеса» Демидовой по записям базы ГИБДД. Нашел очень занятный момент. За десять минут до того как Долгин сел в машину на Садовом кольце, Гулямов вскрыл эту машину возле конторы Демидовой. Лица его не видно, но по фигуре и манере двигаться, ручаюсь, это он.

– Вскрыл? – переспросил Герман.

– Без ключей, – уточнил Задорнов.

– Профи. Ты прав, – сказал Герман, обращаясь к Терентьеву, – красиво работает, собака. Все рассчитал. Выходит, Демидова теперь жертва.

– Дураков среди фигурантов дела нет. Все продумали.

– Пошли, пообедаем, а потом я отвезу пацана в отель, – предложил Герман.

Майор кивнул и потянулся за курткой.

– Женька, пошли обедать, – сказал Герман.

– Я не хочу, я поел в больнице.

– Пойдем, – настоял Герман и выключил монитор.

Женька недовольно скривился, ему очень не хотелось прерывать игру, только что он перешел на новый уровень, но покорно слез со стула и поплелся за Германом.

Майор протянул напарнику визитку.

– Телефон ризлтора, про которого я тебе говорил. Я предупредил, что ты позвонишь.

– Благодарствую, – Герман положил визитку в карман.

Они вышли в приемную. Секретарь Логинова, увидев майора, оживилась.

– Михаил Матвеевич возьмите трубку, это вас.

Он подошел к телефону и представился:

– Терентьев.

С минуту майор слушал звонившего, потом повесил трубку и повернулся к Герману.

– Обед отменяется – Гулямов идет на встречу со своей подругой. Через час надо быть уже на позиции.

Не успел майор договорить, как Женька шмыгнул в конференц-зал, включил монитор и продолжил игру.

&&&

Группа быстрого реагирования в прежнем составе рассредоточилась в плохо освещенном переулке на подходе к почерневшему от времени деревянному дому. Два оперативника затаились в прихожей сразу за входной дверью, а Михаил и Герман засели в специально оборудованной Газели, припаркованной перед Т-образным перекрестком.

По указанию следователей подруга Мономаха Лариса периодически прохаживалась перед освещенными окнами, якобы занимаясь домашними делами. Вид у нее был испуганный и напряженный. Ей так и не удалось сообщить дружку

о засаде, теперь она могла надеяться только на его осторожность и наблюдательность.

После звонка Гулямова прошло пять часов, но он так и не появился. Теряя терпение, майор то и дело тянулся за очередной сигаретой.

– Пока не стемнеет, Гулямов не появится, – сделал вывод Герман и вытянул затекшие ноги.

– На него это похоже. Мы можем проторчать в этой дыре черт знает сколько времени.

– Пойду немного пройду, – сказал Герман и открыл дверь «Газели».

На город медленно опускались сумерки. Температура воздуха понизилась на добрый десяток градусов. Герман размял мышцы и неторопливо двинулся вдоль двухэтажных домов, пытливо вглядываясь в лица прохожих, спешащих после работы в свои обветшалые дома. Район, в котором проживала подруга Мономаха, считался неблагополучным, полицейские здесь были частыми «гостями». Раньше в этих домах проживали рабочие цементного завода, закрытого более десяти лет назад. Днем на улицах было безлюдно и тихо, а с наступлением темноты район наводняла сомнительная публика, жаждущая поживиться на развлечениях и удовольствии.

Из окон проезжающих автомобилей слышался шансон. Через опущенные окна водители и их пассажиры сканировали цепким взглядом тротуары. В темных переулках в предвкушении рабочей ночи появлялись ярко накрашенные девицы на высоких каблуках и коротеньких юбочках. Некоторые из них уже заправились энергетиками и окидывали хищным оценивающим взглядом проезжающие машины. Наркоманы-одиночки с бледно-зелеными лицами ныряли в покосившиеся ворота одноэтажных домов, от которых за версту чувствовался смрад. Жуткое, давящее на сознание зрелище, словно в грязной кухне выключили свет и наружу со всех щелей повылезали тараканы и пауки.

Герман обогнул квартал и встал в ста метрах от служебной «Газели» с затемненными окнами, которая теперь нелепо смотрелась на фоне оживших зомби. Завсегдаятай этого района сразу безошибочно определит засаду.

– Миша скажи водителю, чтобы припарковался в соседнем квартале, здесь вы уже привлекаете к себе лишнее внимание, – быстро проговорил Герман в ларингофон.

Через минуту «Газель» медленно выехала на перекресток и свернула на соседнюю улицу. Минут через пятнадцать Герман заметил, как высокий худощавый парень с нахлобученным на голову капюшоне от толстовки вынырнул из-за угла и встал на перекрестке, сканируя взглядом улицу. Он неспешно закурил и на мгновение мягкий свет от зажигалки освятил его лицо. Видимо Герман не единственный кто его заметил и через секунду взволнованный голос Задорного нарушил эфирную тишину.

– Вижу Мономаха. Идет в сторону переулка.

– Занять всем позиции, – тут же отозвался Герентьев.

Герман решил преградить убийце путь к отступлению и мягкой поступью двинулся за киллером. Притаившись у хозяйственной постройки, он вынул пистолет из кобуры и снял с предохранителя. Где-то впереди послышался металлический лязг и темная фигура в переулке резко остановилась и замерла. Брошенная банка пива валялась в двух шагах от Гулямова. Патрикеев мысленно ругнулся, зажмурился и застыл в ожидании. Женский смех со второго этажа здания напротив, вывел киллера из оцепенения и дальше он передвигался уже крадучись. От убийцы полковника Архангельского Германа отделяли не больше тридцати метров. Дыхание участилось, в кровь резко хлынул адреналин.

Минут пять киллер стоял неподалеку от дома подруги, всматриваясь в окна дома. Что-то его явно беспокоило. У ворот соседнего дома залаяла собака, Герман знал, что именно там засели два бойца из группы быстрого реагирования. Неужели кто-то из них неосторожным движением привлек к себе внимание? Но кошачий визг тут же объяснил причину волнения пса. Все замерли, никто не смел нарушить эфирную тишину. Малейший шум мог спугнуть неуловимого киллера и тогда ищи его как ветра в поле.

Через оптический прицел винтовки командир подразделения быстрого реагирования видел, как Момах стянул с головы капюшон и бесшумно двинулся к дому, но не к крыльцу, как ожидалось, а к окну в гостиной, через которую хорошо просматривалась холодная прихожая. Он дал напарнику знак и

тот сменил позицию. Герман тоже решил подойти поближе, но прежде чем успел вынырнуть из своего убежища, в переулок свернула пожилая женщина с двумя авоськами. Ее присутствие могло осложнить дело. Герман отступил в темноту сарая и затаился. Женщина уверенно шла к дому подельщицы Мономаха. Как только она миновала сарай, он доложил о ее присутствии коллегам. Мономах тоже ее увидел и залег в кустах, теперь его фигура была полностью скрыта.

Женщина громко постучала в дверь и крикнула:

– Лариса! Это я, открой!

Через несколько секунд в ларингофоне послышался голос Мануйлова, который все это время дежурил в доме:

– Это ее бабушка, пришла без предупреждения.

В это Герману слабо верилось, но ситуация явно накалялась, женщина пришла в самый неподходящий момент. Шевеление в кустах и голос командира тут же изрек:

– Уходит вдоль западной стены в сторону соседнего дома.

Оперативники высочили из своих укрытий и двинулись вслед быстро убегающему Мономаху. Женщина от испуга вскрикнула и уронила авоськи. Входная дверь открылась, из прихожей выглянул Мануйлов и, зажав ей рот рукой, затянул пожилую женщину в дом. Через минуту все смолкло, Герман снова стал вслушиваться в тишину. Где-то позади сарая, за которым он прятался, слышались быстрые шаги, залаяла собака, потом другая. Затем раздался истошный женский крик, плач ребенка и забасил голос командира. Герман перепрыгнул через забор и двинулся на звук голосов. Вдоль забора на веревках было развешено еще влажное постельное белье. На фоне белоснежной простыни мелькнула внушительная фигура командира.

– Я на два часа, не зацепи, – предостерег его Герман и двинулся ему навстречу.

В этот момент раздался выстрел, за ним сразу другой. По звуку было понятно, что стреляли из разного оружия. Герман пригнулся и стал всматриваться в темноту. Оказаться на перекрестном огне ему сейчас очень не хотелось.

– Он движется в сторону двухэтажки! – прокричал голос майора по рации.

– Мы возьмем его! – услышал Герман незнакомый голос.

Мимо него, перепрыгивая через кустарники словно легкоатлет, не бежал, а летел Мономах. Через толстовку на руке проступило красное бесформенное пятно, видимо его все-таки зацепило пулей. В другой руке киллер держал пистолет и на ходу отстреливался. Его лицо перекосила болезненная гримаса.

– Стоять! Руки вверх! Брось оружие! – пробасил командир и преградил убийце дорогу.

Следующий момент Герман потом прокручивал в голове не раз и долго не мог понять почему Мономах вместо того чтобы выстрелить и убежать, а у него была такая возможность, мгновенно повиновался и отбросил пистолет в сторону. Он медленно повернулся, поднял руки и даже в этот момент все еще мог что-то предпринять – треплющаяся на ветру простынь то и дело застилала командиру обзор для выстрела. Мономах все равно оставался неподвижен.

Герман подошел к нему сзади, толкнул лицом вниз на землю, завел руки за спину и надел наручники. Со всех сторон на небольшой дворик высыпали оперативники и остальные бойцы группы захвата. Майор, еле дыша, склонился над убийцей и сквозь зубы процедил:

– Зараза! Бегает как гепард! Уже думал и на этот раз упустим...

&&&

Когда Герман отвез Женьку в отель и вернулся в управление, в конференц-зале было столько народу, что не продохнуть. Атмосфера была пропитана тестостероном и всеобщим возбуждением. Пока Герман шел к столу, со всех сторон слышалось оживленное обсуждение задержания Мономаха. Поймав виноватый взгляд майора, Патрикеев вопросительно поднял брови.

– Герман, допрос Гулямова проведем мы с полковником сами, – извиняющимся тоном сказал майор. Протокол и все такое, сам понимаешь.

– Все в порядке, – Герман жестам дал понять, что не в обиде. – Я подожду здесь.

Дверь открылась, и на пороге появился полковник Логинов. Проигнорировав Германа, он деловитым тоном на ходу скомандовал:

– Миша! За мной!

Майор надел пиджак и поспешно вышел из конференц-зала.

Реакция Логинова разозлила Германа не на шутку. Сегодня они не виделись, мог бы и поздороваться, да что там... хоть кивнуть для проформы. Герман вышел в приемную и плотно закрыл за собой дверь. Заметив его, молоденькая секретарша улыбнулась и спросила:

– Вы почему не на допросе?

– А меня никто на праздник не пригласил, – отшутился Герман.

– Пожизненное заключение ему обеспечено, – многозначительно констатировала девушка, и продолжила разбирать почту своего шефа.

У Германа зазвонил мобильник. Он отошел в сторону и ответил на звонок.

– Патрикеев.

– Герман Всеволодович? – спросил стальной мужской голос.

– Так точно.

– Вам просили передать, что Варвара Комбарова находится в девятой детской городской больнице, Шмитовский проезд дом двадцать девять, корпус пять.

– Спасибо, – ответил Герман, связь тут же прервалась.

Он убрал телефон в карман куртки, посмотрел на девушку и спросил:

– Вы давно здесь работаете?

– Около месяца, – пространно ответила секретарь и бросила в его сторону настороженный взгляд.

– Нравится?

– Работа как работа, – безучастно ответила она.

В приемную вошла рыжеволосая молодая женщина и, заметив Германа, остановилась в растерянности. Он сразу узнал ее, адвокат Рогова – Наталья Демидова. Броская, спортивная, с ярко зелеными глазами и клокочущей энергией, которая затмевала буквально все. Герману невероятно трудно было не реагировать на соучастницу в убийстве. Рука так и тянулась к пистолету. Она окинула следователя оценивающим взглядом, затем снова повернулась к секретарю и спросила:

– Полковник Логинов у себя?

– Нет.

– А когда он будет?

– Не могу точно сказать, – ответила секретарь и покосилась на Германа.

Что-то в ее взгляде его насторожило и Патрикеев стал украдкой наблюдать за обеими женщинами.

– Он вообще в управлении? – уточнила Демидова.

– Да. Но он сейчас занят. Если хотите, можете подождать его здесь в приемной.

– Я так и сделаю.

Герман сразу догадался, что дамы ждали, когда он выйдет из приемной и решил, что такого удовольствия им точно не доставит. Демидова плюхнулась на стул и закинула ногу на ногу. Секретарь была слишком напряжена, под пристальным взглядом Германа, она начала нервно ерзать на стуле, пытаясь взять себя в руки. Демидова достала из кожаного портфеля журнал мод и со скучающим видом начала его пролистывать. Когда страницы журнала закончились, она подняла глаза и уставилась в окно.

Через минуту адвокат поднялась и вполголоса спросила у секретаря.

– А где у вас туалет?

– В конце коридора направо, – ответила секретарь и немного задержала красноречивый взгляд на адвокате.

Демидова взяла свой портфель и вышла из приемной. Секретарь бросила на Германа быстрый взгляд и продолжила работу. Ее узкие тонкие пальцы, усеянные кольцами замысловатых форм, бойко перебирали стопки корреспонденции, и Герман подметил, что делает она это уже по третьему разу.

В приемную зашел Мануйлов и, увидев Германа, кивком вызвал его в коридор.

– Хорошо, что вы здесь, а то я уже хотел звонить вам, – шепотом заговорил Мануйлов, когда они с Германом оказались одни в коридоре, – это распечатка звонков с мобильного телефона Долгина, – протянул список Герману и показал на номер. – Последний звонок он сделал на мобильный телефон Мироновой Ольге.

– Кто такая?

– Секретарь Логинова, – пояснил Мануйлов и показал глазами на приемную.

Глаза Германа блеснули, брови взметнулись вверх, придавая выражению лица удивленный вид. Значит и на этот раз чуйка его не подвела, он только что напал на след крота в управлении, а распечатка звонков Долгина это подтвердила.

– Сюда сейчас заходила Демидова, и от моего присутствия они обе явно занервничали, – задумчиво произнес Герман.

– Мне кажется, Долгин в чем-то уличил секретаршу, поэтому его и убили.

– Демидова пошла в туалет, и возможно, там оставит информацию для Мироновой. Надо взять их с поличным. Как только в приемной появится Демидова, я постараюсь ее разговорить, а ты метнись в туалет и найди, что она ей там оставила. Но не забирай, а просто посмотри и по возможности сфотографируй на телефон.

– Хорошо, – кивнул Мануйлов и быстро пошел в сторону туалета.

В конце коридора показалась Демидова, она уверенно шла на высоких каблуках, плавно покачивая бедрами. Шедшие ей навстречу сотрудники управления заморожено провожали ее похотливыми взглядами. Герман вернулся в приемную и сел на прежнее место. Демидова вошла вслед за ним и села напротив. Через несколько минут она вежливо осведомилась у секретаря:

– Могу я вас попросить чашечку кофе?

– Да, конечно, – с готовностью произнесла Миронова, – сейчас только закончу с делами, а потом ополосну от накипи чайник.

Герман с равнодушным видом поглядывал в окно. Несколько минут в приемной стояла тишина, потом Миронова резко поднялась, схватила чайник и вышла в коридор.

– Извините, а вы не знаете, где Михаил Терентьев? – начала Демидова. – Я звонила ему на сотовый, но он отключен.

– Понятия не имею, – с деланным безразличием ответил Герман и чуть не выдохнул с облегчением, сам он никак не мог придумать, как завязать разговор с адвокатом.

– Вы ведь его напарник, или помощник, я так и не разобралась.

– Какие ваши годы? Еще разберетесь, – съехидничал он в ответ.

Демидова усмехнулась и закинула ногу на ногу.

– Вы ведь пришли в управление из другого ведомства?

– Почему это вас интересует?

– Симпатичных и умных мужчин, в нашей отрасли не так-то много, а тут появляется такой привлекательный экземпляр и никто не знает, откуда он. Прямо загадка какая-то, – кокетливо произнесла Демидова и улыбнулась.

«Пустила в ход свои чары, значит, насторожилась», – подумал Герман.

В приемную вошла Миронова с полным чайником воды, засуетилась возле холодильника и учтиво спросила Германа:

– А вы будете чай или кофе?

– Нет, спасибо.

Дверь приемной открылась, и в проеме мелькнула голова Мануйлова. Встретившись взглядом с Германом, он дал знак ему выйти в коридор. Его повторное появление еще больше насторожило Миронову, на лице проявился легкий румянец.

Когда Герман вышел в коридор, Мануйлов приглушенно произнес:

– Нашел тайник в плитке, там лежит записка: «Держи ночью заднюю дверь открытой. Приготовь дубликат ключа от кабинета Т.М.».

– Она планирует посетить ночью управление. Ну что ж, дадим ей такой шанс, – сказал Герман и улыбнулся.

&&&

Логинов вернулся в приемную через два часа. Герман следил за ним через открытую дверь конференц-зала. Уставший, обозленный и напряженный. Встретившись с Германом взглядом, полковник сказал:

– Патрикеев можете присоединиться к Терентьеву.

Его слова болью кольнули в груди. Значит, сначала решили закрыть дело с наскока без него, а когда что-то пошло не так, просят о помощи. Но на обиды времени не было, Герман пулей спустился на первый этаж и зашел в комнату для допросов. Обстановка была накаленной, казалось одна искра и майор полезет на Мономаха с кулаками. Сжав раненную руку, бледный Гулямов сидел за столом и сверлил испепеляющим взглядом следователя.

Досье Мономаха Герман проштудировал вдоль и поперек и вспомнил об учителе киллера, который пользовался большим уважением в преступной среде.

Герман нацарапал быстро записку и протянул ее напарнику. Михаил прочел два слова и кинул.

– Какую отличную новость мне только что сообщили! – майор тряхнул листком бумаги и с нарочитой радостью добавил: – Поздравляю! У тебя сегодня свидание с Медведем! Вот уж будет вам о чем поговорить!

Гулямов выпрямил спину и откашлялся, но по-прежнему продолжал хранить молчание. Терентьев прищурился и усилил давление:

– Ты ведь не знал, что он сейчас в СИЗО? Ага. Вроде его последнее дело пересмотреть хотят. Ты вроде там должен был проходить как свидетель? Но вот незадача, утек свидетель-то... вместе со списком клиентов.

Глаза Гулямова на секунду вспыхнули, он нервно сглотнул и злобно глянул на майора.

– Чего хотите?

– Подписываешь чистосердечное и разойдемся как в море корабли.

Гулямов покачал головой из стороны в сторону.

– Не пойдет. Называйте инцидент и обсудим...

Из уст майора посыпались ругательства и угрозы, Герману это не понравилось, он был уверен, что такое поведение красноречиво говорит о слабости доказательной базы. Обычно выдержанный и умело ведущий допросы майор сорвался на крик, видимо сказалось близкое знакомство с жертвой киллера.

– Я с тобой чикаться не стану, да ты и сам знаешь что будет, – майор кинул злобный взгляд на адвоката, при котором не мог поведать все детали нажима на задержанного. Затем снова уставился на Гулямова и между оппонентами минуту шел уже безмолвный разговор. – Ну? Что решил?

Гулямов изучал лицо майора, потом тяжело выдохнул и вытянул ноги.

– Я так и так покойник, так что у меня есть условие: на воле у меня подруга с ребенком осталась. Устройте нам свидание, и тогда я вам помогу.

– Будет тебе свидание, – кивнул майор.

Гулямов сложил пальцы в замок, потом поднял режущий взгляд на следователей.

– Спрашивайте.

– Что тебе передал Рогов через врача? – спросил майор.

– Маляву с именами.

– Что за имена?

– Лурье и двух его помощников.

– И ты всю работу выполнил?

– Да.

– И где труп водителя? – спросил Герман.

– После свиданки укажу место.

– Расскажи нам про писателя, – предложил Герман и подался корпусом вперед. От волнения на шее предательски запульсировала вена и усилием воли он заставил себя успокоиться.

– Он был главный у них. Я его только раз видел и то в темноте, но голос ни с кем не спутаю.

Герман сразу вспомнил голос Грозового на записи. Он был мощным, раскатистым и бархатистым, словно у оперного певца.

– Почему Рогов решил убрать Лурье?

– Потому что это он подставил Рогатого. Устроил все так, что с его телефона пришло вам сообщение. После такого уже каждый сам за себя.

– Его погоняла Рогатый? – переспросил майор.

– Ага, – снова безучастно подтвердил Гулямов.

– А кликуха писателя – Паук?

Гулямов кивнул.

– А чего вдруг Лурье так на него окрысился? – поинтересовался Герман. – У них же дружничок был, все шито-крыто. Денежки капают.

– Вроде все пошло из-за той крали..., ну, с которой Рогатого взяли. Не поделили они там что-то. Рогатый сказал, что она им выгодна мертвой. А у Лурье и Паука своя игра. Паук уже в последний момент что-то узнал и пытался до Рогатого достучаться, а Лурье что-то с его трубой сделал и все на измену присели. Паук подумал, что Рогатый взбрыкнул, Рогатый подумал, что Паук дал добро и хотел пришить ту дамочку. А когда все выяснили, Рогатый нанял меня убрать Лурье и всех его прихлебателей.

Герман потер подбородок, наконец-то все выяснилось. Именно расправа Рогова над Низовой не давала ему покоя. Ведь таким образом ломалась вся схема

Паука. Паук звонил Рогову и хотел дать отбой, потому что узнал, что Низова забеременела.

– И как они проворачивали свои дела? – спросил майор.

– Точно не знаю, но у них всегда была информация, за которую барыги платили большие бабки.

– Что тебе известно по поводу убийств женщин? – спросил Герман.

– Ничего.

– Врешь! – майор стукнул кулаком по столу.

– Рогатый никогда и никому не расскажет про свои дела. Я только знаю, что у них есть баня, где мы не раз встречались. Зброшенное место. Может где-то там он держит свои трофеи...

По голосу Герман понял, что это совсем не предположение.

– Где эта баня?

– Недалеко от его дома.

– Это в Наро-фоминском районе что ли? – спросил майор.

– Нет. В Сергиевом Посаде.

– Он один там жил?

– Сейчас он там не живет, но когда-то жил... с приемной дочерью.

– У него есть дочь? – удивился майор.

– Вы не знали? – усмехнулся Гулямов. – А говорите, все знаете...

– Как ее зовут?

Гулямов усмехнулся и с издевкой спросил:

– Вы меня разводите?

– Как ее зовут? – сухо переспросил майор.

– Натаха... – Гулямов расплылся в довольной улыбочке и добавил: – Его адвокат!

Герман повернулся и многозначительно посмотрел на майора.

– Что знаешь о ней? – Терентьев нервно сглотнул и побледнел.

– Натаха – баба веселая, вот только порочная. Рогатый изнасиловал ее, когда та была еще подростком, еще мать ее была жива. С тех пор они неразлучная парочка. Она как кролик, живущий рядом с удавом, все сделает, что он скажет.

Герман скривился, по словам майора, было все как раз наоборот. Может она и была когда-то кроликом, но точно не сейчас.

– А что с ее матерью?

– Умерла... – процедил сквозь зубы Гулямов, – а может Рогатый помог. Да, скорее всего, так и было...

– Адвокат замешана в убийствах?

– Нет, – усмехнулся Гулямов, – для этого она слабовата. Вот в постель кого-нибудь заманить, а потом вертеть им как захочет, это она может.

Герман кинул на майора быстрый взгляд и продолжил:

– За что убили полковника Архангельского?

С лица Гулямова сползла ухмылочка, он выпрямился.

– Я не задаю подобных вопросов. Мне платят – я устраняю.

– Как вы совершили убийство?

– Заранее обследовал территорию и узнал, во сколько приедут мусорщики, – Гулямов размял пальцы. – Назначил время убийства. Наташка должна была сделать так, чтобы полковник и Рогов уже к этому времени поговорили. План, конечно, был рискованным, и Лурье подключил Сороку, она должна была задержать мусорщиков и не давать им заехать на стоянку до тех пор, пока полковник не выйдет из здания. Когда полковник сел в машину, я дал ей знак. Она отъехала и, сделав круг вокруг квартала, вернулась, когда я уже сделал дело. Потом, мы дождались первого свидетеля, Сорока вышла из своей «Сузуки». Я выстрелил в машине, которую припарковал за стоянкой. А рано утром мы с водителем Лурье перевезли машину на пустырь за городом и сожгли.

– Значит, водителя вы убили за то, что он был свидетелем уничтожения улики? Понятно, – спросил Герман и впился взглядом в киллера. – Почему же после всех этих убийств вы стали так неосторожны? Теряете хватку?

Гулямов поднял утомленные глаза и злорадно ухмыльнулся. Герман вспомнил момент его задержания. Что-то в его поведении не укладывалось в логическую цепочку. Среди преступников киллеры особая каста. Обычно пойманный с поличным киллер отстреливается до последнего, и тем более будет использовать любую выпавшую ему возможность для побега. А здесь все наоборот. Почему? Теперь глядя в глаза наемнику, Герман уже не сомневался,

задержание Мономаха не было чисто проведенной операцией. Он намеренно обратился к Ларисе потому, что знал, что она была под колпаком у полиции. Он знал куда шел и зачем. Он сдался... сам...

– Ты убил Долгина? – спросил майор, тем самым прерывая безмолвную битву двух визави.

– Кого? – переспросил Гулямов.

– Нашего сотрудника. Мы лично видели, – Терентьев показал на напарника, – как он садился в машину, которую ты позаимствовал у адвокатши.

– А, этого, – протянул Гулямов.

– Ты его убил? – повторил Герман.

– Нет, – помотал головой Мономах. – Этого вам на меня не повесить. Натаха попросила меня подвести его к станции метро, я подвез. Я подкатил к условленному месту, вышел из машины, она села на водительское сиденье. Что она с ним сделала потом, я не знаю. Обрато я уехал на метро.

– О чем вы говорили с Долгиным? – спросил майор.

– Натаха попросила сказать ему, чтобы он не лез не в свое дело и дать ему понять, что мы знаем, где искать его мать и сестру. Поначалу она не хотела вмешиваться, но потом перезвонила, сказала, что пацан оказался борзый и кому-то угрожал. Поэтому Натаха поменяла план и подъехала лично.

– Подпишите свои показания, – сказал майор и поднялся со стула.

Гулямов хмыкнул и покачал головой.

– Так что там, на счет моей просьбы?

– Будет тебе свидание, подписывай!

&&&

Герман и Михаил сидели в кабинете Логинова. Телефон полковника разрывался от звонков. Кто-то поздравлял его с закрытием громкого дела, а СМИ хотели получить информацию из первых уст. Полковник терпеливо и не без удовольствия отвечал, что утром пресс-служба следственного управления даст официальный пресс-релиз. Когда между звонками образовалась пауза, полковник посмотрел на Германа и важным видом изрек:

– От лица нашего управления выражаю вам особую благодарность и хочу сказать, что наши двери для вас всегда открыты. Знаю, что ваше руководство без работы вас не оставит, но если их предложение по каким-то причинам вас не устроит, милости просим к нам. А сейчас прошу меня извинить, много работы.

Жестом руки он дал понять, что Герман свободен. Майор тоже поднялся и хотел уйти.

– А ты Миша останься. Нам нужно с тобой многое обсудить, – сухо произнес полковник, и майор обреченно опустил на стул.

Патрикеев попрощался с Логиновым за руку и пошел к двери. В голове мелькала навязчивая мысль. Логинов знал, что Герман в ближайшие дни получит от своего управления какое-то предложение. Видимо между ведомствами уже велись согласования. Его раздирало любопытство. Что может быть общего у ГРУ и следственного управления?

Герман вышел из кабинета и увидел в дверях приемной встревоженного Мануйлова.

– Ты чего здесь маячишь?

– Оперативники сообщили, что новая жертва Грозного только что сбежала с ним. Их засекли входящих в переоборудованный дом в поселке Старки.

– Отличная новость, – бодро произнес Герман и ободряюще похлопал его по плечу.

Мануйлов опустил глаза и с нескрываемой грустью спросил:

– Дело полковника раскрыто, вы видимо теперь нас покинете?

– Нет, я еще здесь, осталось маленькое дельце, – Герман подмигнул.

Мануйлов понял, что он намекает на Демидову и улыбнулся в ответ.

&&&

В полночь, секретарь Логинова Ольга Миронова подошла к двери, ведущей на стоянку, которая обычно закрывалась после полуночи и огляделась по сторонам. Убедившись, что ее никто не видит, она дважды провернула ключ в замке и вышла на улицу. Прохладный ночной ветерок обдал ее бледное лицо и растрепал пряди вьющихся волос. Она прищурилась и осмотрела стоянку. На обочине за мусорным контейнером была припаркована машина, которая на

пустынной улице в этот поздний час сразу бросалась в глаза. Два раза моргнули фары, Миронова махнула в ответ рукой. Из машины вышла Демидова и поспешно зашагала в сторону управления. За ней семенил невысокий полноватый мужчина в кепке и с портфелем в руках. Демидова повернулась к нему и сказала:

– Надеюсь, вы работаете тихо и быстро, я не хочу, чтобы мои коллеги узнали, что я вскрываю с помощью медвежатника собственный сейф.

– Не волнуйтесь дамочка, я профи.

На середине пути Демидова остановилась и прислушалась. Что-то ее насторожило, в глазах появилась тревога. Миронова снова выглянула из-за двери и спросила:

– Ты идешь? Мне надо дверь закрыть.

Демидова еще раз огляделась по сторонам и, пропустив перед собой мужчину, вошла следом за ним в здание. Секретарь закрыла дверь на ключ, и вся троица поднялась на второй этаж. Дрожащими руками Миронова вынула из кармана дубликат ключей от кабинета майора Терентьева и открыла дверь. Дурное предчувствие не покидало ее с момента обнаружения записки, но перечить Демидовой она побоялась, слишком многое было поставлено на карту.

Женщины познакомились год назад и после этого жизнь Ольги сильно изменилась. Демидова помогла ей устроиться в институт на заочное отделение, одаривала дорогими подарками и сулила безоблачное будущее, взамен попросила Ольгу устроиться в следственное управление секретарем и добывать для нее информацию. Поначалу Ольга думала, что молодой и неопытной адвокатессе сведения нужны для выстраивания стратегии защиты своих клиентов. Впоследствии она узнала о родственной связи между ее подругой и Роговым и поняла, что жестоко ошиблась, только было уже поздно. Капкан захлопнулся, а путь назад был тщательно замурован.

Зайдя за женщинами в кабинет, мужчина в кепке включил фонарик и осветил сейф. С первой секунды он понял, что Демидова не та, за которую себя выдает, но решил не рисковать, сделать дело и взять обещанную щедрую оплату, уж больно нужны ему были эти деньги. Осмотрев сейф беглым взглядом, он повернулся к Демидовой и кивнул головой, давая понять, что берется за работу.

– Сколько времени вам понадобится? – спросила Демидова и, подойдя к столу майора, быстро убрала фотографию его бывшей жены в выдвижной ящик.

Мужчина еще раз взглянул на сейф.

– Пять минут не больше.

– Приступайте.

Вынув инструменты из чемоданчика, он подошел к сейфу и приступил к работе. Миронова нервно покосилась на Демидову и отозвала ее в сторону. Они встали у окна и Ольга прошептала:

– Сегодня в управлении творилось черт знает что. Арестовали Гулямова, и его допрашивал сначала Логинов, потом новичок и Терентьев.

– Что он сказал? – с тревогой в голосе спросила Демидова.

– Я не знаю. Я все время была в приемной, знаю только, что дело об убийстве полковника Архангельского считается раскрытым. Сразу после допроса шефу оборвали телефон, и я слышала, как его поздравляли.

Дверь сейфа закрипела, мужчина кашлянул.

– Быстро сработали, – с довольным видом адвокат подошла к сейфу, нашла папку с делом Рогова и быстро положила ее в свой портфель.

Затем она дала знак всем выйти из комнаты. Миронова открыла ключом дверь кабинета Терентьева, и через секунду на дверь со стороны коридора навалились Терентьев и Патрикеев. Из шкафа выскочил Мануйлов, ловко выхватив портфель Демидовой, нашел папку с делом Рогова и воскликнул:

– Есть!

– Попалась пташка, – сказал майор и щелкнул фотоаппаратом, – улыбочку.

С большим удовольствием он заломил за спину руки Демидовой и надел наручники. Миронова, бледная как полотно, прижалась к стене и от страха не могла вымолвить ни слова. Мужчина в кепке, выпучив глаза, с притворным драматизмом заговорил:

– Что здесь происходит? Это женщина сказала, что она следователь и потеряла ключи от своего сейфа. Я ничего противозаконного не делал, прошу вас, отпустите меня.

Герман надел на него наручники и сказал:

– Не волнуйтесь, мы сейчас во всем разберемся, – вывел его в коридор, – если вы действительно ничего не знали, то с вас возьмут показания и отпустят.

– Правда? – с надеждой в голосе спросил мужчина.

– Конечно, – нарочито дружелюбным тоном заверил его Герман и повел на первый этаж.

Лицо Демидовой исказилось в гримасе, она посмотрела майору в глаза и желчно произнесла:

– Рано радуешься майор, я сниму тебя с дела уже к утру, будешь туалеты на вокзале мыть.

– И что? Почетная профессия! Кому-то ж надо! – улыбнулся Михаил и подтолкнул ее к лестнице. – Ты про запись с нашим рандеву толкуешь? Не хочу тебя разочаровывать, солнышко, но все твои записи у меня. Признаюсь честно, не удержался и сделал себе копию, буду теперь на ночь глядя просматривать.

– А-ха! Вы незаконно вломились в мой офис! Я этого так не оставлю! – закричала адвокат.

– Нет, – зашептал он ей на ухо, – ты же знаешь, я без приглашения не прихожу, но теперь понятно, где ты ее прячешь, – Терентьев улыбнулся еще шире и подмигнул.

Демидова начала вырываться из рук следователя и закричала:

– Произвол! Я всех вас посажу за решетку! Уроды! Снимите немедленно с меня наручники!

Терентьев вел Демидову в комнату для допроса. За ними следовали Мануйлов и Миронова. Он смерил ее презренным взглядом и холодно произнес:

– Чистосердечное признание смягчает наказание. Но ты не глупая, сама это знаешь. Ну так как? В комнату для допроса или в кабинет к шефу, где ты все расскажешь как на духу?

– К шефу, – заскулила Миронова и заплакала.

Мануйлов кивнул и повел ее в кабинет полковника Логинова.

Двери центрального входа распахнулись, и в управление зашла группа экспертов во главе с полковником, позади него шли несколько следователей.

– Идите в кабинет майора Терентьева, я к вам позже загляну, – отдал он команду экспертам и вошел в комнату для допроса, где сидела Демидова.

Увидев полковника, она перестала ругаться и замолчала. Только сейчас она осознала серьезность своего положения. Игры кончились. Мысленно она уже выстраивала сразу несколько линий защиты.

– Я задам вам только один вопрос, – сказал полковник, – кто убил Владимира Долгина?

– Снимите наручники, – устало попросила Демидова, – и дайте сигарету.

Полковник красноречиво посмотрел на майора. Терентьев снял с нее наручники и дал ей прикурить. Демидова жадно затянулась и шумно выдохнула.

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

– А мы объясним, – Логинов спокойно смотрел на задержанную. – Гулямов утверждает, что вы дали ему указание привезти Долгина на вашей машине к станции метро, а потом уехал. Так кто убил Долгина?

– Ну, значит, это его слово против моего. И кому на суде поверят? Мне, адвокату, у которой есть репутация, или наемному убийце, которому соврать раз плюнуть? – речитативом ответила Демидова, и весомо добавила: – Я официально заявляю, что ничего про Долгина не знаю и требую адвоката.

Швырнув визитку на стол, она демонстративно постучала по ней ногтем указательного пальца. Полковник взял визитку и, посмотрев на знаменитую фамилию ее адвоката, усмехнулся и сказал:

– Хорошо, пусть будет по-вашему. Хотел избежать грязи на процессе, но видимо, вы без нее смысла в жизни не видите. Миша, надень на нее наручники.

Когда полковник вышел, Терентьев подошел к Демидовой, отобрал сигарету и затушил в пепельнице. С особым наслаждением он снова надел на нее наручники и заглянул ей в глаза. Ему все еще хотелось увидеть в них хоть остатки здравомыслия, но Демидова, словно подтверждая напрасность этой затеи, громко расхохоталась. Майор посмотрел на нее с пренебрежением.

– Осторожно, не подавись ядовитой слюной.

– Ха-ха, насмешил! – воскликнула Демидова и на ее лице отразилась вымученная улыбка.

– Зачем ты заявила в управление за делом Рогова? На что ты надеялась? Сорвать процесс? Поставить под сомнение мою репутацию? Это затянуло бы расследование, но твой любовничек все равно бы сел и ты это знаешь.

– Адвоката! – закричала Демидова и нагло уставилась на следователя.

Тем временем Логинов шел по коридору первого этажа и окликнул впереди идущего Германа.

– Патрикеев! Вас ждет на стоянке Валерий Сергеевич.

Герман спустился на первый этаж и вышел через боковую дверь на служебную стоянку. Увидел машину Валерия Сергеевича, подошел и постучал в окно. Электронный замок мягко щелкнул, Герман открыл переднюю дверь и сел на пассажирское сиденье. Голова Валерия Сергеевича была откинута на подголовник.

– Логинов сказал, что вы хотели меня видеть.

– Это ведь то самое место, где стояла машина брата во время убийства? – спросил Валерий Сергеевич и указал на место преступления.

Герман посмотрел на разметку и качнул головой.

– Да.

– Я все пытаюсь прокрутить события того дня. Что он чувствовал, что хотел предпринять? Но ничего в голову не лезет. – Протянув папку Герману, Валерий Сергеевич пояснил: – Это приказ о досрочном освобождении вашего друга Панфилова Павла Михайловича. Думаю, что вам самому будет приятно отвезти его в тюрьму.

– Да, вы правы, – согласился Герман и с накатившим на него волнением взял папку.

– Николай Иванович сказал, что вы все равно попросите меня об этом. Поэтому я немного ускорил события. Кстати, он просил вас позвонить, как только освободитесь.

– Позвоню, спасибо, – искренне поблагодарил Герман и пожал его руку.

– И не забудьте Патрикеев, Панфилов крепкий орешек, но тюрьма никого не щадит. Присматривайте за ним.

– Непременно.

Герман хотел выйти из машины, но Архангельский снова заговорил.

– И еще... хочу вам на будущее дать совет, – чиновник нахмурился. – Должность, которую вам предложат, потребует от вас гибкости и надежных друзей. Я говорю сейчас не о вашей группе, а о высокопоставленных друзьях.

Один у вас уже есть, – Герман понял, что он говорит о себе, – с Логиновым тоже не теряйте связь. Поверьте мне, он вам еще пригодится.

Машина Валерия Сергеевича плавно выехала со стоянки. Озадаченный Герман проводил ее взглядом и закурил. Уже второй раз ему сегодня намекали на его будущее. Значит, ему не показалось, на счет него уже принято решение. Должность? Вот этого он точно не ожидал. Герман считал себя вольным ветром. Он не мог усидеть на месте и пяти минут. Неужели шеф поместит его в какую-то дыру и заставит заниматься аналитикой и копать в бумажках? Сначала его заставили заниматься делом Рогова и Архангельского, теперь какая-то загадочная должность. Хрен редьки не слаще!

Вдалеке двое экспертов обследовали машину Демидовой, и Герман невольно залюбовался тщательной и продуманной работой специалистов. Послышался скрип двери. Оглянувшись, он увидел майора.

– Миша, я, пожалуй, пойду. Моя миссия на этом окончена, – сказал тоскливым голосом Герман.

Терентьев протянул руку.

– Спасибо за помощь и, хоть порой мне хотелось тебя убить, – майор улыбнулся, – но от такого напарника я бы не отказался.

Герман улыбнулся в ответ и пожал ему руку.

– Кстати, удалось выяснить, кто и за что убил Долгина?

– Миронова говорит, что это сделала сама Демидова. Мол, они в машине поругались, и Демидова вышла из себя. Долгин выскочил на ходу и попытался скрыться, она догнала его и ударила битой. Тот упал, видимо не ожидал от нее такой прыткости, а та начала молотить и уже не смогла остановиться.

– Сама Демидова, конечно, это отрицает? – догадался Герман.

– А как же! Ее стратегия уже ясна как день: польет на всех грязь, будет отрицать свою вину до последнего и привлечет максимальное внимание прессы, – Майор засунул руки в карманы брюк.

– А что с той записью будешь делать?

Майор похлопал по карману брюк.

– Ордер на обыск офиса Демидовой у меня. Логинов сказал, что запись изъять из дела не сможет. Демидова не дура, наверняка сделала копию и

припрятала на такой случай. Так что меня ждет взыскание и внутреннее расследование. Но Логинов дал четко понять, что без защиты меня не оставит, но взял обещание больше так не прокалываться.

– На самом деле, – перед глазами Германа мелькнул образ Демидовой, – никто не застрахован от такой ситуации и Логинов это знает.

Майор закурил и еще раз протянул руку Герману.

– До встречи, полковник, что-то мне подсказывает, что мы еще вместе повоюем.

Герман попрощался и пошел к своей машине, которую припарковал за квартал от управления. Сложив папку пополам, он вложил ее во внутренний карман пиджака и ускорил шаг. Несмотря на тревогу, вызванную новой должностью, настроение заметно улучшилось.

&&&

Герман шел по Большому Кисельному переулку, когда к нему подъехали две машины. Из одной из них выскочили трое мужчин крепкого телосложения и побежали в его сторону. Герман резко повернулся и нанес предупреждающий удар в челюсть одному из них. Второй налетел на него сбоку, а третий чем-то тяжелым нанес удар по голове. После чего Герман как в замедленной съемке упал на асфальт и отключился.

Придя в себя, он пошевелил руками и ногами, вроде ничего не сломано. Голова гудела, во рту пересохло. Он открыл глаза и увидел, что сидит без рубашки, в одних джинсах привязанный к стулу в комнате, обшитой деревянными панелями. Рядом с ним стоял мужчина, которого он ударил. Заметив, что Герман очнулся, тот замахнулся, но в этот момент услышал властный окрик:

– Нет!

Герман повернулся на звук голоса и заметил мужчину сидящего за письменным столом. Когда тот перевел на него взгляд, Герман сразу его узнал – муж Леры. Мужчина закрыл папку с документами и передал их секретарю, стоявшему за его спиной на вытяжку.

– Не в моих правилах применять насильственные методы. Получив отчет о страстных встречах жены, я нанял консультанта, который рассказал о вас множество забавных вещей, Патрик. Так ведь вас называют в ваших кругах?

Герман молчал и смотрел на него с вызовом. Мозг обрабатывал каждую деталь, манеру речи и мимику противника.

«Умен. Сдержан. Беспринципен. Опасен!», – тут же сделал вывод Герман.

– Говорят у вас большой опыт в контртеррористической деятельности, – сказал мужчина и сел на диван, стоявший напротив, – меня зовут Королев Петр Семенович, но вы уже, наверное, это знаете, я муж вашей бывшей жены. Подчеркиваю для особо тупых – бывшей.

В сердце кольнула тревога. Если с ним не чикались, зная, кто он и какие люди за ним стоят то, что сделали с Лерой?

– Где Лера? – с беспокойством в голосе спросил Герман.

– О! Вы думаете, я могу навредить моей любимой жене? Нет, что вы. Я даже не сказал ей, что знаю про ваши шашни. Зачем ее волновать? Лерочка сейчас с моей мамой в театре, – Королев взглянул на часы. – Времени у нас мало, поэтому я приступлю сразу к делу. Признаюсь честно, я бы с большим удовольствием лично избил вас, но положение обязывает. Да и ваш покровитель, которому вы прислуживаете уже много лет, сорвется с цепи и наделает глупостей. Он не любит когда за его спиной вершат самосуд. Предлагаю вам сделку – вы прекращаете встречаться с моей женой, а я дам вам возможность видаться с дочерью. Если вы меня хоть раз обманите, Лера и Катя поселяться за пределами России, и вы больше никогда не увидите дочь. Все понятно?

При упоминании имени дочери у Германа сжались кулаки, он пошевелил руками, проверяя веревки на прочность, и взглядом ощупал комнату. Королев бросил быстрый взгляд на своего помощника и тот наотмашь ударил Германа по лицу.

– Спрошу еще раз. Вам все понятно? – процедил сквозь зубы Королев.

– Да, – выдавил из себя Герман.

– Вот и хорошо, – самодовольно произнес Королев и встал с дивана.

Посмотрев на помощника, он сказал:

– Преподайте ему урок, а потом отвезите в отель. Увезите его из дома до приезда жены. Не хочу, чтобы она его видела.

Как только дверь за ним закрылась, на Германа обрушился шквал ударов. Один из ударов свалил его на пол вместе со стулом. Истязание продолжилось и Герману нанесли несколько ударов по голове, после чего он снова отключился.

Когда он снова пришел в сознание, то услышал детские голоса. Потом отчетливый спокойный и размеренный голос шефа, а затем встревоженный голос Алины. Все в его сознании смешалось, он с трудом открыл глаза и увидел себя лежащим на кровати в своем гостиничном номере.

Через открытую дверь спальни, было видно, как в креслах в гостиной сидят Николай Иванович и Алина. Они о чем-то беседовали. На ковре около кровати Герман заметил детские игрушки. В следующий миг, Женька и Маша вынырнули из-под кровати и закричали в два голоса:

– Он проснулся!

От резкого шума голова загудела, Герман сморщился от боли. Алина вскочила на ноги и быстро подбежала к кровати.

– Тише дети, не кричите, – она увела брата и сестру из комнаты.

В спальню вошел шеф.

– Как себя чувствуешь?

– Как боксерская груша после двухчасовой тренировки, – тихо произнес Герман и дотронулся до разбитой губы.

Шеф ухмыльнулся и спросил:

– Кто это был?

– Это личное дело, шеф.

– Все личное влияет на работу, – недовольно произнес Николай Иванович свою крылатую фразу и, подойдя к окну, открыл шторы.

Яркий свет ворвался в комнату. Герман прищурился и спросил:

– Который сейчас час?

– Час дня. Ты был в отключке почти одиннадцать часов. И, по-твоему, это не повлияло на работу?

Заложив руки за спину, шеф начал прохаживаться по комнате при этом то и дело теребил узел на галстукe – признак максимального раздражения. Герман понял, что с генералом сейчас лучше не играть в кошки-мышки.

– Как я здесь оказался?

– Тебя выкинули из машины перед входом в отель. Герман, кто это сделал? Я хочу знать это немедленно. Не испытывай мое терпение, – сказал шеф повышая голос.

Герман тяжело вздохнул, признаваться в своей слабости ему очень не хотелось, но выхода не было.

– Это муж Леры. Узнал, что мы несколько раз встречались.

– Вы что?! – шеф побледнел от злости. – Встречались? Где? Когда?

Герман отвернулся, давая понять, что отвечать не намерен. Немного успокоившись, Николай Иванович продолжил размеренно расхаживать по комнате.

– Я знаю, как ты относишься к Лере. Ты однолюб. Поэтому твое согласие на развод меня удивило. Позже я понял, что ты это сделал необдуманно. Наверное, хотел остыть и еще раз все с ней обговорить. Но Лера ведь этого не поняла. Она решила, что для тебя важна только работа. Выйдя за Королева замуж, она расцвела. Чисто по-мужски я понимаю, какой это для тебя соблазн, но ответь мне честно, ты всерьез решил ее вернуть?

– Я предложил ей это.

Николай Иванович опешил и уставился на Германа.

– И что она ответила?

– Сказала, что тоже этого хочет, но не сейчас.

– Вот как? – спросил шеф, изучающе вглядываясь в лицо Германа.

– Сначала она хочет, наладит собственный бизнес, а уж потом уйти от него.

– Она так сказала? И ты поверил? – разочарованно спросил шеф.

– А почему я не должен ей верить? – искреннее удивился Герман.

– Охо-хо, Герман... она никогда не уйдет от него, – многозначительно произнес шеф.

Герман нахмурился. Что-то в лице шефа подсказало ему, что есть более весомая причина, чем бизнес.

– Обижайся на меня, сколько хочешь. Я лишь хочу, чтобы ты трезво оценил ситуацию. – Герман все еще молчал и шеф продолжил: – Не хотел тебе говорить, но видимо придется выступить в роли гонца приносящего скорбные вести.

Герман медленно повернул голову и вопросительно посмотрел на шефа.

– Она беременна, срок три месяца, – сказал шеф.

– Что? – ошарашенный Герман попытался приподняться, но резкая боль пронзила грудь, и он беспомощно упал на подушки.

– Видимо она тебе этого не сказала?

– Нет, – поцедил сквозь зубы Герман и от нахлынувших эмоций закрыл глаза.

Грудь сдавила такая боль, что Герману хотелось кричать. Почему Лера ему ничего не сказала? Как она могла так с ним поступить? Знала, что беременна и... Догадка быстро мелькнула в голове. Если бы Герман узнал о беременности, то никогда бы не дотронулся до бывшей жены. Лера это тоже понимала.

– Вот видишь. Женщины не твой конек и ты это знаешь. Так что для того чтобы уйти ей нужно сначала родить. И не надо быть экстрасенсом, чтобы понять, что ждет ребенка дальше. Королев его не отдаст и Лере придется выбирать ты или ребенок. Думаю, ты знаешь ответ заранее.

После паузы, Герман глубоко вздохнул и сказал:

– Шеф, я ни при каких обстоятельствах не допущу, чтобы моя дочь оказалась у этого психопата Королева.

– Уверяю тебя, с Катюшей все будет в порядке.

– Мне этого недостаточно. Я хочу гарантий.

– Я подумаю, что можно сделать.

В комнату постучала Алина.

– Николай Иванович, из ресторана принесли ваш обед, Герману тоже не мешало бы подкрепиться.

– Сейчас приду, – сказал шеф и, вынув из кармана мобильный телефон, добавил: – А Германа пусть сначала осмотрит врач.

Через час Алина проводила Николая Ивановича и врача, закрыла дверь и прошла в спальню. Герман сидел на кровати, его грудь была туго перевязана. Он посмотрел на Алину и смущенно спросил:

– Поможешь подняться? Мне нужно в туалет.

Алина подошла к нему и подставила плечо.

– Доктор сказал, что у тебя сотрясение и сломано по ребру с двух сторон.

– Легко отделался, – отшутился Герман.

– Ничего себе легко.

– Бывало и похуже.

Они дошли до ванной комнаты и Герман скрылся за дверью.

– А кто этот человек, Николай Иванович?

– Это мой шеф. От него зависит моя жизнь и благосостояние, – ответил через дверь Герман.

– У тебя неприятности из-за бывшей жены?

Из ванной послышался звук смыва воды в унитазе и через несколько секунд дверь открылась. Герман сделал несколько шагов, и Алина опять подставила ему свое плечо.

– Тебя избил муж твоей бывшей жены? – снова спросила Алина.

– Не лезь ты в это дело, – осек ее Герман.

– А они не придут сюда? Ведь здесь дети.

– Нет, мы достаточно ясно друг друга поняли.

– Ты отступишься?

– Открылись новые обстоятельства, в которые моя бывшая меня почему-то не посвятила.

Доковыляв до кровати, Герман лег и накрылся одеялом.

– Я слышала, как один мужчина по телефону докладывал Николаю Ивановичу, что она беременна. И это ребенок ее мужа.

– Очевидно, – с раздражением в голосе произнес Герман.

– Я принесу тебе бульон.

Алина метнулась в гостиную, принесла большую кружку, от которой исходил приятный мясной аромат, и Герман почувствовал, как скрутило живот от голода. Она протянула Герману трубочку.

– Это вместо ложки.

Герман приподнялся на локтях и выпил бульон.

– Спасибо, – сказал он и снова положил голову на подушку, – где дети?

– Женька укладывает их спать.

– Женька? Да его самого укладывать надо, – усмехнулся Герман.

– Только ты ему этого не говори, обидится, – сказала Алина, и улыбнулась.

– Ты поспи, я закрою дверь.

– А где мой телефон?

– Сейчас принесу, – Алина скрылась в гостиной, через минуту вернулась и протянула ему трубку.

Просмотрев пропущенные звонки, он увидел, что Терентьев звонил три раза.

– Пусть он побудет у тебя, – Герман вернул телефон, – если будут звонить, скажи, что я не могу говорить. Пусть оставят сообщение. Можешь рассказать о случившемся только Мише Терентьеву.

– Хорошо, – сказала Алина, спрятала телефон в карман и прикрыла за собой дверь.

Герман закрыл глаза и сразу провалился в сон...

Глава седьмая

Откровение Паука

Через три месяца в один из солнечных августовских дней мобильный телефон Германа залился причудливой детской мелодией. Герман повернулся к дочери, которая с визгом только что прыгнула в бассейн и спросил:

– Катюха, ты опять поменяла мне рингтон? Вот непоседа!

– Папа, прыгай в бассейн вода теплая! – звонко прокричала Катя с обворожительной улыбкой, против которой Герман никогда не мог устоять, и поплыла вдоль бортика.

Патрикеев ответил на звонок и услышал бодрое приветствие Терентьева. Как только Герман поселился с семейством Комбаровых в новом доме, Михаил стал их частым гостем.

– Все в норме, – Герман краем глаза присматривал за кульбитами дочери, – есть новости?

– Сегодня будем брать Паука. Подъезжай в семь часов вечера. Место сбора заброшенная фабрика в Ботово. Я вышлю тебе координаты.

– Обязательно буду. Разве такое можно пропустить! – улыбаясь, ответил Герман и бросил трубку на полотенце.

Подойдя к трамплину, он оттолкнулся и прыгнул в воду. Доплыл до дочери под водой, схватил ее за ноги и подбросил вверх. Катя выплыла через два метра и закричала:

– Так ни честно! Я тебя не видела!

– Видела, – засмеялся Герман, грозя ей указательным пальцем.

Из дома вышла Алина и махнула рукой Герману.

– Там к тебе приехал какой-то мужчина. Говорит, старый друг, – Алина жестом дала понять, что сама присмотрит за Катей.

Герман быстро выбрался из бассейна, наскоро обтерся полотенцем, накинул халат и поспешил в дом. Через стеклянную стену гостиной он увидел сидящего на диване Павла и ускорил шаг.

– ППМ! Как ты меня нашел?!

– Обижаешь, начальник, – отшутился Павел.

Друзья обнялись и похлопали друг друга по спине.

– Выпьем? – спросил Герман, показывая на бар.

– Нет, я за рулем.

– Как жизнь? Ты устроился в новой квартире?

– Да, спасибо. Если бы не ты, не знаю, что бы со мной было.

– Да ладно, ты уже большой мальчик, сам бы справился.

– Нет, я серьезно, спасибо. И за деньги, и за ремонт в квартире, и за врача.

Герман сконфузился, благодарность друга хоть и была искренней, все же имела горький привкус зависти.

– Ты останешься на ужин?

– Не могу, меня ждут в машине.

– Женщина? – спросил Герман и игриво подмигнул.

– Да, – немного смущаясь, ответил Павел.

– Где познакомились?

– Ой, лучше не спрашивай, – засмеялся Павел и махнул рукой, – на кладбище.

– На кладбище? – переспросил Герман и тоже засмеялся, – вот уж не думал, что это место подходит для знакомства.

– Я часто приходил на могилу матери, а она на могилу мужа. Вот и познакомились, – пояснил Павел.

– Давно?

– Да, как из тюрьмы вышел.

– Она знает?

– Конечно, такое не скроешь, – поспешно ответил Павел и почесал затылок. – Ты это... прости меня за первую встречу. Я тогда сам не свой был.

– Ничего, я все понимаю, – ответил Герман и вспомнил приезд в тюрьму.

Он приехал за другом в день его освобождения, но тот держался с холодком отстраненно и практически не разговаривал.

– Первые полгода в тюрьме для меня были самые тяжелые. Не спал толком, ел с опаской. Держался в стороне от всех, пока не повстречал соратника. Он тоже из десантуры, попал за драку с отягчающим. Вот вместе мы и коротали деньки. Если бы не он, я бы совсем с катушек слетел.

– ППМ, все позади, – приободрил друга Герман, хотя понимал что это слабое утешение.

– Куда ты делся после последней операции? Я видел, как тебя изрешетили, а что потом? Мы искали тебя с Батяней, но шеф дал понять, что ты в порядке, но недосягаем.

– Две недели в коме, – Герман открыл холодильник, вынул бутылку минеральной воды и прикончил ее несколькими глотками. Он показал другу на бутылку, но тот отмахнулся. – А как очухался, шеф на задание отправил, в Венесуэлу.

Павел присвистнул.

– После Урузгана я сразу позвонил шефу, а тот мне отворот поворот. Я его спрашиваю, мол, почему, а он мне отвечает, что в моих услугах больше не нуждается. Прикинь? Как это? Я башку под пули не раз подставлял, рисковал, а

теперь во мне не нуждаются. И это было только началом. Потом меня затаскала военная прокуратура. Стали задавать разные вопросы, там-то я и сообразил, что шеф меня считает виновным в гибели Лехи и Генки. Меня?! – голос Павла сорвался от обиды.

– Он сам тебе это сказал? – нахмурился Герман.

Павел покачал головой.

– По его виду было понятно, что он обо мне думает. Ты всегда у него был любимчиком. Тебе он доверял. Клянусь, к смерти «Подружек» я никакого отношения не имею.

Герман догадался, что приход друга это не визит вежливости и спросил напрямую:

– А от меня ты чего хочешь?

– Поговори с шефом, тебя он послушает. Мне нужно работать. Без работы я на стенку лезу.

– Хорошо. Я спрошу его, – пообещал Герман.

– Я пойду. Меня ждут, – Павел пожал другу руку и пошел в сторону холла.

Когда дверь за ним закрылась, в гостиную забежала возбужденная Катя и закричала:

– Папа, папа, уже почти пять часов, мне надо одеваться, за мной машина скоро приедет!

Когда Катя побежала к лестнице, Герман прошел в кабинет, открыл ноутбук, посмотрел спутниковую карту и забил адрес сбора в навигатор мобильного телефона.

Услышав шаги, он поднял голову и увидел Алину.

– Ты уезжаешь? – немного разочаровано спросила она.

– Да, у меня дела.

– Жаль, а я хотела предложить тебе устроить сегодня вечер барбекю.

– Не получится.

– Терентьев звонил? – догадалась Алина.

– Да. Сегодня закончим дело Паука. Буду поздно, так что не жди меня, ложись спать, – дал указание Герман, прекрасно понимая, что пока он не

вернется, Алина как сторожевой пес будет сидеть в гостиной, откуда открывался вид на подъездную дорожку к дому.

Герман спустился по лестнице на первый этаж, на ходу схватил яблоко со стола и вышел из дома. На игровой площадке резвились Женька с Машей. Он помахал им рукой и нажал на пульт. Дверь гаража начала медленно подниматься. Герман сел в новенький «Лексус», втянул носом еще не выветрившийся заводской запах и поймал себя на мысли, что в точности повторяет привычку шефа. Затем завел мотор и выехал на Ильинское шоссе.

Зазвонил телефон, он посмотрел на дисплей – номер не определился. Со дня на день он ждал звонка от шефа или кого-то из руководства по поводу нового назначения.

– Патрикеев, – ответил он официальным тоном.

– Привет Патрикей! – забасил веселый голос Батяни.

– Батяня! Ты где пропадал? – обрадовался звонку друга Герман и расплылся в улыбке.

– Бродяжил с дружбанами.

Герман по голосу определил, что Батяня под сильным градусом.

– Вот приехал сегодня домой, а жинка меня обрадовала твоим телефоном.

– Ты же собирался три недели отдохнуть, а сам на три месяца завис!

– Со мной все понятно! Сам-то, где пропадал? – тут же перевел разговор на другую тему Батяня.

– Не по телефону. Давай встретимся в ближайшие дни.

– Конечно, встретимся. Дай мне пару деньков оклематься. Созвонимся.

Закончив разговор, Герман выехал на Рижское шоссе, перестроился в левый ряд и прибавил газу. Оставшиеся в живых товарищи дали о себе знать в один день. Это вселило надежду на скорую встречу и на серьезный разговор, в котором он сможет прояснить подробности гибели Генки и Лехи. Сегодня ППМ четко дал понять, что именно недоверие со стороны шефа переполнило чашу терпения и он сорвался.

&&&

Через час Герман подъехал к условленному месту и увидел припаркованный у обочины «Опель» Терентьева. Солнце еще припекало и Герман надел очки. Вышел из машины, включил сигнализацию и пошел к заброшенной фабрике. Мимо него проехал уже знакомый джип с логотипом группы быстрого реагирования. Когда Герман подошел к воротам, младший Терентьев уже вылез из джипа и, улыбаясь, протянул ему руку.

– Как дела?

– Нормалек, как у тебя? Брательник сказал, что ты дом прикупил.

– Да. На пятом десятке жизни у меня, наконец-то, появился свой дом.

– Говорят, ты там не один поселился, – весело произнес Славик, расплылся в улыбке и подмигнул.

– И кто это все говорит? – в тон ему спросил Герман.

– Да все та же сорока, – Славик показал кивком головы на пристройку, в окне которой маячил силуэт Михаила.

Герман состроил недовольную гримасу и пошел в импровизированный штаб. Войдя внутрь, он увидел комнату не больше десяти квадратных метров, похожую на диспетчерскую, в центре которой стоял большой массивный дубовый стол и три стула. Терентьев, Задорнов и Софиев стояли вокруг стола, на котором лежал ноутбук, и напряженно всматривались в экран. Заметив Германа, майор махнул ему рукой.

– Проходи Гера, мы как раз получаем сигнал со спутника.

Герман увидел на экране просторную гостиную, в которой расположились два дивана и бар. На диване, уткнувшись в подушку, лежала женщина и плакала. Грозовой метался по комнате как загнанный зверь. Волосы его были взъерошены.

«Я тебе еще раз говорю, он отказался платить, сказал, что ты ему не нужна!» – кричал Грозовой.

– Это еще что за новости? – осведомился Герман.

– Он остался один, ему пришлось импровизировать, поэтому стал требовать выкуп у мужа этой дамочки, – пояснил майор и улыбнулся, – а мы уже с мужем наладили контакт к этому времени. Показали ему одну занятную запись и склонили к сотрудничеству. Так что в выкупе было отказано. А сегодня он

узнал, что она опять не забеременела, прошло три месяца, это для него критический срок.

– А что с дамочкой? – спросил Герман, обращая внимания на неадекватное поведение женщины.

– Полякова под кайфом, – ответил Задорнов, – мы установили, что он их опаивает перед сексом экстази.

– Обратите внимание на его руку, – сказал Софиев, – на нем печатка с изображением паука. Вчера ее не было.

В этот момент Грозовой вышел из комнаты. Женщина перестала плакать, вытерла слезы и откинулась на спину, словно спектакль был окончен и раз зрителей нет, актриса может отдохнуть. Через две минуты Грозовой вернулся, подошел к дивану и сел рядом с жертвой. Она поправила растрепавшиеся волосы и тут же начала всхлипывать. Он приободряющее погладил ее по плечу и женщина произнесла тоненьким голоском:

«Не расстраивайся милый, мы что-нибудь придумаем».

Он взял ее на руки и понес в спальню. Майор передал по радиации:

– Дайте картинку из спальни.

Экран моргнул, и включилась вторая камера. Следователи увидели просторную комнату. В центре стояла большая кровать, по обе стороны которой к стене были прикручены наручники на длинных цепях. Грозовой положил женщину на кровать и снял с нее халат. Она застонала и легла на спину.

«Котик хочет поиграть?» – произнесла она игриво и начала к нему ластиться.

Он бесцеремонно оттолкнул ее и застегнул наручники на ногах и руках. Она разочаровано вздохнула.

«Котик, я так больше не хочу, мне так не нравится», – начала жаловаться женщина.

Грозовой не обращал на нее никакого внимания, словно она перестала для него существовать. Он подошел к коробке, стоявшей на столике, снял с нее покрывало. Женщина пригляделась, от ужаса у нее расширились глаза.

«Что это? Убери эту мразь из дома!» – закричала она.

Грозовой открыл стеклянную крышку коробки и вынул огромного паука с мохнатыми лапами.

– А вот и Индра, – произнес Герман.

– Кто? – не понял Софиев.

– Его паучиха. Славная девочка, – ответил Герман и усмехнулся.

– Сейчас Маргарите будет несладко, – майор потянулся к рации и дал команду группе реагирования: – Выдвигайтесь.

Герман обернулся и посмотрел во двор фабрики. Джип газанул и выехал за ворота.

– Сколько километров им ехать? – спросил Герман.

– Не больше двух!

Грозовой посадил паучиху себе на руку. По мере его приближения к кровати, женщина начала кричать во все горло и извиваться. Мучителю, похоже, это очень нравилось, и он осклабился в довольной усмешке. Паучиха переползла с руки на плоский живот женщины и замерла. Полякова закрыла глаза и вся сжалась. Затем паучиха медленно поползла к груди и заползла ей на горло. Не выдержав напряжения, Полякова истерически закричала и начала извиваться, пытаясь сбросить восьминогого мохнатого монстра.

«Если хочешь остаться в живых, не шевелись», – предупредил свою жертву Грозовой и облизнул свои губы.

Майор включил рацию и скомандовал:

– Всем занять позиции.

– Он ее сейчас убьет! – воскликнул Софиев.

– Нет, – Терентьев покачал головой, – не убьет. Он еще с ней не попрощался.

– А вдруг он изменит тактику? – с сомнением спросил Герман.

На экране Грозовой осторожно снял с женщины паучиху и отнес ее обратно в клетку. Он погладил свою питомицу и на несколько минут замер, судорожно размышляя над тем, что делать дальше. Напряжение достигло пика. Герман почувствовал, как вспотели ладони. В любой момент могло произойти что-то непредвиденное, и тогда весь план майора полетел бы в тартарары.

Грозовой вернулся к кровати, посмотрел на свою жертву свысока, как король на челядь и торжественно произнес:

«Сейчас мы займемся с тобой любовью... в последний раз».

«А потом ты меня отпустишь? – с надеждой в голосе спросила она.

«А ты сделай мне так хорошо, чтобы я стал добреньким и сговорчивым», – произнес он и снял с себя шелковый халат.

Он хотел лечь с ней рядом, но женщина, словно опомнившись от забытья, резко воспротивилась и закричала:

«Отпусти меня немедленно! Ты маньяк! Чудовище!».

– О-о! – воскликнул Софиев. – Кажется, что-то сейчас пойдет не по плану.

Герман сжал кулаки. Только не это! Они три месяца готовились к этой операции. Майор включил рацию и во весь голос закричал:

– Славик, ты где?!

– Через две минуты будем на месте.

– В дом! Быстрее!

– Понял, – стальным голосом ответил командир группы и дал команду прибавить газу.

Все устремили свои взгляды на экран. Грозовой в бешенстве схватил большой нож со стола и заорал:

«Я перережу тебе горло, сука! Индра вынесла тебе приговор!».

Обезумевшая от страха женщина, стала истерически кричать и звать на помощь. Ее белоснежное тело извивалось на шелковой простыне как змея и из последних сил пыталось вырваться из наручников. На руках очень быстро проступили кровавые следы. Грозовой с минуту стоял перед кроватью, настраиваясь на завершающий акт своего плана. Затем схватил жертву за растрепавшиеся волосы и оттянул голову назад. Она взвыла от боли и устремила на своего повелителя полный мольбы взгляд. Полякова поняла, что единственный способ остаться в живых это вызвать к себе сочувствие и залепетала дрожащим голоском:

«Нет, нет, нет! Котик! Ты не сможешь! Ты любишь меня! Я тоже люблю тебя!».

Его горящие как пламя глаза налились кровью, увлажненный рот скалился в насмешливой ухмылке. Сердце забилося громче и чаще. Невероятная сила и решимость наполнили всю его сущность. Фантазии будоражили воображение. Нет, ему не нравилось убивать, ему нравилось то, что следовало за смертью. Он уже мысленно омывал безжизненное, но еще теплое тело, перевозил в специальном саркофаге и помещал его в заранее подготовленную нишу своего некрополя. В голове уже проносились первые строчки стихотворения, восхваляющие ее безупречную кожу, ах как жаль портить ее прелестную шейку, но пророчество непременно нужно исполнить. Теперь она останется с ним навсегда! Никаких криков, упреков или хитростей. Все уловки и капризы останутся в прошлом.

Полякова с ужасом таращилась на своего мучителя. Только что она поняла, как была жестоко обманута и предана. За секунды перед глазами промелькнули все события, предшествующие ее побегу от мужа. Он как змей искуситель знал, на какие струнки ее души нужно нажать, чтобы получить желаемый результат. Дьявол во плоти – хитрый, дальновидный, расчетливый и сладострастный, в совершенстве знающий женскую природу. Манипулятор и кукловод!

Резкая боль в одно мгновение стряхнула все мысли, убийца сделал первый пробный надрез, по шее потекла тонкая струйка крови. Она почувствовала ее теплоту и резко обмякла. Незачем больше сопротивляться, никто не поможет. Никто ее не ищет. Последние секунды ее никчемной и загубленной жизни!

– Слава! Где ты?! – закричал в рацию Терентьев.

– Мы внутри, – тут же отозвался полусшепотом командир. – Спускаемся в подвал. Тут лабиринт...

Софиев отвернулся и так сильно сжал кулаки, что побелели костяшки пальцев. Герман нервно сглотнул, не отрывая пристального взгляда от экрана. Кровь так громко пульсировала в голове, что заглушала шум из динамика ноутбука.

В тот момент, когда Грозовой взмахнул рукой, собираясь расправиться с жертвой, в комнату со всех сторон вбежали бойцы и взяли Грозового на прицел.

– Брось нож! – крикнул командующий группой.

Грозовой сначала оторопел от неожиданности, но потом пошел на Вячеслава с ножом.

– Не искушай меня! – грозно произнес командир и снял автомат с предохранителя.

С минуту Грозовой оценивал ситуацию, умирать ему точно не хотелось, поэтому он опустил руку и выпустил нож. На лице отразилась злорадная ухмылка. Он посмотрел прямо в камеру и с улыбкой склонился в прощальном поклоне.

На Грозowego накинули халат, оттеснили в угол и надели наручники. Один из бойцов подскочил к обезумевшей женщине и зажал рукой рану. Второй, прикрыв ее одеялом, стал освобождать от наручников.

– «Скорую помощь» к дому, – быстро произнес майор по рации и шумно выдохнул.

Последняя жертва Паука выжила! Само чудовище, забившись в угол, выпучивало на всех злобные глаза. Дыхание сбилось, грудь вздымалась от возбуждения. Он что-то шептал и водил рукой, словно писал и Герман понял, что Паука посетило вдохновение.

– Задорнов, будешь сопровождать жертву до больницы, – начал раздавать указания Терентьев. – Софиев, поедешь на место преступления, дождешься экспертов, в город вернешься на моей машине, а мы с Германом отвезем Паука в управление и допросим.

Бросив Софиеву ключи от своей машины, майор повернулся к Герману и потер ладони.

– Ну, что? Последний раунд?

– Так точно, – улыбаясь, подтвердил Герман и оба вышли из пристройки.

&&&

Через два часа Герман и Михаил сидели в комнате для допроса. Грозовой курил и смотрел в одну точку. Пока его везли в управление, он успокоился и вел себя теперь вполне адекватно. На разговор пошел охотно, казалось, ему даже хотелось перед кем-то выговориться. Но так казалось только на первый взгляд, и Терентьев почувствовал это, как только Грозовой закурил. Задержанный втягивал

сигаретный дым в легкие с таким наслаждением и упоением, словно никогда больше не сможет выкурить ни одной сигареты.

– Так вы говорите, Сорокина помогала искать для вас жертв? – спросил майор, продолжая допрос.

– Фи! Что за mauvais ton!⁴ – воскликнул Грозовой. – Они были для меня не жертвами, а возлюбленными.

Михаил и Герман переглянулись.

– Хорошо, значит, Сорокина помогала вам находить возлюбленных? – перефразировал майор.

Грозовой закивал головой.

– У Наденьки великолепный вкус. Когда-то я сам увлекся ею, но потом понял, какая она для меня находка. Наденька была моей соратницей, прирожденная авантюристка. Cherche une femme!⁵ – ответил Грозовой и рассмеялся.

– Вам смешно? – спросил майор, буквально выдавливая из себя слова.

Герман тут же бросил в его сторону предупредительный взгляд.

– Да, – подтвердил Грозовой и склонил голову на бок, – вы мне завидуете. Мне все всегда завидовали. Все кто знал про мое увлечение. Я мог обладать любой женщиной. Они летели ко мне как мотыльки на свет. Мне не страшно уходить из жизни, я прожил прекрасные моменты. Так что легко могу просидеть в маленькой серой комнатке в одиночестве хоть всю оставшуюся жизнь. Потому что я буду не один. Как только я закрою глаза, увижу их, mon bien-aimé.⁶

– Кого? – небрежно спросил майор.

– Они будут окружать меня со всех сторон, и ласкать своими маленькими шаловливыми язычками, – быстро проговорил Паук, игнорируя вопрос следователя, и мечтательно закатил глаза.

На его лице отразились умиротворение и блаженство. Он стал еле заметно раскачиваться из стороны в сторону, рука взмахнула вверх, как будто только она была в данный момент в невесомости.

⁴ Mauvais ton! (фр.) – Невоспитанность

⁵ Cherche une femme! (фр.) – Ищите женщину

⁶ Mon bien-aimé (фр.) – Моих возлюбленных

– А какова была роль Рогова в вашем общении с возлюбленными? – громко спросил майор. Его достало актерство Паука до самой печенки.

Вопрос следователя вывел Грозового из мечтательного состояния, и он открыл глаза. Рука медленно опустилась на колено и прикрыла халатом оголившуюся ногу. Герман заглянул ему в глаза и увидел в них полный покой. Он ни в чем не раскаивался и ни о чем не сожалел.

– Иногда отношения заходят в тупик и их невозможно продолжать, – спокойно ответил Грозовой.

– И тогда вы прибегали к помощи Рогова? – спросил майор.

– Иногда.

– Иногда? То есть вы не всегда его вызывали подчищать за вами?

– Нет, – визгливо ответил Грозовой и расплылся в широкой улыбке, – только если хотел, чтобы непокорная помучилась подольше.

– Ах, вот как! – сказал майор, повышая голос.

Герман почувствовал, что Терентьев снова закипает. Он еле заметно стукнул его по ноге, майор сжал кулаки.

– Значит, Рогов приходил к особо несговорчивым, – майор жестом дал понять Грозовому, что ждет продолжения рассказа.

– Совершенно верно, – подтвердил задержанный.

– А вы случайно не знаете, куда он увез трупы?

– Они в вечном покое, – протяжно ответил Грозовой и закатил глаза.

– И где же эта вечность? – уточнил майор.

– В моем храме. Я иногда пополняю его новыми экземплярами.

– Адрес?! – Терентьев явно терял терпение.

Грозовой придвинул к себе ручку и листок бумаги, нарисовал схему проезда и швырнул майору.

– Это сооружение – бывшая баня. Надеюсь, вы будете почтенны к мертвым, и не будете там шуметь?

От услышанного у майора отвисла челюсть, но потом он быстро взял себя в руки. Схватив схему проезда, спрятал листок в карман пиджака и спросил:

– Какую же для вас работу выполняла Демидова?

– Наташенька помогала мне разобраться с финансами. Я, знаете ли, ничего не смыслю в деньгах.

– А Лурье вам не хватало?

Грозовой моментально встрепенулся, сложил ноги вместе и вопросительно посмотрел на майора.

– Да, мы знаем про Лурье, – нарочито спокойно произнес майор. – Мы знаем про его картотеку и потайные комнаты в его доме, про туннель и сайт...

Глаза Грозowego расширились от удивления, и он растеряно предположил уже совсем другим тоном:

– И проклятый еврей заговорил...

Майор не стал его разубеждать и задал следующий вопрос:

– Насколько мы поняли из показаний ваших подельников, вы не из праздного интереса добивались от женщин беременности. Вам нужен был костный мозг.

Лицо Грозowego исказилось от неприязни, но он взял себя в руки.

– Мне нужно было вылечить сына.

– И себя, – добавил майор.

Грозовой кивнул.

– И Лурье должен был обеспечить вас деньгами и ресурсами?

– Совершенно верно.

– А что вы не поделили с Роговым? – спросил майор.

– Простите, – не понял Грозовой.

– Я спросил, что вы с ним не поделили?

– У нас не было разногласий.

– А у нас сложилось другое мнение, – возразил Терентьев и достал фотографию повешенного Лурье и протянул ее Грозовому.

Тот взглянул на фотографию и, вскочив со стула, прижался к стене и поднял голову.

– Уберите, – сказал он и нервно сглотнул.

– Я думаю, Рогов остался вами очень недоволен. Так что вы не поделили? Деньги?

Грозовой медленно приходил в себя, теперь его взгляд неотрывно застыл на фотографии. Рука потянулась к горлу, он снова опустился на стул.

– Между нами троими была договоренность. Если кто-то один попадает, то берет все на себя, поэтому мы посвящали друг друга во все детали, но оставшиеся на свободе обязаны были предпринять все, чтобы вытащить того кто оступился. Когда Рогова арестовали, мы с Лурье придумали план, как устроить ему побег, но план не сработал и тогда Лурье предложил отступить и переждать. Мы планировали сделать вторую попытку и вытащить Рогова во время его транспортировки в суд. Но он видимо подумал, что мы его бросили... какой ужас... Соломон... я думал, он сбежал... у него был дом в Майями...

– План побега Рогова был в том, что вы хотели склонить к сотрудничеству полковника Архангельского?

– Совершенно верно, но полковник на сотрудничество не пошел.

– Неужели вы не заподозрили, что с Лурье что-то случилось? – спросил Герман.

– Нет, – замотал головой Грозовой. – Соломон часто уезжал из страны и долго отсутствовал. В случае опасности, его помощник, должен был меня предупредить.

– Это сомелье что ли? – спросил майор.

– Да.

– Он тоже убит, – сказал майор и, посмотрев на Германа, добавил: – И теперь мы знаем почему.

– На кого работал Мономах? – спросил Герман.

– Откуда вы о нем знаете? – удивился Грозовой, но потом ответил: – Мономах человек Рогова, он рекомендовал нам его как киллера высокой квалификации.

– От кого он получал инструкции?

– Только от Рогова. Больше никому из нас он не доверял.

– Значит, Рогов был в курсе, что в случае провала вы убьете полковника Архангельского? – спросил Герман.

– Конечно. Он и проинструктировал, как нужно действовать.

– Тогда как он мог подумать, что вы его бросили? – хитро прищурившись, спросил Герман.

Глаза Паука забежали из стороны в сторону, как будто он не мог сосредоточиться на одном предмете.

– Расскажите о видеозаписях, которые вы передавали через спутник в разные страны, – майор сверлил пытливым взглядом задержанного.

Грозовой состроил гримасу искреннего удивления.

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

– Ну как же? Спутниковая антенна на крыше дома в Старках служит доказательством этого.

– Спутниковую антенну я не устанавливал. Это делали люди Лурье.

– Зачем?

– Он говорил, что нам нужно иметь компромат на мужей моих избранных, чтобы при любой возможности пустить его в ход.

– И вы пускали?

– Крайне редко, только если возникали проблемы с обеспечением ребенка или его матери.

– И вы ему поверили? – насмешливо спросил майор, подмечая на лице Паука малейшие изменения. – Пока вы были заняты своей миссией, Лурье и Рогов развернули целую компанию по сбору средств. Они использовали любую возможность, чтобы обобрать, как липку мужей ваших возлюбленных. Поэтому, Рогов избавился от Лурье и прибрал денежки. Про деньги знали только эти двое.

Грозовой с готовностью закивал головой и сказал:

– Да, да... я не ничего не знал про деньги...

Майор прищурился и откинулся на спинку стула. Герман понял, что напарник Пауку не верит и решил подлить масла в огонь.

– Они даже использовали для продажи записи, на которых были запечатлены убийства надоевших вам женщин. Мы говорим об очень крупных суммах.

В комнате воцарилось молчание. После паузы Грозовой спросил:

– А вы нашли деньги?

– Какие деньги? – заговорщицким тоном спросил майор.

– Вы только что сказали, что они развернули большую компанию по сбору средств. Так, где эти деньги?

– Вас только это сейчас интересует?

– Да, – совершенно искренне ответил Грозовой.

Майор и Герман переглянулись, синхронно встали и пошли к двери. Когда Герман вышел в коридор, Грозовой вдруг воскликнул:

– Она знает, где деньги! Она все знает!

– Кто? – спросил майор.

– Рыжая! Дочь Рогова! – воскликнул Грозовой с обезумевшими глазами. – Спросите у нее!

– Спросим, – равнодушно произнес майор и закрыл за собой дверь.

Оставшись в одиночестве, Паук поставил стул в угол комнаты, присел на краешек и с облегчением выдохнул. С лица мгновенно сползла маска театральщины и маскарада. Плечи опустились, живот вывалился наружу, взгляд потускнел, пальцы нервно подрагивали. Сейчас он был похож на старика, а не на покорителя молодых женских сердец.

Ему представилось, что он сидит на освещенной прожектором сцене в полном одиночестве. На его авторский вечер никто не пришел. Вдруг дверь с грохотом открылась и внутрь впорхнули его Музы. На его лице отразилась радость, сейчас он окунется в негу их прекрасных губ и услышит сладкие как мед голоса. Они кружатся в танце и медленно к нему приближаются. Их стройные тела облачены в белые полупрозрачные накидки. Он жестом просит их показать лица и томиться в предвкушении. Наконец Музы срывают накидки и медленно приближаются к нему. Их полуразложившиеся тела похожи на зомби. Они уродливы и безобразны. Музы сомкнули вокруг него хоровод и, издавая ужасные звуки, похожие на скрежет и клочот, начали исполнять в честь него реквием.

Подходя к лестнице, Герман и Михаил услышали дикий вопль Грозового и бросились в комнату для допросов. Их опередил Мануйлов, который все это время наблюдал за задержанным. Грозовой лежал на полу с широко выпученными глазами и, задыхаясь, орал.

– Не оставляйте меня с ними, не оставляйте!

– Видимо не так-то просто вам будет в серой маленькой комнатке с вашими Музами, – съехидничал Герман, глядя на конвульсии Паука.

&&&

Терентьев отправил группу следователей по адресу захоронения жертв, а сам направился в свой кабинет, где его ожидал Герман. Затянувшееся на три года дело подходило к концу, и майор чувствовал сильное облегчение. Напарники закурили и на несколько минут кабинет погрузился в тишину. Каждый мысленно прокручивал допрос Паука. Герман выпустил струю дыма и задумчиво произнес:

– Думаешь, он говорит правду? Он действительно не знал, что они орудут за его спиной?

– Я тебя умоляю! Все он знал! – выпалил майор. – По ходу допроса он, как артист несколько раз менял амплуа. Ты сам говорил, он умен и изворотлив, не даром такие люди как Рогов и Лурье подчинялись ему.

– Мне показалось, про деньги он не знал...

– Тогда на какие средства он жил? Посмотри список его покупок за последние три месяца, – сказал майор и пододвинул Герману папку.

Герман бегло просмотрел список и присвистнул.

– Часы «Ролекс», «Ауди А8» по спецзаказу, не кисло.

– Я проверил, до того как мы поймали Рогова он тратил деньги очень разумно. Скорее даже копил, чем тратил. А после как сорвался. Я думаю, что он получил доступ к деньгам через Лурье. Не ко всем конечно, но какую-то часть урвал. Возможно, надеялся получить больше, поэтому так и расстроился смерти Лурье. Ведь ему нужно содержать семью и оплачивать лечение детей. Теперь для него деньги недоступны и это для него катастрофа.

У майора зазвонил мобильный телефон. Он включил громкую связь.

– Кирилл, докладывай.

– Мы приехали по адресу, который вы мне дали, – послышался взволнованный голос следователя. – Баня – это заброшенный деревянный домик, никаких следов пребывания человека, все поросло паутиной, везде пыль и грязь, но вспомнив особую роль подвалов в этом деле, я спустился в погреб, где хранился садовый инвентарь и тщательно его обследовал. Тут все наоборот,

инструменты чистые, как будто их только что вымыли. Грязи практически нет. Я сразу понял, что сюда кто-то часто заходил. Нашел потайную дверь и попал в могильник – это помещение, похожее на катакомбы. По обе стороны туннеля в земле вырыты могилы, и трупы лежат в нишах выложенные мрамором, а по ним ползают огромные пауки. Тела находятся на разных стадиях разложения.

– Сколько там тел? – спросил майор.

– Минуту, – сказал Мануйлов и после короткой паузы изрек: – Шестнадцать.

– Мы искали четырнадцать. Значит, были еще две жертвы, про которые мы не знали, – быстро сделал вывод майор.

После треска в трубке связь наладилась и Мануйлов продолжил:

– Идентифицировать их будет несложно. У каждого трупа рядом лежит бирка с фамилией, именем и годом рождения. Подождите, я что-то еще нашел.

– Что там такое? – с волнением в голосе спросил майор.

– К мраморной плите прикреплен некролог в стихах, – произнес Мануйлов.

– Какой романтик, – процедил майор. – Кирилл, высылаю к тебе экспертов.

– Хорошо, жду, – ответил Мануйлов.

Разъединив связь, майор посмотрел на Германа.

– Каким больным ублюдком нужно быть, чтобы вытворять подобное? В такие минуты, я жалею, что в нашей стране нет смертной казни.

– Но зная, сколько людей попадает в тюрьму по глупости или наговору, я поддерживаю отмену смертной казни.

– Ты хоть раз можешь со мной просто согласиться? – с раздражением упрекнул майор. – Ну, так... для видимости... Или хоть сделай вид, что согласен.

Патрикеев усмехнулся. В комнате наступила тишина.

– А что Рогов? – спросил Герман после паузы.

– Как в рот воды набрал. Даже арест Демидовой ничего не изменил.

– Ну, на суде достаточно показаний Гулямова и Грозового.

– Если они доживут до суда, – многозначительно сказал майор и поднял указательный палец.

– Доживут. Кое-кто об этом позаботится.

– Ты про кого?

– Про Валерия Сергеевича.

– Да, кстати, я выяснил у Сорокиной, почему они именно полковника Архангельского взяли в разработку.

– Да? Почему? – заинтересовался Герман.

– Предки Сорокиной и полковника жили в одной деревне. Когда-то мать полковника действительно изнасиловал беглый уголовник, и в результате на свет появился Алексей Сергеевич. Сорокина узнала его, когда устроилась на работу в управление, и они решили использовать эту историю в своих интересах, уж больно идеально она нанизывалась на их вид деятельности. Видимо, полковник позвонил своей матери из машины и сказал, что ему только что эту новость сообщил человек, который ее изнасиловал. И конечно сердце бедной женщины не выдержало. Она даже не успела сопоставить возраст насильника.

– Подожди, а как же татуировка на ее теле? – спросил Герман. – Я сам ее видел.

– Ее нанесла Демидова стойкими чернилами уже в больнице. Ребята проверили камеры наблюдения и опросили медперсонал, она приходила на следующий день после госпитализации Архангельской. Им видимо было важно поддерживать эту легенду до конца. Когда тело омывали в морге, тату сошла.

– Кто тебе это сказал? – удивился Герман.

– Валерий Сергеевич.

– Когда?

– Сразу после похорон матери.

– А почему же ты мне ничего не сказал?

– Не знаю, – сам удивился майор, – замотался, наверно. Честно говоря, я думал, что ты про это знаешь. Ты же постоянно держал с ним прямую связь.

– Видимо, одностороннюю, – проворчал Герман и добавил: – Он, наверное, обиделся на меня. Я покусился на самое святое в его жизни – честь матери.

– Ни на кого он не обижен, – отмахнулся Терентьев. – Знает, что мы тут не в бирюльки играли. Ты шел за уликами. Кстати, – майор вспомнил еще один эпизод, что остался до сих пор не поведен напарнику, – наследство Елизаветы Архангельской было не липовым. Я проверил, это оказалась троюродная тетка вдовы.

Герман вспомнил, как выдвигал перед Валерием Сергеевичем дерзкие теории в беседке у пруда и покраснел. Ему нельзя было быть таким опрометчивым, особенно когда дело касалось семьи Архангельского.

– Но как же все тогда в систему складывалось... – простонал Патрикеев.

Сделав последнюю затяжку, майор потушил сигарету и встал у окна. Кинул тоскливый взгляд на место, где раньше парковался его друг, и задумчиво произнес:

– Люди уходят, а жизнь продолжается... Вот так и я когда-нибудь уйду, а вокруг ничего не изменится. Грустно это...

&&&

Через три дня среди ночи в спальне Германа зазвонил мобильный телефон.

– Патрикеев, – сонно отозвался Герман.

– Это я, – загробным голосом произнес Терентьев и выдохнул струю дыма, – у меня плохие новости.

– Что случилось?

– Рогова только что убили.

– Что?! – Герман откинул одеяло и вскочил с кровати. – Его же днем и ночью охраняли! Кто это сделал?

– Мономах.

В памяти Германа сразу всплыл фрагмент задержания киллера. Вот почему он не оказал должного сопротивления – ему необходимо было оказаться в СИЗО. Последним заказом был сам Рогов. Так вот в чем дело! Как же он сам не догадался? Мысли крутились вокруг Демидовой и Сорокиной, а все было гораздо проще.

– Але, ты здесь?

– Да, да, я думаю, – отозвался Герман.

– У меня голова закипает, зачем он это сделал? Он ведь даже не скрывался. Это произошло в лазарете. Гулямов сидел на полу и не двигался. Рядом с ним лежал окровавленный нож с его отпечатками.

– Все как раз очень просто объясняется. Мономах выполнил последний заказ Рогова и убил его в тюрьме. Видимо за заказ в СИЗО никто не брался, а сам он покончить с собой не мог. Кишка тонка. Ты допросил Гулямова?

– Нет еще. Еду как раз на допрос.

– Ну, когда спросишь, он все подтвердит.

– Выходит и на этот раз я Мономаха не взял... Он сам подставился, чтобы попасть в СИЗО...

– Видимо так, – подтвердил Герман.

– А зачем ему это? – спросил майор. – У него недавно родился сын.

Герман напряг память и вспомнил лицо Гулямова – бледное, с опухшими веками и синяками под глазами. В сознании всплыла фраза, упомянутая киллером во время допроса: «Я все равно не жилец».

– А ты проверь его здоровье. Он очень плохо выглядел.

– Да, выглядел он не важно, – согласился майор, – но я думал, что это из-за ранения. Ты думаешь, он взялся за заказ потому, что знал, что ему недолго жить осталось?

– Да. И возможно, свидание с подружкой попросил только для того, что бы сказать кто и как принесет ей деньги, после того как он доведет дело до конца. Скорей всего это будет врач Рогова.

– Ну, хитрец! Опять меня вокруг пальца обвел! Черт!

– А чего ты злишься? Дело раскрыто. Паук в тюрьме. Тела жертв найдены. Расслабься майор и жди повышения. Как ты и сказал, жизнь продолжается.

Эпилог

В сентябрьский дождливый вечер, оставив машину на парковке, Герман обошел здание в стиле классицизма на Садовом кольце, взлетел по ступенькам и зашел в ярко освещенный холл ресторана. Поправил перед зеркалом слипшиеся от дождя волосы и обтер платком лицо. К нему навстречу вышел худощавый мужчина в черном костюме, метнул недовольный взгляд на лужи, которые оставили ботинки Германа и спросил:

– Вам столик на одного?

– Меня ждут, – ответил Герман и, увидев шефа, направился к его столику.

На лице Николая Ивановича отразилось раздражение.

– Опаздываешь, – сурово произнес генерал и укоризненно посмотрел на наручные часы.

– Всего-то на пару минут, – нарочито небрежно парировал Герман. – О чем вы хотели поговорить?

Николай Иванович окинул подчиненного недовольным взглядом, задумчиво покрутил в руке набалдашник от трости в виде головы льва и немного смягчился.

– Будешь со мной ужинать?

– Поздновато для ужина, вообще-то...

– Мне через час в аэропорт, – устало произнес шеф.

– Куда на этот раз?

Откровением генерал не славился, даже наказывал за излишнее любопытство. Но иногда Герману все же удавалось его разговорить. Сегодня под задумчивостью шефа Герман почувствовал еле сдерживаемое волнение, а значит, разговор действительно был важным.

– В Америку, – приглушенно ответил шеф и тяжело вздохнул.

– Надолго?

– На две недели. Нужно оборудования прикупить, – Николай Иванович облокотился на спинку овального кресла и обдал критическим взглядом Патрикеева. – Людям наверху, понравилось, как ты раскрутил дело полковника. К группировке Паука ты тоже приложил руку, хотя лавры все достались Терентьеву. Ты слышал, ему вчера дали подполковника?

– Рад за него, – искренне отозвался Герман.

– Ну, бог с ним, поговорим о тебе.

Герман напрягся и впился изучающим взглядом в усталое лицо шефа.

– Тебе предлагают возглавить мобильную следственную группу, – генерал сделал паузу, наблюдая, как у его визави от удивления взметнулись вверх брови. – Эта группа будет существовать автономно, и иметь широкие полномочия. Подчиняться будете только мне. Вас будут подключать к самым трудным и деликатным делам. Никто цифр по раскрываемости с тебя требовать не будет. По ходу расследования, будете иметь возможность преодолевать любые границы –

географические, информационные, а в крайних случаях и законодательные. Группа будет состоять из четырех оперативников, технаря и координатора. В вашу функцию будет входить не только раскрытие преступления, но и обеспечение его конфиденциальности.

– Вот этот момент уточните, – сказал Герман и нахмурился.

– Проще говоря, ваше дело расследование и подготовка отчета, а я соответственно буду докладывать информацию наверх, а там решат, что с этой информацией делать.

– И что это за дела? Убийства?

– Разные...

В непонимании Герман склонил голову набок. Шеф в конце его озадачил и запутал.

– Проще говоря, это будут дела, с которыми не справились соответствующие инстанции, – пояснил шеф и спросил: – Ну, согласен?

Несколько секунд Герман боролся с искушением рассказать шефу о проблемах с психикой, но потом передумал. Изменения в личной жизни и три месяца безделья показали, что только работа держала его сознание в относительной норме.

– Я могу подумать?

Николай Иванович посмотрел на часы.

– Две минуты.

– Не густо, – усмехнулся Герман, – у меня вопрос.

– Задавай.

– Кто будет набирать команду?

– Ты, но сам понимаешь, мы всех проверим.

– Хорошо. Будет ли группа ограничена во времени?

– В расследовании? – уточнил шеф.

– Да.

Николай Иванович громко выдохнул, развернул стул вполоборота и закинул ногу на ногу.

– Главная задача мобильного подразделения, выполнить свою работу быстро, без лишнего шума и профессионально.

– Значит, мы будем ограничены во времени, – сделал вывод Герман.

– В рамках разумного.

– Понятно. Что с бюджетом?

– Экспериментальную группу будут всячески ограничивать в возможностях. ГРУ не хочет вбухивать деньги в новый и как выразилось начальство неустойчивый проект, поэтому я задействую свои собственные источники финансирования. Но ты знаешь, как я люблю разумность в тратах. На офис много денег не выделю, но первоклассным оборудованием обеспечу.

– А что с оплатой?

– У всей группы кроме тебя будет фиксированная ставка. Размер оговорим по результату собеседования.

– Так... А у меня?

– А у тебя будет такая же зарплата, как и раньше, когда ты выполнял коммерческие заказы. Ты не должен потерять в доходе, это моя принципиальная позиция. Моя задача держать тебя в тонусе, чтобы ты не перешел на сторону зла, – шеф сипло рассмеялся.

В ответ Герман сдержано улыбнулся.

– Пойдет, я согласен.

– Я так и думал, – шеф достал из портфеля пластиковую папку и протянул Герману. – Твое первое дело. Как только будет готов офис, а я думаю, это произойдет со дня на день, приступишь к расследованию.

Герман открыл папку, бегло пробежался по страницам и резюмировал:

– Дело масштабное. Команда еще не набрана, а один я не справлюсь.

– Я выделю тебе одного человека в помощь.

– Кого? – напрягся Герман.

– Думаю эта кандидатура у тебя не вызовет негативной реакции, – сказал шеф и вынул из портфеля еще одну папку. Вот его личное дело. Ефим Шац. В его способностях ты уже имел возможность убедиться, но решать тебе.

– Парень профи. Такой технарь всегда в команде пригодится.

– Еще, – многозначительно добавил шеф, – собирая команду, ты должен думать только об эффективности ее работы. Никаких личных предпочтений. Рыба

гниет с головы, подашь пример, они скопируют, дашь слабину, они съедят тебя на завтрак.

Николай Иванович выпятил губы и задумчиво уставился в одну точку, оценивая целесообразность собственного решения. Герман терпеливо ждал продолжения разговора.

– Нам нужны аналитики, а не бойцы, – произнес шеф после паузы. – Для силовых операций мы будем использовать другое подразделение. Поэтому люди из прошлого останутся в прошлом. Ты меня понял?

– Вы думаете, в моей команде был крот? – не церемонясь, спросил напрямую Герман.

– Я так не думаю.

– Хорошо. Потому что я тоже так не думаю, – сказал Герман и посмотрел шефу прямо в глаза.

Николай Иванович спокойно выдержал его взгляд.

– Иди, хватит в гляделки играть. Отоспись и приступай к работе. Вот ключи от офиса, адрес вышлю смс.

Герман кивнул, взял ключи, пожал руку шефу и вышел из ресторана. В душе его терзали сомнения. Правильно ли он поступил, что согласился на новую должность, не поговорив с шефом начистоту?

На улице по-осеннему все еще накрапывал морозящий дождь. Погода навевала грусть, Герману захотелось побыть в одиночестве. Он включил двигатель своего новенького «Лексуса» и поехал в рыбацкую обитель отца – бревенчатый домик на Рузском водохранилище – самое лучшее место для раздумий.

Николай Иванович посмотрел ему вслед, нажал на цифру «1» в быстром наборе телефона и когда ему ответили, тихо доложил:

– Он в деле.

– Я знал, что согласиться, – ответил мужской голос.

Мужчина тяжело дышал, каждая произнесенная им фраза, сопровождалась тяжелым приглушенным свистом. – А что за девица живет в его доме?

– Мелкие правонарушения. Для нас она не опасна. Ситуация из разряда: увидел, пожалел, приютил, – с иронией произнес Николай Иванович.

- Она будет за ним присматривать?
- Уверен, что мы с ней поладим.
- Я тебя понял. Удачного полета, – ответил мужской голос.

К столику подошел ассистент генерала и учтиво произнес:

- Шеф, Королев на проводе. Будете с ним говорить?

Муж Леры был сегодня слишком настойчив, видимо для этого были причины, но именно этим генерал и решил воспользоваться. Николай Иванович нервно забарабанил пальцами по столу, медленно поднял голову и одарил помощника тяжелым взглядом. От неприязни к звонившему ходуном заходили желваки. Он еле успокоил своего подопечного и добился между ними шаткого мира. Королев не препятствовал общению дочери и отца, но при первой же возможности отправил Леру в Европу.

- Он весь на взводе... Хочет урегулировать разногласия.

– Пусть помучается. Иногда ожидание наказания и есть самое эффективное наказание, – философски изрек Николай Иванович и, заметив вопросительный взгляд помощника, добавил: – Но это не значит, что он не будет наказан.

Продолжение следует...

Октябрь 2011г.